

ДАЛЬНЯЯ РОССИЯ

Приморский краеведческий альманах

Выпуск VII

2020 год

1.

2.

3.

1. *Лукьяненко Николай Елизарович - помощник машиниста, депо Ворошилов, конец 1920-х гг.*
2. *Кулинок Иван Андреевич с женой Евдокией.*
3. *Зайченко А.А. в 1920 е гг.*

4.

5.

6.

4. *Шерстюк Кирилл Федорович - дежурный по депо Первая Речка.*
5. *Зеленский А.П. - начальник депо Ворошилов 1940-1943 гг.*
6. *Корнилович Виктор Михайлович - начальник депо Первая Речка 1937-1942 гг.*

7.

8.

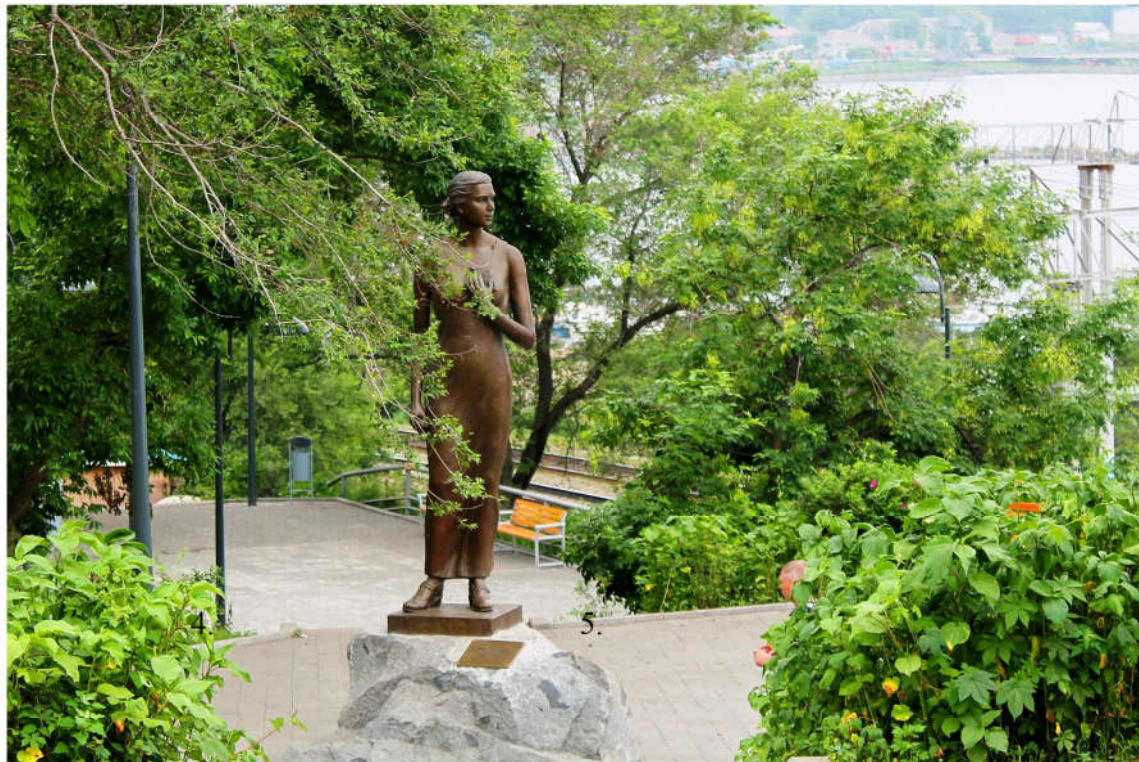
9.

7. *Холоша Николай Архипович - машинист-инструктор, депо Первая Речка.*

8. *Харсель Михаил Александрович - машинист, депо Ворошилов.*

9. *«Железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг.».*

Монография Е.Н.Гнатовской.

5.

«Катюша». Владивосток. Фотография Н. Громько.

Памятник бойцам и командирам, умершим от ран и болезней в 310 военном госпитале в годы ВОВ. Фотография Н. Громыко.

Памятник в г. Спасск-Дальний. Фотография Н. Громыко.

Памятник погибшим в годы ВОВ. Уссурийск. Фотография Н. Громыко.

Памятник Героям Хасана и ВОВ. Славянск. Фотография Н. Громыко.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ДВФУ)
ФИЛИАЛ В Г. УССУРИЙСКЕ (ШКОЛА ПЕДАГОГИКИ)

ДАЛЬНЯЯ РОССИЯ

Приморский краеведческий альманах

75-летию Победы в Великой Отечественной войне

посвящается

(7)

Электронное издание

Владивосток
Дальневосточный федеральный университет
2020 г.

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2020
ISBN 978-5-7444-4922-3

УДК 8::82(82-9):[82-94]
ББК 63.3(2P55)
Д 15

*Альманах издаётся при поддержке
администрации филиала ДВФУ в г. Уссурийске (Школа педагогики)*

Редакционный совет:

Тарасов Валерий Иванович – главный редактор альманаха, кандидат географических наук, профессор кафедры географии, экологии и охраны здоровья детей филиала ДВФУ в г. Уссурийске (Школа педагогики)

Новикова Альбина Алексеевна – зам. главного редактора и координатор альманаха, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики преподавания филиала ДВФУ в г. Уссурийске (Школа педагогики)

Дальняя Россия. Выпуск VII. Поэзия, проза, очерки, архивы, научно-публицистические, литературно-критические статьи, воспоминания, путешествия. Приморский краеведческий альманах. Научно-публицистическое издание / Гл. редактор В.И. Тарасов. Филиал Дальневосточного федерального университета в г. Уссурийске (Школа педагогики). – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2020 г. – [166 с.]. – Загл. с титул.экрана. ISBN 978-5-7444-4922-3. – URL: [http://uss.dvfu.ru/...](http://uss.dvfu.ru/) – Дата публикации: 30.12.2020. – Текст. Изображения : электронные.

Седьмой выпуск Приморского краеведческого альманаха «Дальняя Россия» посвящён 75-летию со дня Великой Победы. В первый раздел альманаха вошли материалы, связанные с проблемами педагогического образования, развитием литературы и культуры в Приморье. Второй раздел представлен научно-публицистическими, историко-краеведческими и архивными материалами, отзывами и рецензиями, воспоминаниями и фотодокументами из истории уссурийских железнодорожников, а также очерками о путешествиях по дальневосточной земле. Лирика и проза приморских поэтов составила третий раздел альманаха. Альманах предназначен преподавателям и студентам дальневосточных учебных заведений, культурологам, историкам-краеведам, а также широкому кругу читателей, всем, кто интересуется проблемами и перспективами развития образования, литературы и культуры Дальнего Востока.

УДК 8::82(82-9):[82-94]
ББК 63.3(2P55)

Научно-публицистическое электронное издание

Дальняя Россия

**Приморский краеведческий альманах
Выпуск VII**

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:
Веб-браузер InternetExplorer версии 6.0 или выше,
Opera Версии 7.0 или выше, GoogleChrome 3.0 или выше.

Компьютер с доступом к сети Интернет.
Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Размещено на сайте 30.12.2020 г.
Объем 5,0 Мб

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
E-mail: editor_dvfu@mail.ru
Тел.: (423) 226-54-43, 265-24-24 (доб. 2383)

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

<i>Приветственное слово Депутата Законодательного Собрания Приморского края Ю.В. Марченко</i>	10
---	----

РАЗДЕЛ I.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЛИТЕРАТУРЫ. АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

<i>Александр Коляда</i> Из историографии города Уссурийска	11
---	----

<i>Альбина Новикова</i> Страницы истории филологического факультета Уссурийского государственного педагогического института (1954–2004)	18
---	----

РАЗДЕЛ II.

РОДНОЕ ПРИМОРЬЕ

1. ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И КРАЕВЕДЕНИЯ ПРИМОРЬЯ

<i>Елена Гнатовская</i> Призрак казнённого комсомольца. Послесловие к книге «Железнодорожники дальневосточного края в 1930-е гг.»	34
--	----

<i>Ирина Фадеева</i> Неугомонный бунтарь: к юбилею В.Г. Кучерявенко	38
--	----

<i>Александр Брюханов</i> Так и будет	42
--	----

<i>Игорь Никифоров</i> Имя на карте Приморья	51
---	----

<i>Елена Сергеева</i> Юлий Иванович Бринер	54
---	----

2. ИЗ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА

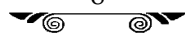
<i>Сергей Плотников</i> История посёлка Богуславский Гродековского станичного округа Уссурийского казачьего войска	64
--	----

3. ПУТЕШЕСТВИЯ, ОЧЕРКИ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Нина Громыко</i> Путешествуем по Приморью. Анучино, Арсеньев, Чугуевка	87
--	----

<i>Сергей Кожин</i> Рок-фест в закрытом городе	92
---	----

<i>Георгий Климов</i> Тайна стеклянных пластин	103
---	-----

<i>Ирина Маринченко, Елена Васильева</i> Творцы дорог: О книге Е.Н. Гнатовской «Железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг.»	110
---	-----

**РАЗДЕЛ III.
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА**

МОЁ ПРИМОРЬЕ

75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается...

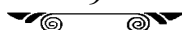
1. ПОЭЗИЯ

<i>Галина Николайчук</i>	114
<i>Нина Исакова</i>	118
<i>Нина Громыко</i>	122
<i>Людмила Зенкова</i>	125
<i>Екатерина Епураш</i>	128
<i>Елена Якимова</i>	131
<i>Геннадий Унжаков</i>	134
<i>Сергей Прохоров</i>	136
<i>Рудик Арутюнян</i>	139

2. ПРОЗА

Рассказы

<i>Анатолий Мелькевич</i> Заместитель гендиректора	145
Отличница ВИОЛЕТТА – мой компас земной	147
<i>Леонид Галаюда</i> Дом родной (очерк)	149
<i>Дина Рычкова</i> И такое бывает	156
Умка	160

ОТ РЕДАКЦИИ

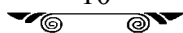
Дорогие друзья!

Нынешний 2020-й год был особенным для России. 75 лет Великой Победы – это особая для нашей страны дата. Самая пронзительная, самая трогательная. Это священный день для каждой российской семьи, объединяющий поколения. Более 10 тысяч бойцов ушли из Уссурийска на фронт, более трёх тысяч навеки остались на полях сражений. Быть наследниками Великой Победы – большая честь и ответственность. Историю нельзя переписать, её нужно помнить и гордиться героическими страницами прошлого.

От всей души выражаю слова искренней благодарности авторам альманаха. Ведь вы пишете историю нашего края, прославляя достижения его жителей. Я не сомневаюсь, что очередной номер по-настоящему исторического альманаха станет значимым событием и найдёт своего читателя – истинного патриота, бесконечно любящего Приморский край и Уссурийский городской округ.

Желаю всем читателям альманаха получить максимум положительных впечатлений от материалов, собранных на этих страницах, а творческому коллективу – успехов на литературной ниве, созидательного роста и неиссякаемого вдохновения! Пусть издание и дальше идёт в ногу с нашим динамичным временем, остаётся читаемым, желанным и востребованным!

**Депутат Законодательного Собрания Приморского края
Ю. В. Марченко**

РАЗДЕЛ I.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЛИТЕРАТУРЫ. АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

Александр Коляда

Кандидат биологических наук,
доцент филиала ДВФУ
в г. Уссурийске (Школа педагогики),
член Общества изучения Амурского края
г. Уссурийск, Россия

К историографии города Уссурийска

В 2021 году город Уссурийск будет отмечать своё 155-летие. За этот более чем полуторавековой период появился целый ряд публикаций об истории и жизни города. Представлены они, главным образом, статьями в различных журналах, сборниках научных трудов и других периодических изданиях. Однако определённое место среди них занимают труды монографического характера, которые рассматриваются в настоящей работе.

Существуют немногочисленные библиографии. Первой публикацией такого рода стал рекомендательный список литературы об Уссурийске, составленный к 120-летию города сотрудником Приморской краевой научной библиотеки им. А.М. Горького Н.С. Иванцовой [109]. Следующий библиографический указатель появился почти двадцать лет спустя [108]. В 2016 г. была опубликована работа сотрудника Центральной городской библиотеки г. Уссурийска Л.В. Становой «Я эту землю родиной зову» [119].

Немалое число публикаций охватывает несколько периодов истории Уссурийска.

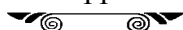
Так, информация о селе Никольском и созданном на его основе городе содержится в различного рода статистических работах, посвящённых Дальнему Востоку, например в периодически издававшейся «Памятной книжке Приморской области» [86]. Немало сведений о городе включено в многотомный труд по истории Дальнего Востока [36–41] и работу по Дальневосточному региону Ю.А. Ижко и Н.Н. Чаленко [34].

Первой обзорной работой по истории города стал краткий исторический очерк г. Никольск-Уссурийского, составленный бывшим городским старостой В.А. Калинин и приуроченный к Выставке Приамурского края в память 300-летия царствования дома Романовых [42]. В 2015 г. уссурийским историком О.Б. Лыншей он был снабжён современными комментариями [55].

В советский период первым и единственным трудом монографического характера об истории города стала книга, подготовленная к его 100-летию [110]. Очередной юбилейный труд появился лишь спустя двадцать пять лет [112].

В постсоветский период наблюдается значительный рост публикаций о городе. Одной из первых стала работа сотрудников Уссурийского государственного педагогического института А.С. Коляды и А.Н. Кузнецова «Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету» [51], явившаяся своеобразной хрестоматией по дореволюционной истории города. О становлении и развитии Уссурийска и сёл Уссурийского городского округа рассказывает книга Н.И. Леонова «На берегах Раздольной» [60]. Истории городской думы как представительного органа местного самоуправления посвящена работа А.В. Коваленко и Н.Н. Паничкина «Уссурийская дума – страницы истории» [47].

В дальнейшем появились обзорные работы по городу и району А.Г. Дряхлова с соавторами [28], Ю.А. Романова и Н.Н. Чаленко [96], Ю.А. Романова [95].

Наконец, существуют тематические публикации, касающиеся топонимики города [33, 48], его научной жизни [52], нововведений [50], хронологии событий [89], культуры [80], виды города на открытках [103–104], памятникам истории и культуры [87–88], официальной символике [15]. Целый ряд работ посвящён среднему [25] и высшему [69] образованию в Уссурийске, главным образом истории Уссурийского государственного педагогического института [65, 67–68, 90, 99–100, 120] и Приморской государственной сельскохозяйственной академии [5, 84, 92].

Издан ряд фотоальбомов [19, 77–78, 107], а также атлас Уссурийска [106], включающие сведения об истории города.

Существенно меньше работ, посвящённых какому-то конкретному периоду в истории Уссурийска.

Единичны публикации, отражающие результаты исследований древнейшей истории Уссурийского городского округа [71, 111].

Лучше представлена средневековая история (главным образом Чжурчженского периода) территории, на которой впоследствии обосновался Уссурийск [7, 8, 18, 72, 82, 94, 97, 114 и др.].

События нового времени освещены в работах А.Л. Мезенцева «От империи к империи» [73] и Н.И. Леонова «На край света за счастьем» [62].

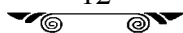
Вероятно, первым монографическим произведением, в котором было упомянуто с. Никольское, стала работа Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае», изданная в 1870 г. [91]. Сведения о Никольском имеются и в работе Ф.Ф. Буссе «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах» [1]. Впоследствии многие путешественники, бывая на юге Дальнего Востока, посещали и с. Никольское (а позднее возникший из него Никольск-Уссурийский), публикуя свои впечатления как в периодических изданиях, так и в книгах [5, 22, 44, 76, 83, 85, 116, 118 и др.]. О визите в с. Никольское цесаревича Николая в 1891 г. говорится в работе П.Ф. Унтербергера «Приморская область» [105], а также в юбилейном издании «Царские дни на берегу Тихого океана» [117].

Сведения о дореволюционном Уссурийске содержатся в Обзорах Приморской области [81], а также в работах «Никольск-Уссурийский: страницы истории: Документы и материалы», выпущенной в свет архивом Дальнего Востока [79], и «Дореволюционный Уссурийск: формирование архитектурно-планировочной структуры, топонимии и образа города», опубликованной Н.С. Зуевой и О.Б. Лыншей [33].

Советский период до Великой Отечественной войны представлен в основном книгами, включающими сведения о Никольск-Уссурийском в годы Гражданской войны [16, 29, 30–32, 56, 58, 98 и др.].

Имеется целый ряд публикаций, рассказывающих об истории и деятельности учреждений Министерства обороны [20, 93], пожарной службы [66], железной дороги [2, 23–24, 35, 115, 121–122], ОАО «Приморвзрывпром» [6], Тихоокеанской мостостроительной компании [75].

Изданий, посвящённых персоналиям, относительно немного [49, 113]. Ветеранам войны и тыла посвящены книги Н.И. Леонова «Уссурийцы в боях за Родину» [59], «Юность, возмужавшая в войне» [61], «Мужественные сердца» [63], «Подвиги сыновей – помнит Родина-мать» [64]. Существуют публикации, посвящённые уссурийцам – Героям Советского Союза [101] и Почётным гражданам Уссурийска [3, 4]. В ПГСХА вышел целый ряд библиографических брошюр о преподавателях вуза [14, 70, 74 и др.]. Кроме того, были опубликованы работы о выпускниках академии [102] и его руководителях [26, 27, 43]. Уссурийцы фигурируют в таких работах, как «Кто есть кто в Приморском крае» [57], «Лесоводы Дальнего Востока» [21], альманахе «100 выдающихся сограждан» [9–13], биографическом словаре «Художники Дальнего Востока» [53] и ряде других. Опубликованы списки жертв Великой Отечественной войны [46] и жертв политических репрессий [45]. Существует и единственная семейная хроника, посвящённая роду Меркурьевых – «Меркурьевы: воспоминания и страницы истории» [17].

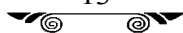

Следует отметить, что существует целый ряд публикаций, в которых отсутствуют выходные данные, что делает невозможным сделать ссылку. Это, например, издания об уссурийских художниках, а также буклеты, посвящённые юбилеям различных учреждений культуры и образования.

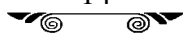
Таким образом, в историографии г. Уссурийска преобладают монографические работы общего плана, освещающие события разных этапов его исторического пути.

Литература:

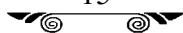
1. Буссе, Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. – СПб.: Тип.т-ва «Общественная польза», 1896. – 165 с.
2. Вагонное рефрижераторное депо. – Уссурийск, 1999. – 173 с.
3. Васянович, А.М. Почётные граждане города Уссурийска. – Владивосток: Русский остров, 2011. – 132 с.
4. Васянович, А.М., Децик, В.Е. Почётные граждане Уссурийска. – Владивосток: Русский остров, 2016. – 376 с.
5. Веремчук, М.А. Институту экономики и бизнеса Приморской государственной сельскохозяйственной академии 40 лет (1969–2000 гг.). – Владивосток: ООО «Фонд Восточная Азия», 2000. – 100 с.
6. Взрыв – создатель. 75 лет ОАО «Приморвзрывпром». – Изд-во УГПИ, 2008. – 59 с.
7. Воробьёв, М.В. Чжурчжени и государство Цзинь. – М.: Наука, 1975. – 445 с.
8. Воробьёв, М.В. Культура чжурчженей и государства Цзинь. – М.: Наука, 1983. – 346 с.
9. Всё Приморье: Кто есть кто в крае. 100 выдающихся сограждан. Коллективные портреты: Альманах. – Владивосток: «Тихоокеанский форум прессы», 2002. – 224 с.
10. Всё Приморье: Кто есть кто в крае. 100 выдающихся сограждан. Коллективные портреты: Альманах. – Владивосток: «Тихоокеанский форум прессы», 2003. – 176 с.
11. Всё Приморье: Кто есть кто в крае. 100 выдающихся сограждан. Коллективные портреты: Альманах. – Владивосток: «Тихоокеанский форум прессы», 2004. – 192 с.
12. Всё Приморье: Кто есть кто в крае. 100 выдающихся сограждан. Коллективные портреты: Альманах. – Владивосток: «Тихоокеанский форум прессы», 2006. – 192 с.
13. Всё Приморье: Кто есть кто в крае. 100 выдающихся сограждан. Коллективные портреты: Альманах. – Владивосток: «Тихоокеанский форум прессы», книжно-газетное издательство «Дальпресс», 2008. – 176 с.
14. Геннадий Викторович Гуков – к 80-летию со дня рождения / Сост. А.П. Ковалев (Биобиблиография лесоводов Дальнего Востока. Вып. 17). – Хабаровск: Изд-во ФБУ ДальНИИЛХ, 2017. – 119 с.
15. Гербы городов России. Книга вторая. – М.: Профиздат, 2006. – 223 с.
16. Голионко, В. Таёжные походы. Сборник эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке / Под ред. М. Горького, П. Постышева, И. Минца. – М.: Изд-во «История гражданской войны», 1935.
17. Гончаров, А.О. Меркурьевы: воспоминания и страницы истории. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. – 280 с.
18. Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. – М.: ИВЛ, 2018. – 367 с.
19. Город, где мы: Фотоальбом. – Уссурийск: ФГУП «Изд-во «Дальнаука» ДВО РАН, 2011. – 384 с.
20. Громыко, Н.В., Попова, О.И. Прошлое и настоящее Уссурийского военного госпиталя». Хроника событий. – Владивосток: Изд-во «48 часов», 2013. – 160 с.
21. Гуков, Г.В. Лесоводы Дальнего Востока. Часть 1. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 307 с.
22. Далёкая Россия. Уссурийский край (с картой и рисунками Алябьева). – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1872. – 115 с.
23. Дальневосточная магистраль. К 40-летию Великого Октября. – Хабаровск, 1957. – 393 с.

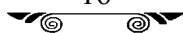
24. Дальневосточные железнодорожники в годы Великой Отечественной войны / сост. В.Ф. Зуев. – Хабаровск: ООО «Дизайн-студия «ВАрт», 2010. – 280 с.
25. Децик, В.Е., Ещенко, М.Б. С юбилеем, любимая школа!: книга–летопись. – Уссурийск: Типография «ЛИТ», 2013. – 384 с.
26. Дёмин, А.А. Крестьянский сын – ректор академии. – Уссурийск, 2018. – 224 с.
27. Дёмин, А.А. Симфония любви. – Уссурийск, 2019. – 56 с.
28. Дряхлов, А.Г., Романов, Ю.А., Чаленко, Н.Н. Культурно-исторические и природные достопримечательности Уссурийской земли: Учебно-исторический очерк. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. – 216 с.
29. За власть Советов! – Владивосток: Примор. книж. изд-во, 1957. – 348 с.
30. За советский Дальний Восток / Сост. Б.И. Мухачёв, М.М. Свиридова. – Владивосток: Дальиздат, 1981. – 392 с.
31. За советский Дальний Восток / Сост. Б.И. Мухачёв, М.М. Свиридова. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. – 352 с.
32. За советский Дальний Восток. Вып. 4. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. – 324 с.
33. Зуева, Н.С., Лынша, О.Б. Дореволюционный Уссурийск: формирование архитектурно-планировочной структуры, топонимии и образа города. – Уссурийск: Изд-во ДВФУ, 2012. – 91 с.
34. Ижко, Ю.А., Чаленко, Н.Н. Дальний Восток: история и современность: Учебное пособие. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2007. – 204 с.
35. Из века в век...: Уссурийскому локомотиворемонтному заводу – 110 лет. – Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2005. – 136 с.
36. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. – М.: Наука, 1989. – 375 с.
37. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1990. – 471 с.
38. История Дальнего Востока России. Дальний Восток России в период революции 1917 г. и Гражданской войны. Том 3. Книга 1. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 632 с.
39. История Дальнего Востока России. Т. 3. Книга 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 656 с.
40. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 696 с.
41. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 904 с.
42. Калинин, В.А. Краткий исторический очерк города Никольск-Уссурийского. – Никольск-Уссурийский: Электро-типография С.К. Гурского, 1913. – 86 с.
43. К.А. Мясников и его время. Сборник воспоминаний к 55-летию Приморской ГСХА / А.А. Ким, А.И. Павленко (авт.-сост.). – Уссурийск: ПГСХА, 2012. – 95 с.
44. Кауфман, А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901–1903 гг. – СПб.: Изд-во товарищества «Общественная польза», 1905. – 353 с.
45. Книга памяти жертв политических репрессий по Приморскому краю в 1920–50-е гг. – Владивосток: Изд-во «Водолей», 2014. – 456 с.
46. Книга памяти защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 3. (город Уссурийск, районы Тернейский, Ханкайский, Хасанский, Хорольский, Черниговский, Чугуевский, Шкотовский, Яковлевский, дополнительные списки по городам и районам края, Дальневосточное морское пароходство). – Владивосток: ГИПК «Дальпресс», 1995. – 548 с.
47. Коваленко, А.В., Паничкин, Н.Н. Уссурийская Дума – страницы истории. – Владивосток, 2004. – 170 с.
48. Коляда, А.С. Уссурийский городской округ в названиях. – Уссурийск: Изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2011. – 108 с.

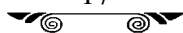
49. Коляда, А.С. Кто есть кто в истории города Уссурийска. Вып. 1. – Уссурийск: Изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2012. – 100 с.
50. Коляда, А.С. История Уссурийска через призму нововведений и достижений. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 160 с.
51. Коляда, А.С., Кузнецов, А.Н. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1997. – 224 с.
52. Коляда, А.С., Мезенцев, А.Л., Ковешников, Е.В. Южно-Уссурийское отделение Приморского отдела Русского географического общества (1916–1929). Биологические исследования: Монография. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. – 128 с.
53. Крадин, Н.П. Художники Дальнего Востока (XIX – середина XX вв.): Биографический иллюстрированный словарь. – Хабаровск: Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2009. – 176 с.
54. Краснов, П.Н. По Азии. – СПб., 1903. – 616 с.
55. Краткий исторический очерк города Никольск-Уссурийского / Сост. В.А. Калинин; вступ. ст. и прим. О.Б. Лынша. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2015. – 96 с.
56. Крушанов, А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1983. – 232 с.
57. Кто есть кто в Приморском крае. – Владивосток: ИТЛ, 1993. – 165 с.
58. Куцый, Г.С. Становление советской власти в Приморье (1917–1922 гг.). – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1977. – 176 с.
59. Леонов, Н.И. Уссурийцы в боях за Родину. – Владивосток: «Дюма», 2000. – 188 с.
60. Леонов, Н.И. На берегах Раздольной. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2001. – 80 с.
61. Леонов, Н.И. Юность, возмужавшая в войне. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2002. – 66 с.
62. Леонов, Н.И. На край света за счастьем. Переселение в Южно-Уссурийский край / Н.И. Леонов. – Уссурийск, 2004. – 84 с.
63. Леонов, Н.И. Мужественные сердца. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2005. – 92 с.
64. Леонов, Н.И. Подвиги сыновей – помнит Родина-мать. – Владивосток: Изд-во РИЦ «Автограф», 2007. – 92 с.
65. Лихарев, Д.В., Лынша, О.Б. Учителя учителей. История Уссурийского государственного педагогического института. 1909–2004. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2004. – 320 с.
66. Лынша, О.Б. История пожарной службы города Уссурийска. – Уссурийск, 1999. – 116 с.
67. Лынша, О.Б. От учительской семинарии до института. К истории Уссурийского государственного педагогического института. 1909–1954 гг. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. – 232 с.
68. Лынша, О.Б. От учительской семинарии до института. К истории Школы педагогики ДВФУ. 1909–1954 гг. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. – 268 с.
69. Лынша, О.Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882–1922 г. – 2017. (<http://uss.dvfu.ru/e-publications/2017>).
70. Максименко, Н.В. Артур Сергеевич Богачёв: библиографический указатель к 70-летию со дня рождения и 50-летию со дня основания Института лесного и лесопаркового хозяйства. – Уссурийск, 2010. – 61 с.
71. Мезенцев, А.Л. Уссурийск за гранью времен. Книга 1. Ушедшие тысячелетия. Заметки о первобытном прошлом на территории Уссурийского городского округа. – Уссурийск, 2015. – 120 с.
72. Мезенцев, А.Л. Уссурийск за гранью времён. Книга 2. Ушедшие столетия. Заметки о средневековом прошлом на территории Уссурийского городского округа. – Уссурийск, 2016. – 200 с.
73. Мезенцев, А.Л. От империи до империи. К 150-летию Уссурийска. – Уссурийск, 2016. – 184 с.
74. Михаил Иванович Григорович: библиографический указатель к 70-летию со дня рождения и к 55-летию со дня основания ПГСХА / Сост. А.А. Иванова, Т.О. Мелихова. – Уссурийск, 2012. – 33 с. (Серия «Портреты учёных академии». Вып. 14).

75. Мостостроители: [Тихоокеанская мостостроительная компания. История строительства через бухту Золотой Рог]. – Владивосток: Издательская компания «Золотой Рог», 2012. – 296 с.
76. Муров, Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска: путевой дневник. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1901. – 161 с.
77. На перекрёстке трёх эпох: Городу Уссурийску 140 лет. – Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006. – 128 с.
78. Народная книга «Мой Уссурийск» / Под ред. Е. Кислова. – Находка: Изд-во Народная книга. 2004. – 281 с.
79. Никольск-Уссурийский: страницы истории: Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, Информационно-рекламное агенство «Комсомолка ДВ», 2003. – 180 с.
80. Новикова, А.А. Из истории развития культуры Дальнего Востока: Учебное пособие. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2007. – 190 с.
81. Обзор Приморской области: Приложение к Всеподданнейшему отчёту. – Владивосток, 1899–1915.
82. Окладников, А.П. Далёкое прошлое Приморья. (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). – Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1959. – 292 с.
83. Островидов, В.А., протоиерей. Дальний Восток и путевые впечатления от Владивостока до Петрограда. – Одесса, 1915.
84. Павленко, А.И. Очерк истории Приморской государственной сельскохозяйственной академии (до и после 1957 года). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 152 с.
85. Павлов, Е. На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений во время войны с Японией. – СПб., 1907. – 105 с.
86. Памятная книжка Приморской области. Издание Приморского областного статистического комитета. – 1896–1916 гг.
87. Памятники истории и культуры Приморского края. (Аннотированный список) / под ред. А.И. Крушанова. – Владивосток: Дальневост. книжн. изд-во, 1982. – 248 с.
88. Памятники истории и культуры Приморского края. Материалы к своду. – Владивосток: Дальневост. книжн. изд-во, 1991. – 268 с.
89. Паничкин, Н.Н. Уссурийский хронограф. – Уссурийск, 2016. – 268 с.
90. Перед именем твоим...: Педагогическому образованию Дальнего Востока – 100 лет. – Хабаровск: Дальневосточный издательский центр «Приамурские ведомости», 2009. – 112 с.
91. Пржевальский, Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. – СПб., 1870. – 373 с.
92. Приморская государственная сельскохозяйственная академия: институты, кафедры, структурные подразделения за 50 лет (1957–2007 гг.) / Павленко А.И. (ред.-сост.). – Уссурийск, 2007. – 240 с.
93. Пятая Краснознамённая общевойсковая армия. 70 лет на страже Отечества. – Владивосток: Русский остров, 2011. – 152 с.
94. Романов, Ю.А. Уссурийск: страницы древней истории. – Уссурийск, 2009. – 202 с.
95. Романов, Ю.А. Уссурийск: страницы истории и современность. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 503 с.
96. Романов, Ю.А., Чаленко, Н.Н. Уссурийск – культурно-историческая жемчужина Приморья. – Уссурийск: ДВВАКИУ, 2006. – 312 с.
97. Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 696 с.
98. Рыжов, И.Л. Последний поход: Заключительный этап Гражданской войны в России (сентябрь-октябрь 1922 года в Приморье). – Владивосток: Дальнаука, 2013. – 316 с.
99. Рябинин, П.Н. Краткий исторический очерк бывшей Никольск-Уссурийской учительской семинарии / под ред. В.И. Тарасова. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1999. – 27 с.
100. Синько, Г.И. Физико-математический факультет (1954-2004 гг.). – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2004. – 110 с.

101. Танасьев, Е.А. Герои Уссурийска 1941–1945. – Уссурийск: Изд-во Характер, 2010. – 28 с.
102. Твои выпускники, академия. 50-летию ПГСХА посвящается. – Уссурийск, 2007. – 94 с.
103. Турмов, Г. Уссурийск (Никольск-Уссурийский) на почтовых открытках. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2006. – 76 с.
104. Турмов, Г. Никольск-Уссурийский, Уссурийск на почтовых открытках, 1900-2011. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2011. – 103 с.
105. Унтербергер, П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. – СПб., 1900. – 395 с.
106. Уссурийск. Атлас города. Справочное картографическое издание. – Владивосток: Дальпресс, 2009. – 80 с.
107. Уссурийск / Под ред. М. Дубранова. – Владивосток: Ворон. 1996. – 148 с.
108. Уссурийск. Что читать о городе? Рекомендательный библиографический указатель / А.С. Коляда, Т.П. Вологодская (сост.). – Уссурийск: МУК «ЦБС г. Уссурийска», Центральная городская библиотека им. А. Горького, 2005. – 181 с.
109. Уссурийск. 1866–1986. Рекомендательный список литературы // Н.С. Иванцова (сост.). – Владивосток: Приморская краевая научная библиотека им. А.М. Горького, 1987. – 63 с.
110. Уссурийск. 1866–1966 / сост. А.И. Гулянский и др. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1967. – 75 с.
111. Уссурийские древности. Памятно-исторические места Уссурийского городского округа / Под ред. А.Л. Мезенцева, Ю.В. Богдановой. – Уссурийск, 2014. – 112 с.
112. Уссурийску – 125 лет: очерки истории. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. – 135 с.
113. Уссурийцы в боях за Родину. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2000. – 104 с.
114. Фёдоров, А.З. Памятники старины в г. Никольск-Уссурийском и его окрестностях. – Никольск-Уссурийск: Издание К.И. Лепина, 1916. – 24 с.
115. Филатов, А.Е. Люди и судьбы. К 60-летию Уссурийского рефрижераторного вагонного депо. – Владивосток, 2003. – 176 с.
116. Холодов, Н. Уссурийский край. – СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1908. – 88 с.
117. Царские дни на берегу Тихого океана. К 125-летию Восточного путешествия и посещения Владивостока и Южно-Уссурийского края Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем Романовым / Под ред. И.А. Романова, В.Н. Романовой. – Владивосток: Изд-во «Русский остров», 2016. – 58 с.
118. Шрейдер, Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). – СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1897. – 468 с.
119. «Я эту землю родиной зову»: рекомендательный список литературы. / Сост. Л.В. Станова. – Уссурийск: МБУК «ЦБС» Центральная городская библиотека, 2016. – 26 с.
120. Alma-mater. К 50-летию Уссурийского государственного педагогического института. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2004. – 60 с.
121. 70 лет Уссурийской дистанции гражданских сооружений НГЧ-5. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2000. – 76 с.
122. 100 лет – на подъём. 1895–1995 гг. – Владивосток: Дальпресс, 1995. – 135 с.

Альбина Новикова

Кандидат филологических наук, доцент
Филиал ДВФУ в г. Уссурийске
(Школа педагогики)
г. Уссурийск, Россия

Страницы истории филологического факультета Уссурийского государственного педагогического института (1954-2004)

*В каждом слове видится открытие,
И слова горят, как будто свечи.
Факультет словесности – событие
Для того, кто дружен с русской речью,*

*Для того, кто понимает сердцем,
Что слова, как гибкая скульптура.
Все словесники – единоверцы
Их любовь – язык, литература...*

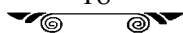
Эти поэтические строки впервые прозвучали в 1999 году на торжественном собрании, посвящённом 45-летию филологического факультета Уссурийского государственного педагогического института, на которое собрались многочисленные гости, студенты-выпускники и преподаватели (фото 1).

С тех пор стихотворение Сергея Козлова, выпускника 1995 года, стало визитной карточкой одного из старейших факультетов УГПИ в Приморском крае (наравне с физико-математическим факультетом), имеющего богатые культурные традиции в сфере педагогического образования.

В 2004 году филологи праздновали своё 50-летие, а впоследствии началась постепенная реорганизация факультета русского языка и литературы, как назывался он ранее. А теперь он был разделён на три кафедры: русского языка, истории литературы и мировой культуры, литературы, теории и методики преподавания литературы. Уже в 2001 году появилась новая специальность «Русский язык и литература с дополнительной специальностью «Культурология». С 2002 года факультет получил новое направление в связи с открытием университетских специальностей «Социология» (на дневном отделении), «Культурология» (на дневном и заочном отделениях) и «Библиотечно-информационная деятельность» (на заочном отделении). Эти специальности были сначала прикреплены к факультету русского языка и литературы. С 2007 года на факультете русского языка и литературы открыто было новое направление – «Бакалавр филологического образования» для иностранных студентов, и в 2011 году состоялся первый выпуск студентов по специальности «Русский язык как неродной и литература». Следом – новое направление для иностранных студентов – «Русский язык как иностранный» (последний выпуск был в 2019 году).

В 2008 году произошла новая реорганизация, факультет получил новый статус и стал называться «Факультет русской филологии и социально-гуманитарных наук» (деканом был назначен Назаров Михаил Серафимович). Чуть позже направления «Социология. Преподаватель социологии» и «Культурология» стали самостоятельными на дневном и заочном отделениях.

Заведующим кафедрой этих лет был Томилов В.А., кандидат философских наук, доцент (в настоящее время – и.о. заведующего кафедрой исторического образования). Были открыты аспирантура и магистратура, куда могли поступать лучшие студенты, проявившие глубокие творческие способности. На сегодняшний день, к сожалению, осталась только ма-

гистратура по направлению «Языковое образование» («Преподавание русского языка в контексте современной науки и образования»).

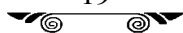
Фото 1. 1999 год. Коллектив преподавателей в день празднования 45-летия филологического факультета. Первый ряд слева направо: Виговская О.П., Костогукайло Г.Л., Волкова Е.С., Тарасов В.И. (ректор института), Полозова Г.Н., Чумакова Л.А., Крутоус Л.Т.; второй ряд слева направо: Чупрасова В.И., Гавриленко Т.А., Михельсон Г.Ф (лаборант кафедры педагогики), Бутько Л.М. (лаборант кафедры русского языка), Панченко Т.М. (лаборант кафедры литературы), Лопатина В.Д., Томилова Т.И., Новикова А.А. (декан факультета); третий ряд слева направо: Жицкая Т.Б., Щербакова А.Н., гости из Сельскохозяйственного института

Значительна мысль о том, что учитель работает над самой ответственной задачей – формирует человека. Пожалуй, в самой большей мере это можно отнести к учителю русского языка и литературы.

Приоткроем страницы истории становления филологического факультета и кратко расскажем, как всё начиналось.

После окончания Великой Отечественной войны в СССР начинает осуществляться переход к обязательному семилетнему образованию. Кадры учителей для 5–7-х классов семилетней и средней школы готовили учительские институты. По распоряжению правительства СССР от 11 июля 1949 года за № 10574 был образован Ворошиловский государственный учительский институт с двумя отделениями: русского языка и литературы, физики и математики. 20 сентября 1949 года, после объявления о наборе студентов через местную краевую печать и радио, по результатам приёмных экзаменов на первый курс отделения русского языка и литературы было зачислено более 40 человек.

В августе-октябре 1949 года начинает оформляться педагогический коллектив учительского института, открывается кафедра русского языка и литературы, исполняющей обязанности заведующего кафедрой была назначена кандидат филологических наук, доцент Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена Клара Абрамовна Немировская

(приказ № 421 от 12 августа 1949 г.) и 27 января 1951 года она была утверждена приказом Министерства просвещения РСФСР в должности заведующей кафедрой русского языка и литературы.

Постепенно оформляется педагогический коллектив кафедры, основной костяк которой составляют преподаватели из других вузов страны: З.В. Привалова (Благовещенский педагогический институт), Т.Б. Иванова (Свердловский педагогический институт). В 50-е годы на кафедру приходят новые сотрудники: А.М. Матвиевская, Ф.С. Мисяк, А.В. Комисарова и др.

Первый выпуск отделения русского языка и литературы составил 48 человек с присвоением квалификации преподавателя русского языка и литературы и звания учителя средней школы с правом преподавания в первых семи классах средней школы. Диплом с отличием получили 8 выпускников. Среди них можно назвать К.А. Захарову, Е.А. Каминскую, Н.А. Миненко, А.А. и П.П. Мацко и др. А 3 июля 1951 года все выпускники были оформлены приказами и назначены на работу в средние школы Приморского края.

3 июля 1952 года состоялся второй выпуск Ворошиловского учительского института. Успешно сдали государственные экзамены 57 человек на отделении русского языка и литературы, диплом с отличием получили 7 человек. Таким образом, с 1949 по 1954 гг. был накоплен большой опыт работы учительского института, в средние школы края были направлены 223 учителя русского языка и литературы.

Год основания одного из старейших факультетов нашего вуза – 1954-й. Документ, положивший начало Уссурийскому государственному педагогическому институту, зародился в недрах Министерства просвещения РСФСР в августе 1953 года. По распоряжению Совета Министров СССР от 7 августа 1953 г. (№ 10709) и Совета Министров РСФСР от 11 августа того же года (№ 4237) было рекомендовано создать на базе Ворошиловского учительского института высшее учебное заведение – государственный педагогический институт.

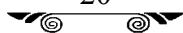
На дневном отделении факультета ввели новую специальность – учитель английского языка. Первый набор студентов на факультет составил 75 человек, его первым деканом была назначена Зоя Васильевна Кольцова (всего за 50 лет сменилось 12 деканов), а заведующим единственной кафедрой русского языка и литературы стал К.В. Наумов. В 1955 году из 11 преподавателей учёную степень кандидата филологических наук имели И.Я. Сердобинцев и К.В. Наумов. Одновременно открыли заочное отделение, студентами которого стали выпускники Ворошиловского 2-х годичного учительского института: Каминская Елена, Лашко Юрий (сын преподавателя А.П. Коломеец), Мухортова Мария, Мацко Алексей, Рожкова Татьяна, Сильченко Полина, Ткаченко Елена, Эргман Сара.

Первый выпуск студентов состоялся в 1958 году, а на дневном отделении – в 1959 году. Диплом об окончании института и присвоении квалификации «Учитель русского языка, литературы и английского языка» получили 63 выпускника дневного отделения, из них 5 человек окончили институт с отличием

5 июля 1956 года было принято решение о разделении кафедры на две: кафедра литературы (зав. кафедрой – Л.Б. Фингерт) и кафедра русского языка (зав. кафедрой – В.Я. Симонова).

Среди первых выпускников факультета можно назвать А.И. Козырь, В.Е. Децик, Г.Л. Костогукайло, К.И. Чуркину, Г.П. Пикалову (долгое время она была заместителем декана по учебной и воспитательной работе), Г.И. Гончарук, А. А. Новосёлову, А.М. Дрыгант, а на заочном отделении – А.Ф. Селенину. Много хороших слов можно сказать и о таких педагогах, как М.А. Касаткин, Л.Н. Санжаров, З.В. Привалова, Л.Б. Фингерт, В.Ф. Сизых, Ф.С. Мисяк, В.С. Нестеренко, Е.В. Горбулина, А.А. Татуйко, А.С. Елизарова, В.Л. Постоева, В.О. Брискин и др.

С 1965 по 1982 гг. яркой фигурой на филологическом факультете был Лев Михайлович Вольпе, коренной москвич, приехавший в Приморский край. В УГПИ он прошёл по объявленному в печати конкурсу на замещение вакантной должности доцента кафедры литературы и проработал в институте в общей сложности 17 лет. Почти всё это время он руководил кафедрой литературы, затем возглавил на некоторое время факультет. Л.М. Вольпе многое

сделал для укрепления кадрового потенциала кафедры литературы, читал замечательные лекции по устному народному творчеству, истории советской литературы и теории литературы, вёл спецкурс по стиховедению. Часто его литературные заметки появлялись на страницах городской газеты «Коммунар» в разделе «Литература и искусство».

Так, 20 марта 1981 года в газете была опубликована замечательная рецензия Л.М. Вольпе «И будут вечно жить...» на сборник стихотворений о Великой Отечественной войне, выпущенный Дальневосточным книжным издательством. Лев Михайлович писал, что «книга имеет подзаголовок – фронтовые стихи, но помимо стихов в центре каждого раздела мы встречаемся с отрывками из известных произведений русской прозы – из романа М. Шолохова «Они сражались за родину», из публицистического очерка Бориса Горбатого «О жизни и смерти», из рассказов Л. Первомайского «После атаки» и В. Андреева «В Берлине» [примеч., 4].

Вольпе Л.М. считал, что эти прозаические отрывки «наполнены такой внутренней энергией, звучат так поэтично, создают такой настрой, что их включение в книгу стихов вполне закономерно. Они ещё раз свидетельствуют о том, что писать о героях Великой Отечественной спокойно нельзя, что волнение, овладевшее писателями, передаётся и нам, читателям».

Привожу воспоминания из письма одного из бывших его студентов заочного отделения Станислава Офицерова: «Вольперианцы... (так называли себя студенты, слушавшие лекции своего учителя). Да одного этого слова, понятия за глаза хватит для оценки Льва Михайловича Вольпе, его колоссального труда по утверждению прекрасного русского языка, и не только на Дальнем Востоке: мы разъехались по всей территории СССР, уехали в Европу, Америку, Азию, учим своих учеников и студентов разных национальностей любить и понимать русскую поэзию. Мы – искры большого костра, зажжённого трудом и талантом Вольпе». И далее: «И в нашей душе живут услышанные впервые от него строки запретного тогда поэта Николая Гумилёва: «Или бунт на борту обнаружив, / Из-за пояса рвёт пистолет, / Так что сыпется золото с кружев, / С розоватых брабантских манжет».

Лев Михайлович, по словам С. Офицерова, «был созвучен всей своей жизнью этим строкам: герой войны, боевой офицер, поэт и паладин великого храма русской речи. Он всегда остаётся с нами и в нас, а его знания – в наших потомках».

В 1980-е годы преподавательский коллектив практически на 100 % состоял из выпускниц филологического факультета УГПИ разных лет. Но процесс постепенного заполнения преподавательских вакансий кафедр русского языка и литературы «своими кадрами» начался в 60-е годы. Первыми из них стали Клавдия Ивановна Чуркина и Горислава Леонидовна Костогукайло (Коршунова).

В 1963 году Г.Л. Костогукайло (Коршунова), одна из первых выпускниц факультета, возглавила кафедру русского языка. В этом же году К.И. Чуркина начала работать ассистентом этой же кафедры, защитила кандидатскую диссертацию по русскому языку, а в 1972 году её избрали на должность декана филологического факультета. В 1976 году она уехала в ГДР для обучения немецких студентов русскому языку и новым деканом (и.о. короткое время был Л.М. Вольпе) назначили Г.Л. Костогукайло, ставшей к этому времени кандидатом филологических наук и доцентом. Она руководила филологическим факультетом 12 лет (до 1988 года) (фото 2).

Трудовая биография Гориславы Леонидовны Костогукайло – это биография института и одного из основных факультетов УГПИ. Её многолетний труд по подготовке учителей-словесников был отмечен многочисленными наградами, грамотами Министерства просвещения. Она получила звание «Ветеран труда» и была награждена медалью «За трудовые успехи».

Следует отметить, что вторая половина 1970-х годов стала временем формирования основного костяка преподавательского коллектива филологического факультета. Под руководством декана Г.Л. Костогукайло он комплектовался из выпускниц факультета, продолжавших определять основные направления его научной и педагогической деятельности.

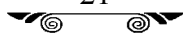

Фото 2. 1977 год. Выпускной курс – 120 человек, из них 7 юношей с любимыми преподавателями. Сидят справа налево: Чупрасова В.И., Пикалова Г.П., Крутоус Л.Т., Костогукайло Г.Л. (декан), Волкова Е.С., Милокостенко Л.М.

Одним из ведущих специалистов кафедры русского языка становится Татьяна Ивановна Томилова, окончившая с отличием филологический факультет.

В 1975 году Татьяна Ивановна поступила в аспирантуру, успешно защитила кандидатскую диссертацию в 1980 году в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской. В 1979 году она была назначена заведующей кафедрой русского языка и возглавляла её 9 лет, а позже заместителем декана по учебной и воспитательной работе факультета. Томилова Т.И. активно занималась научно-исследовательской и научно-методической работой, ежегодно принимала участие в научных конференциях, в работе курсов и семинаров, способствующих повышению квалификации, много внимания уделяла и уделяет в настоящее время воспитательной работе как с русскими, так и иностранными студентами (фото 3).

Фото 3. 1996 г. Студенты 324 группы. В первом ряду справа – О.Г. Кузнецова, в центре – Т.И. Томилова

Педагогическая деятельность Т.И. Томиловой как высококвалифицированного специалиста отмечены Почётной грамотой Министерства образования РФ, знаком «Почётный работник высшего профессионального образования», грамотами администрации края, города и руководства УГПИ.

Л.М. Милокостенко в 1970-е годы заведовала кафедрой литературы, а в 80-е годы её сменила В.С. Бондарь (фото 4). В это же время на кафедре работали замечательные педагоги, творческие люди, такие, как С.В. Шевцова, Э.А. Гурченков. Выпускницы филологического факультета Л.Г. Швех, Л.Н. Капуцина, О.А. Москвина, Лопатина В.Д. в разное время были приняты на кафедру литературы, окончили аспирантуру в МОПИ им. Н.К. Крупской, защитили кандидатские диссертации по литературе. Позже на кафедру пришла Плотникова Н.И., защитившая кандидатскую диссертацию в ДВФУ (научный руководитель – профессор, доктор филологических наук Сергей Филиппович Крившенко).

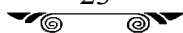
Фото 4. Зав. кафедрой литературы В.С. Бондарь. 1996 г.

В 1976 году на кафедру литературы была принята Т.А. Гавриленко, после обучения в аспирантуре Московского государственного заочного института (1978–1981 гг.) она вскоре защитила кандидатскую диссертацию по русской литературе (1984). В 1996 году при кафедре литературы была открыта аспирантура, руководителем которой назначили Т.А. Гавриленко. В 2003 году она первой на кафедре стала доктором филологических наук и получила звание профессора.

С 1998 по 2003 гг. заведовала кафедрой литературы, а затем кафедрой литературы и мировой культуры. Первыми её аспирантами стали также выпускницы филологического факультета Н.В. Беляева, Е.А. Тарлышева, чуть позже Г.В. Хомулло.

Вскоре научным консультантом Н.В. Беляевой была определена О.А. Москвина, и под её руководством аспирантка успешно защитила кандидатскую диссертацию в 2009 году.

Ольга Александровна Москвина пришла на кафедру в начале 1970-х годов. За всё это время она проявила себя человеком, удивительно равнодушным к происходящему в стране и обществе. Её жизненная позиция сводится к тому, чтобы показать молодёжи образец культуры: О.А. Москвина, не жалея сил и времени, учит сопротивляться популистским идеям обывательского, поверхностного отношения к жизни, показывает собственным примером, что труд, творчество, ответственность – неотъемлемые качества любого образованного чело-

века. Её научные статьи, монографии, а также стихотворения пронизаны идеей совершенствования личности, формирования чувства патриотизма, гордости за свою страну.

Здесь достойной похвалы заслуживает деятельность О.А. Москвиной, которая была инициатором ряда воспитательных патриотических мероприятий различного уровня, проводимых в педагогическом институте, а ныне в филиале ДВФУ в г. Уссурийске (Школа педагогики): конкурсов чтецов, посвящённых Дню Победы и юбилеям известных поэтов и писателей, конкурсов презентаций ко Дню Победы. За свой труд она награждена знаком «Почётный работник Высшего профессионального образования», многими наградами и Почётными грамотами разного уровня.

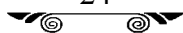
Не могу не привести заметку бывшего тогда сотрудником библиотеки С.Н. Козлова «Вечер исторической памяти», опубликованной в институтской газете «УГПИ–Новости» (май, 2002 г.). Он писал: «На филологическом факультете УГПИ состоялся литературно-музыкальный вечер, посвящённый 60-летию битвы под Москвой. Слова «Москва – начало нашей славы! Москва – начало всех начал!» звучали в устах ведущей вечера преподавателя русской литературы Людмилы Георгиевны Швех торжественным девизом... Доцент кафедры русской литературы О.А. Москвина прочитала отрывки из повести Б. Зайцева «Жуковский» и поэмы В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Студенты вдохновенно читали стихи поэтов о войне, отрывки из военной прозы и др. Вечер пробудил в участниках и слушателях, считал Сергей Николаевич, добрые, патриотические чувства, ещё раз напомнив о замечательных и доблестных событиях в истории нашей страны». Ежегодно в гости к студентам приходили и уссурийские ветераны, бывшие участниками Великой Отечественной войны (фото 5).

Фото 5. Май 1995 год. Встреча преподавателей кафедры литературы Швех Л.Г., Новиковой А.А., Москвиной О.А. с ветеранами Великой Отечественной войны

Новикова Альбина Алексеевна, окончив с отличием институт в 1977 году (фото 6), была принята ассистентом на кафедру литературы. Позже, в 1980 году, поступила в очную целевую аспирантуру при МОПИ им. Н.К. Крупской, в 1985 году защитила кандидатскую диссертацию по русской литературе XIX века, получила звание доцента. Через год её назначили заместителем декана по учебной и воспитательной работе (деканом была Костогукайло Г.Л.), а в 1988 году она была избрана деканом филологического факультета, проработав на этом посту 20 лет, до периода реорганизации факультета в 2008 году.

За свою трудовую деятельность Альбина Алексеевна награждена многочисленными грамотами и дипломами руководством УГПИ, администрацией г. Уссурийска и Приморского края, Почётной грамотой Министерства образования РФ. В 2004 году награждена знаком

«Почётный работник высшего профессионального образования» и получила звание «Ветеран труда». Её труд отмечен многими наградами и в настоящее время.

*Фото 6. Выпуск студентов 334 г. (всего на курсе было 5 групп).
Во втором ряду крайняя справа – **Новикова А.А.**
В центре – куратор группы **Овчинникова Т.А.** 1977 г.*

С 1988 по 1998 гг. кафедрой русского языка заведовала кандидат педагогических наук, доцент Татьяна Борисовна Жицкая. В соавторстве с Г.Л. Костогукайло ею были подготовлены учебные и методические пособия, до сих пор активно используемые в практике вузовского преподавания современного русского языка. Также имеет звание «Почётный работник высшего профессионального образования».

Светлана Александровна Калмыкова, выпускница филологического факультета 1982 года, в течение трёх лет после окончания института работала школьным учителем в Дальнереченске Приморского края. На кафедру русского языка пришла в 1985 году с уже накопленным школьным багажом. В 1990 году окончила очную целевую аспирантуру при МОПИ им. Н.К. Крупской, защитила кандидатскую диссертацию и стала специалистом по методике преподавания русского языка (фото 7). С 1998 года она являлась заведующей кафедрой русского языка (сейчас – кафедра русского языка, литературы и методики преподавания). За время её руководства значительно улучшилась материально-техническая база кафедры, преподавателями разработаны были учебно-методические пособия и методические рекомендации по методике русского языка для студентов дневного и заочного обучения, активно используемые в практике вузовского и школьного обучения современному русскому языку и в настоящее время. Светлана Александровна награждена Знаком отличия «За научную работу со студентами», а также знаком «Почётный работник высшего профессионального образования».

Выпускники филологического факультета – универсалы. Им помогали высококвалифицированные преподаватели не только кафедр русского языка и литературы, но и общеобразовательных кафедр истории, педагогики и психологии, экономики и философии, иностранных языков и физического воспитания и др. И это естественно: везде нужны по-настоящему грамотные, разносторонне развитые и образованные специалисты.

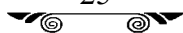

Фото 7. 1995 год. В первом ряду сидят слева направо: лаборант кафедры русского языка Л.Н. Безус, молодые преподаватели Е.Д. Худякова, Т.И. Томилова, С.А. Калмыкова

Нет такой школы в Дальневосточном регионе, где бы ни трудились выпускники филологического факультета дневного и заочного отделений. За 50 с лишним лет более 5,5 тысяч дипломированных специалистов (из них 30 % – по заочному отделению) получили путёвки в жизнь (фото 9–10).

Фото 9. Выпуск студентов дневного отделения 1973–1977 гг. Верхний ряд преподаватели: Попова Е.С., Крутоус Л.Т., Милостенко Л.М. (зав. кафедрой литературы), Вольпе Л.М., Дунаев А.М. (редкая фотография), Чупрасова В.И., Шевцова С.В.

Если набор студентов на факультет в 1970–80-е годы составлял 125 человек (5 студенческих групп), то постепенно стал сокращаться, и в 2019 году мы приняли на 1-й курс всего 30 человек!

Главным результатом работы филологического факультета стали его знаменитые выпускники. Они трудились, не только в школах Приморья, но и за его пределами, в редакциях городских и краевых газет, на телевидении, в органах муниципального образования, в учреждениях культуры и т.п.

Фото 10. Выпуск студентов заочного отделения филологического факультета. 1998 года. В первом ряду сидят преподаватели слева направо: Калмыкова С.А., Новикова А.А. (декан), Лопатина В.Д. (председатель ГАК), Щербакова А.Н., Добрянская Л.Н., Бондарь В.С.

Выпускница 60-х годов Г.Ф. Караулова несколько лет была директором одной из московских школ, а С.А. Флигельман, заслуженный учитель РСФСР, директором одной из лучших школ Уссурийска – средней школы № 29. У истоков приморского телевидения стояли выпускники факультета дикторы Н. Маркедонова и Э. Куценко. Л. Кошельников долгое время работал в редакции уссурийской газеты «Коммунар», куда чуть позже пришел Владимир Кузьмин, уссурийский поэт, ставший членом Союза писателей России. Известным поэтом в Приморском крае был и Сергей Козлов, тоже выпускник филологического факультета (оба рано ушли из жизни, но оставили свой след на уссурийской земле).

Слова благодарности и глубокой признательности прозвучали в адрес выпускников 60-х годов: Л.Н. Добрянской (бывшему зам. декана в 80-е годы), Т.П. Соболевой, Э.Ф. Сидоренко, Л.П. Серневич, М.Д. Гончаренко и других педагогов высокой квалификации, неистощимой энергии, большой ответственности. Их заслуги были высоко оценены правительственными наградами, знаком «Отличник народного просвещения».

Это и заслуженные учителя СССР и РФ А.И. Козырь, Н.А. Максимова (Кавалер ордена Трудового Красного Знамени), В.Е. Децик (Почётный гражданин г. Уссурийска), А.А. Мацко, С.А. Флигельман, Е.С. Сырина, Ф.В. Пестерникова, Н.И. Солнцева, М.В. Малыгина и др.; «Отличники народного просвещения» – Г.Л. Костогукайло, В.С. Бондарь, П.А. Гончарук, С.М. Копачевская, Н.И. Залозная, А.Н. Вовк, Л.В. Синявская и др. Слова искреннего уважения прозвучали в адрес заслуженных учителей О.И. Шевелёвой, Л.Л. Ярош, Л.В. Грушецкой, В.Л. Костроминой, преподавателей факультета О.П. Виговской, Л.В. Ярёмченко, В.И. Чарской и многих других.

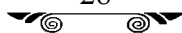
На торжественном празднике, посвящённом 50-летию филологического факультета в 2004 году, выпускники 60–70-х гг. очень тепло отзывались о своих преподавателях, отдавших много сил и энергии для воспитания в них лучших профессиональных качеств учителя-словесника. Среди них: Г.С. Клишина, Е.С. Волкова, Л.М. Вольпе, З.Н. Пак, Г.Н. Полозова, М.Д. Гончаренко, Т.Г. Попова, Г.Л. Костогукайло, Щербакова А.Н., Бондарь В.С, Томилова Т.И., Маринченко И.А., Худякова Е.Д., Лопатина В.Д., Дизендорф О.Л., Москвина О.А., Бирюкова О.А. и др. Некоторые из выпускников факультета стали крупными учёными, кандидатами наук, доцентами и профессорами (фото 11–13).

*Фото 11. В центре сидят: В.С. Бондарь, О.А. Москвина.
Второй ряд в центре – Л.Г. Швех, Т.Б. Жицкая. Третий ряд сверху стоит – А.Г. Сахатский*

Фото 12. В центре – Е.С. Волкова со студентами

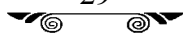
Заслуженным мастером спорта России, лучшим тренером г. Уссурийска по боксу стал и выпускник филологического факультета Александр Коровин (1977). В 2018 году он был избран Почётным гражданином г. Уссурийска. Алексей Сахатский, выпускник конца 90-х годов, окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию по философии, получил звание доцента. Сейчас он трудится в Сельскохозяйственной академии г. Уссурийска, но связи с нами не теряет.

Фото 13. В первом ряду – выпускницы филологического факультета УГПИ разных лет: Добрянская Л.Н., Кобыльников Г.П. (историк), Москвина О.А., Костогукайло Г.Л., Худякова Е.Д., Антипова А.М. Второй ряд – в центре Швех Л.Г. и студенты

Выпускницей 1970-х годов была Л.В. Шатаева (Федотенко), проработавшая в средней школе № 8 более 40 лет. В 1986 году она получила звание «Отличник народного просвещения». По стопам своей матери пошла её младшая дочь – Надежда Викторовна Прокопенкова, имеющая уже музыкальное образование и работающая в школе. В 1996 году она приняла участие в городском конкурсе «Учитель года» и стала его победительницей, заняв первое место, а в краевом конкурсе (г. Владивосток) Н.В. Прокопенкова заняла четвёртое место. Филологический факультет она окончила заочно в 1999 году. С 2002 года, когда факультет получил новое направление в связи с открытием университетских специальностей, в частности «Культурология» (на дневном и заочном отделениях), Надежда Викторовна проработала три года преподавателем и была заместителем декана по этому направлению. В настоящее время работает методистом Дальневосточного учебного центра профессиональных квалификаций ОАО «РЖД». Учительскую династию продолжил её сын, поступив в 2010 году на факультет романо-германских языков, после окончания которого работает в Новоникольской средней школе.

Богата и родословная выпускницы филологического факультета Галины Викторовны Хомулло, продолжившей учительскую династию своих родных. Она прошла путь от рядового учителя русского языка и литературы (сш. № 6) до проректора по воспитательной работе УГПИ, окончив институт в 1997 году, получив третье образование после музыкального училища и Института культуры (г. Владивосток). Она – учитель в третьем поколении (дед по отцовской линии был директором школы с. Ружино, бабушка по матери – учитель русского языка и литературы сш № 25 г. Уссурийска, тоже выпускница филологического факультета). Мать Галины Викторовны была учительницей начальных классов сш № 27 г. Владивостока,

отец – учитель физики этой же школы (оба выпускники ДВГУ). В 1999 году Г.В. Хомулло стала победительницей краевого конкурса «Учитель года», имеет заслуженные награды от руководства института и края за личный вклад в подготовку квалифицированных специалистов. Она работала несколько лет на кафедре литературы и мировой культуры, стала первой аспиранткой кафедры, защитила кандидатскую диссертацию по русской литературе (научный руководитель – Т.А. Гавриленко). В мае 2010 года была награждена медалью Всероссийского форума «Дальневосточные образовательные чтения памяти св. Кирилла и Мефодия» за выдающийся вклад в духовно-нравственное просвещение молодёжи. В настоящее время Г.В. Хомулло живёт в Санкт-Петербурге и работает в одной из городских школ.

Мы по праву гордимся нашими выпускниками филологического факультета, многие из них долгие годы преподавали в стенах родного УГПИ: П.А. Гончарук (бывший декан восточного факультета), Г.В. Сепик (была зав. кафедрой специальных дисциплин), Г.В. Китаева (работала старшим преподавателем кафедры русского языка, затем кафедры специальных дисциплин), Л.В. Ярёменко (преподавала педагогические дисциплины). З.Н. Пак более 18 лет была деканом факультета начальных классов. А выпускницы филологического факультета Т.Ф. Яланская и Е.С. Гутникова долгие годы возглавляли производственные отделы института, в настоящее время они находятся на заслуженном отдыхе.

Лопатина В.Д. и Л.Н. Капуцина – кандидаты филологических наук, доценты, работали на кафедре литературы УГПИ несколько лет. В настоящее время они трудятся на кафедре филологии и журналистики Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан).

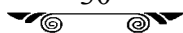
Продолжают свою трудовую деятельность доценты Г.А. Капранов (бывший декан факультета начальных классов, заместитель ректора по научной части), доцент В.Ю. Пинчук, старший преподаватель В.И. Чарская и многие другие преподаватели.

В 1980-е годы были приняты на работу выпускницы факультета А.М. Гончаренко (Антипова), Н.И. Плотникова. В эти же годы дело методистов 60–70-х гг., в частности Г.Н. Полозовой и Т.Г. Поповой, на филологическом факультете продолжили кандидаты педагогических наук, доценты А.Н. Щербакова, С.А. Калмыкова, Т.Б. Жицкая, а с 90-х годов – А.М. Антипова.

В мае 2003 года кафедра литературы была разделена на две: кафедра истории литературы и мировой культуры (добавлена была новая специальность «культурология»), которую возглавила профессор Т.А. Гавриленко, и кафедра литературы, теории и методики преподавания литературы под руководством доцента А.М. Антиповой.

Т.А. Гавриленко была инициатором развития новых научных взаимоотношений со специалистами других вузов. Её работы в области русской поэзии середины XIX века известны не только на Дальнем Востоке, но и за его пределами. Она также была организатором первых межвузовских и международных научных конференций, проводимых на кафедре. В 2001 году за успехи в науке она была награждена Губернаторской премией, Почётной грамотой Министерства образования РФ, Знаком «Почётный работник высшего профессионального образования», являлась членом докторского диссертационного совета при ДВГУ.

На кафедре под её руководством работали доценты А.А. Новикова, Н.И. Плотникова (член Географического общества ДВО РАН, занимается исследованием краеведческой темы «Писатели Дальнего Востока»), М.М. Цимерман, старшие преподаватели О.Л. Дизендорф (проработала 9 лет, из них три года была заместителем декана), С.В. Пацаль (ранее работал главным режиссёром городского театра), Е.Е. Ершова. Преподавателями разрабатывались проблемы, связанные с развитием русской и зарубежной литературы и культуры. Вскоре М.М. Цимерман уехала в ГДР, С.В. Пацаль был приглашён на работу главным режиссёром театра на родину (его первое высшее образование – актёрский факультет, а второе высшее – филологическое). Е.Е. Ершова уволилась из института и стала работать учителем русского языка и литературы в сш. № 14 (в настоящее время работает в школе Санкт-Петербурга), а О.Л. Дизендорф ушла работать в газету «Коммунар» журналистом.

Антипова А.М., представительница более молодого поколения выпускников филологического факультета, окончила его в 1990 году. Необходимо отметить, что она продолжила учительскую династию вслед за своей мамой М.Д. Гончаренко. В 1996 году успешно защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук в области методики преподавания литературы. Ею опубликованы были учебные пособия по методическим проблемам, изданные в Москве (2000–2003), разработан Учебно-методический комплекс, удостоенный диплома 1-й степени на конкурсе подобных работ преподавателей вузов Дальнего Востока. Продолжая работать над избранной темой исследования, в 2004 году она защитила докторскую диссертацию и через год получила звание профессора. За активную научную деятельность А.М. Антипова награждена Почётной грамотой Министерства образования РФ и знаком «Почётный работник высшего профессионального образования РФ». В настоящее время она живёт в Москве и работает профессором Московского педагогического государственного университета.

Продолжали свою деятельность выпускницы факультета: ассистенты Захарова Н.В., Кузнецова О.Г., Денисенко М.Н., ст. преподаватель Добрянская Л.Н. Кто из них ушёл работать в школы, а кто уже находится на заслуженном отдыхе. В настоящее время продолжают работу на кафедре русского языка, литературы и методики преподавания кандидаты филологических наук, доценты Беляева Н.В., Хорошавина Т.В., Маринченко И.А. и Бирюкова О.А., Фридендлер Л.Г. (совсем недавно покинула нас навсегда), старший преподаватель Долматова М.Н. Сегодня традиции филологического факультета достойно продолжают молодые преподаватели кафедры русского языка, литературы и методики преподавания старшие преподаватели Т.В. Каширина, Н.В. Панова, отличающиеся активностью, творческим подходом к обучению и воспитанию студентов.

Кратко перелистывая страницы истории за 50 лет существования филологического факультета, невозможно охарактеризовать всю деятельность преподавателей, понадобится написать целую книгу, как это сделали в своё время О.Б. Лынша и Д.В. Лихарев (1), но следует ещё отметить следующее. Начиная с 1996 года, филологический факультет УГПИ работал в условиях многоуровневой подготовки специалистов. Студенты осваивали новые дисциплины: историю мировых цивилизаций, экологию, культурологию, мировую художественную культуру, латинский язык и другие науки. Будущим учителям предоставлялась возможность достаточно широкого выбора самых разнообразных учебных дисциплин психолого-педагогического цикла, а по специальности они получали фундаментальные знания, начиная уже с первого курса. Большую помощь оказывали студентам лаборанты обеих кафедр при их самоподготовке, в выдаче необходимой учебной и методической литературы (О.В. Коновалова, Н.В. Перечкина, Т.М. Панченко; в настоящее время – Е.Л. Ефремова и А.А. Матвеева).

На протяжении нескольких лет преподаватели, согласно учебному плану, проводили со студентами фольклорные и диалектологические экспедиции-практики в районы Приморского края. Материалы, собранные студентами во время учебных практик, составили богатейшие экспозиции музея народного творчества «Живая старина», открытие которого при поддержке бывшего тогда ректором УГПИ Валерия Ивановича Тарасова состоялось в мае 2001 года (фото 14).

Задача музея – пропаганда народного искусства, сохранение традиций и обычаев нашего народа. Приморский край населяют переселенцы, сохранившие традиции русской, украинской и белорусской культур. На пересечении этих трёх культур и представлен материал.

Не могу не сказать, что гордостью нашего музея является экспонат времён Великой Отечественной войны. Это военная каска участника боевых сражений на Дальнем Востоке. Эту Каску вместе со словами: «Надеюсь, будет долго храниться у вас» передал в 2003 году в дар музею «Живая старина» участник русско-японской войны на Дальнем Востоке (1945 г.) Александр Михайлович Дунаев, наш замечательный педагог, проработавший долгое время преподавателем на кафедре истории.

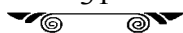

Фото 14. Экскурсию в музее народного творчества «Живая старина» для детей Центра детского творчества проводит А.А. Новикова. 2002 г.

Есть в музее народного творчества и другие уникальные экспонаты, отражающие быт, красоту и культуру населения края. А уж чтобы пересказать все фольклорные записи, хранящиеся не только на бумажных носителях, но и на аудио- и видео, нужно написать целую книгу. Музей предметов старины, созданный на базе филологического факультета УГПИ (2001–2020), является кабинетом, где идут не только учебные занятия, но и проводятся фольклорные праздники, литературно-музыкальные и поэтические гостиные и экскурсии для учащихся школ города и края, а также для иностранных делегаций и всех, кто интересуется духовной культурой своей малой родины. Руководитель музея Новикова А.А., участвуя в конкурсе музееведов города Уссурийска в 2015 году, получила Диплом первой степени и стала Лауреатом этого конкурса. В настоящее время музей является центром пропаганды знаний по русской культуре, устному народному творчеству, русскому языку и литературе.

И когда в дни 50-летнего юбилея факультета (2004 год) состоялось посвящение в студенты первокурсников, именно к ним были обращены слова декана Новиковой Альбины Алексеевны: «Вы – студенты будущего, XXI века. Перед вами лежит трудная дорога – приобретение профессии, а уж насколько она будет профессиональна, зависит, прежде всего, от вас самих... Да, перед вами открывается перспективное будущее, потому что специалисты с филологическим образованием востребованы в различных отраслях: на радио и телевидении, в администрациях сёл и городов Дальнего Востока, районных, городских и краевых газетах, а главное – в школах Приморского края и городе Уссурийске. А мы, преподаватели, готовы присоединиться к вам в качестве партнёров и наставников в вашем путешествии в XXI век. Добро пожаловать в нашу факультетскую семью!» (2).

Однако в настоящее время, в начале XXI века, оказалось не всё так радужно, как хотелось бы. И это наша боль, боль за будущее педагогического образования в нашем вузе, боль за наших детей, которым предстоит шагать по жизни дальше. Боль наших сердец, что закрывают постепенно сферу высшего образования в Приморье.

«Политику разгрома российского гуманитарного образования – не принимаем!» – с таким заявлением ещё ранее, 22 ноября 2012 года, выступили члены Учёного совета филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,

опубликованное в газете «Правда Приморья» (5–11 декабря 2012 года) [3]. Мы вполне разделяем точку зрения учёных-филологов, наблюдая, как уничтожается классическое высшее образование в нашем филиале ДВФУ – Школе педагогике (ранее УГПИ): медленно, планомерно сокращается набор абитуриентов на различные педагогические направления, закрываются отдельные специальности. И что самое страшное – не объявлен набор на следующий год по нашей, родной, специальности «Русский язык и литература»! Как же так? Вопрос остаётся открытым! Однако вернёмся к началу нашей статьи и ещё раз процитируем слова поэта С. Козлова:

*Все словесники – единоверцы,
Их любовь – язык, литература...*

Скорее всего, история бывшего филологического факультета не продолжается, а заканчивается! Об этом же пишет бывшая наша выпускница (1992–1998) Ольга Манойло (Ольга Леонтьевна Дизендорф, которая сейчас работает заместителем главного редактора газеты «Коммунар»). В заметке от 5 сентября 2019 года (№ 35) под названием «Резонанс на статью «Педагоги Приморью не нужны?» (от 29 августа 2019 г.) она указывает, как шёл процесс сокращения набора на бюджетные места по годам (1992 г. – 100 человек, 1993 г. – 95 и т.д.). Из них до выпуска в 1997 и 1998 гг. дошли 60 выпускников. А далее и того меньше: набор стал сокращаться до 75, а затем и до 50 человек на курс, а в 2019 г. – всего 25 бюджетных мест. «Так было в 2007-м, – пишет она, – когда я, отработав в родном институте девять лет, по семейным обстоятельствам ушла с должности старшего преподавателя кафедры литературы и заместителя декана по учебной и воспитательной работе».

На встречах выпускники с огромной благодарностью вспоминают своих преподавателей кафедр русского языка и литературы, о чём писала О. Манойло. «Кого-то из этих прекрасных профессионалов и замечательных людей уже нет с нами, – читаем мы, – кто-то ушёл на заслуженный отдых. Некоторые, увы, из-за сокращения набора студентов и как следствие – штатов профессорско-преподавательского состава, перешли на работу в другие образовательные учреждения. Оставшиеся, несмотря на все трудности, остаются верны своему вузу и продолжают готовить учителей русского языка и литературы» [4].

Но та боль, которую высказала Ольга Леонтьевна, прозвучала огромным резонансом тому, о чём я писала выше. И, принимая её боль как нашу собственную, хочу завершить свой рассказ на печальной ноте, что на 2021 год в Школу педагогике не объявлен набор на специальность «Русский язык и литература (только на о. Русском в ДВФУ).

«Тенденция, которая прослеживается в последние годы, – констатирует Ольга Леонтьевна, – свидетельствует о том, что если в ближайшее время ничего кардинально не изменится, то скоро от бывшей кузницы педагогических кадров Приморья останутся одни воспоминания». И с этим утверждением нельзя не согласиться, ибо многие наши выпускники продолжают работать в школах и гимназиях, в колледжах и институтах Уссурийска и всего Дальнего Востока, а также в западных регионах нашей необъятной России!

Примечания:

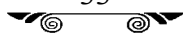
1. В подготовке отдельных материалов по истории факультета была использована книга авторов-составителей Д.В. Лихарева и О.Б. Лынши «Учителя учителей. 1909–2004». – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2004. – 298 с.

2. Воспоминания бывших выпускников филологического факультета и материалы газеты «УГПИ – новости» (2002–2004). 2019 гг.

3. Газета «Правда Приморья». 5–11 декабря, 2012 года (№ 48).

4. Газета «Коммунар». 20 марта 1982 (№ 28; 5 сентября 2019 года (№ 35).

5. Фото и документы из личных архивов А.А. Новиковой, Т.И. Томиловой, О.А. Москвиной

РАЗДЕЛ II.

РОДНОЕ ПРИМОРЬЕ

1. ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И КРАЕВЕДЕНИЯ ПРИМОРЬЯ

Елена Гнатовская

Кандидат исторических наук,
доцент Приморской государственной
сельскохозяйственной академии
г. Уссурийск, Россия

Призрак казнённого комсомольца.

Послесловие к книге

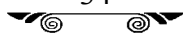
«железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг.»

Прошло совсем немного времени с момента выхода в свет моей научно-популярной книги, однако уже сегодня становится очевидным, что книга постепенно находит свой путь к сердцам и умам дальневосточного читателя. Книга обращена, прежде всего, к поколению 2020-х гг. К тем, кто впервые открывает для себя страницы истории СССР, а также преподавателям, архивистам, музееведам и краеведам. Автор книги надеется, что она займёт своё место в краеведческих отделах библиотек, а также станет подарком для работников железнодорожного транспорта, интересующихся своей историей.

В каталоге Российской государственной библиотеки (РГБ) книга отнесена к рубрике «Железнодорожный транспорт», потому что она описывает события и людей – работников Дальневосточной железной дороги (далее – ДВЖД). В 1930-е гг. ДВЖД пролегла по огромной территории Дальневосточного края (далее – ДВК), от ст. Архара на западе и до ст. Владивосток на востоке. В 1938 г. произошло разделение ДВК на Приморский и Хабаровский края, а в 1939 г. из ДВЖД выделилась Приморская железная дорога. Дороги были военизированы, руководящий состав имел воинские звания, дороги имели свой административный и политический аппарат, и свои печатные органы. Так, на ДВЖД выходила газета «Пограничный транспортник», а на Приморской железной дороге – «Приморская магистраль». К сожалению, газета «Приморская магистраль» практически утрачена для исследователя. В Уссурийске её вообще не удалось найти, хотя именно в Уссурийске она издавалась. В Государственном архиве Приморского края (г. Владивосток) автору удалось обнаружить только ограниченное количество номеров газеты, и только за период с 1940 по 1945 гг.

Однако ни для кого не секрет, что советская периодика – специфический и очень ограниченный источник информации, особенно это относится к эпохе 1930-х гг., когда происходили чудовищные нарушения законности. Автор воспринимает советские газеты как источник пропаганды и средство манипуляции общественным сознанием. Немецкий философ Э. Кассирер проанализировал механизм влияния политических мифов на людей. Он писал, что «политические мифы не начинают с того, что санкционируют или запрещают какие-то действия. Они сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния» [1, с. 268].

«Дело» 1935 г. Любаря Михаила Алексеевича, токаря депо Облучье, является наглядным примером манипуляции с использованием мощного идеологического оружия – прессы. В фонде 522 Краевой комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б), которая в период мас-

совых чисток (1934–1935 гг.) рассматривала апелляции на исключённых коммунистов, мы обнаружили две публикации из местных газет.

В газете «Пограничный транспортник» была опубликована статья «Коммунисты депо Облучье не дали отпора врагу», которая была написана пропагандистом политотдела ДВЖД Татьковым. Присутствующий на занятии пропагандист усмотрел в высказываниях коммуниста Любаря контрреволюционную клевету на партию и рабочий класс: «Любарь нагло извращал все этапы борьбы партии с троцкизмом, штрейкбрехерами и дезертирами Зиновьевым и Каменевым, организовавшими подлое убийство тов. Кирова». Обвинения в адрес бывших вождей Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева были опубликованы как раз в разгар организованного И. Сталиным процесса над Зиновьевым и Каменевым. Обвинения же в адрес Любаря были просто способом продемонстрировать борьбу с мнимой оппозицией на местах.

Партийная коллегия, рассмотрев дело, не только исключила из партии М.А. Любаря, но и обвинила в «примиренческом отношении к нему» председателя месткома Столярова, да и всё руководство депо.

Михаил Алексеевич Любарь был исключён из партии, уволен с работы и арестован. Однако 24 апреля 1935 г. прокурор дороги Михаил Кириллович Пелих сообщил в Партколлегия, что дело о привлечении М.А. Любаря к судебной ответственности прекращено за необоснованностью предъявленных к нему обвинений. Партколлегия Краевой комиссии партийного контроля на Уссурийской ж.д. под председательством Л.Н. Гуревича признала необоснованными обвинения Михаила Любаря в контрреволюционных выступлениях и постановила: «Отменить постановление парторганизации депо Облучье от 21.03.1935 г. и партколлегии дороги от 8.04.1935 г. об исключении М.А. Любаря из партии и считать его членом партии» [2, с. 21].

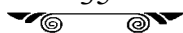
С опровержением статьи в газете «Пограничный транспортник» выступила краевая газета «Тихоокеанская звезда», разместив на своих страницах материал под названием «Фальшивая бдительность». Как выяснилось, «дело Любаря» было сфабриковано инструктором политотдела ДВЖД Якимовым, который проявил фальшивую «бдительность», осудив 60-летнего старика, рабочего с сорокалетним производственным стажем, активного участника революции 1905 г. и бывшего красного партизана.

Автор книги предполагает, что это был Якимов Иван Игнатьевич, секретарь сталинского райкома партии, г. Хабаровск. Арестован 16 февраля 1938. Осуждён. Военная коллегия Верховного суда СССР, выездная сессия. Дата осуждения 28 мая 1938. Обвинение ст. 58–1а, 58–7, 58–8, 58–11 УК РСФСР. Приговор ВМН. Расстрелян 28 мая 1938, Хабаровск [3].

Приведём цитату из данной статьи без купюр: «Революционная бдительность – говорил Сталин – является тем качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам. Вряд ли можно придумать более возмутительный случай, более возмутительное зрелище глумления над лозунгом партии о бдительности чем то, которое разыграли облучьевцы. Декларируя бдительность, люди продемонстрировали полнейшее отсутствие ее». «Бдительность облучьевцев – фальшивая бдительность, подделка под бдительность, бдительность навыворот. Такая бдительность партии не нужна!» – резюмирует автор статьи Л. Решетов [2, с. 22].

Спустя 2,5 года автора этой статьи, очеркиста газеты «Тихоокеанская звезда» Леонида Сергеевича Решетова, приговорят к ВМН (высшей мере наказания – расстрелу). Но в середине 1935 г. такие идейные коммунисты, как Михаил Алексеевич Любарь, ещё имели авторитет в коллективах, пользовались уважением и могли рассчитывать на поддержку, которая позволяла им публично высказывать свои политические взгляды.

Ярким свидетельством того, какими способами власть находила подходящих для очередной политической кампании «врагов», служит персональное дело работника ст. Надеждинская ДВЖД Сергея Андреевича Бобарыкина. В Государственном архиве Приморского края сохранилась стенограмма закрытого собрания первичной парторганизации ст. Надеждинская от 8 сентября 1936 г. по вопросу «О троцкистско-зиновьевских выступлениях члена партии Бобарыкина».

В 1929 году С.А. Бобарыкин, работая помощником машиниста ст. Первая Речка, публично высказывал одобрение позиции председателя Совнаркома А.И. Рыкова: «Прав Рыков, что вперёд нужно своих накормить..., насытить свой рынок, а потом уже вывозить на экспорт». Высказывание С.А. Бобарыкина было признано троцкистско-зиновьевским, а значит – контрреволюционным, за что в 1929 г. он получил взыскание по партийной линии: выговор без занесения в личное дело.

Спустя 7 лет, в августе 1936 г., в разгар суда по делу «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра», в партийной биографии Сергея Андреевича Бобарыкина вновь всплыл «рыковский след» [2, с. 34].

В краевой газете «Красное знамя» выходит заметка «Бобарыковщина», в которой Горком и Обком ВКП (б) обрушиваются на местного железнодорожника. Настоящая драма развернулась на партийном собрании ст. Надеждинская.

Сергея Андреевича Бобарыкина вынудили сделать следующее заявление: «...Я уже не тот Бобарыкин, который был в 1929 году... Расцениваю свой поступок как антипартийный. Но в антипартийных группировках я никогда не состоял, не состою и не буду состоять... Мне сейчас значительно лучше жить, чем жилось когда-либо ранее. Прошу меня не исключать из рядов партии.

Прения:

Чернявский:

– «Я знаю Бобарыкина с самой лучшей стороны. Это очень чуткий, отзывчивый молодой человек. Он работал секретарём месткома и на паровозе. Он помог мне, учтя моё тяжёлое семейное положение, перевестись на ст. Надеждинская. Об оппозиционных делах Б. я услышал только сегодня, и мне как-то не верится. Несмотря на то, что я знаю его с хорошей стороны, и, несмотря на то, что он помог мне, я считаю, что Бобарыкин сделал антисоветский, антипартийный контрреволюционный выпад, и он заслуживает строгого партийного взыскания. Его надо исключить из партии».

Постановили:

– за троцкистско-зиновьевские контрреволюционные убеждения и их высказывания в депо Первая Речка в 1929 г.;

– за не выступление и не заявление о своём партвзыскании на партсобрании ст. Надеждинская 30 августа 1936 г.;

– не разоблачение троцкистско-зиновьевской банды Бобарыкина Сергея Андреевича из рядов ВКП (б) исключить.

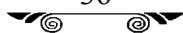
Решение собрания было утверждено Шкотовским РК ВКП (б) от 13.09.36 г. с формулировкой: «Исключён, как не разоружившийся троцкист-зиновьевец и двурушник».

С.А. Бобарыкин апеллировал в Партколлегия КПК при ЦК ВКП (б) по Приморской области. Партколлегия постановила: отменить решения Шкотовского РК ВКП (б) от 13.09.1936 г. и восстановить членство в ВКП (б). С.А. Бобарыкину указано на то, что он поступил неправильно, не выступив на собрании с разоблачением ошибок, допущенных им в 1929 г. [2, с. 35].

Менее чем через год, в марте 1937 г. Бобарыкин Сергей Андреевич был арестован и приговорён Верховным судом к ВМН (высшая мера наказания) по обвинению в антисоветской деятельности. Расстрелян 5 сентября 1937 г. Реабилитирован 31 мая 1958 г. определением Верховного суда.

В 1930-е гг. среди молодых работников ДВЖД было немало выходцев из крестьянской среды. В период массовой коллективизации многие из них подверглись чисткам за связь с родственниками кулаками.

«Дело» Сергея Спиридоновича Кокина меня особенно взволновало тем, что шельмованию подвергся 26-летний молодой человек, комсомолец, активист. События разворачивались на ст. Вяземская ДВЖД. Здесь, на Вяземской, проживала большая семья Кокиных. Глава семьи Кокин Спиридон Авксентьевич был одним из старейших работников Уссурийской железной дороги, начинал работать ещё на строительстве дороги, а затем прошёл путь от

смазчика до машиниста паровоза. Выбрали отцовскую профессию и все его семеро детей. Как многие кадровые железнодорожники, С.А. Кокин имел свой дом и крепкое подсобное хозяйство, в годы НЭПа он нанимал рабочих на время уборочной, а сам работал на паровозе. С 1926 года Спиридон Кокин находился на пенсии. Семья жила в усадьбе, состоящей из пятикомнатного дома, амбара и множества хозяйственных построек. Имелась заимка площадью 12 га земли, 4–5 лошадей, 5–6 коров, а также различный сельхозинвентарь: сеялки, жатки, веялки. В усадьбе постоянно проживали китайцы. Они торговали выращенной на полях продукцией (огурцы, арбузы, дыни) на рынке.

Спиридон Авксентьевич был культурным домохозяином и вёл образцовое сельское хозяйство. Передовые агротехнологии он испытывал на своих опытных полях, а достижения демонстрировал, участвуя в сельскохозяйственных выставках. Был активным общественником, неоднократно избирался в сельсовет. Однако в 1931 году после смерти жены Кокин-старший оставил ст. Вяземскую, завещав сыновьям распродать дом и имущество. Можно предположить, что этот отъезд с самоликвидацией хозяйства был вызван страхом перед принудительной коллективизацией и наступлением на кулака.

Младший сын, Сергей Кокин, окончив в 1927 г. ремесленное училище, поступил на работу в депо ст. Вяземская. В 1931 г. он успешно сдал экзамен на машиниста. На производстве Сергей характеризовался положительно, к делу относился с большим интересом. Принимал активное участие в общественной работе, был членом пленума и бюро Пригородного РК ВЛКСМ.

21 марта 1934 г. так называемая «комсомольская тройка» при Политотделе Второго района ДВЖД постановила исключить Сергея Кокина из комсомола и поставить вопрос об изгнании его с железнодорожного транспорта, «как примазавшегося к комсомолу, чтобы под прикрытием комсомольского билета ликвидировать прошлое отца и тем самым скрыть своё кулацкое происхождение» [2, с. 17].

Постановление «тройки» содержало угрозы в адрес бюро ВЛКСМ и лично секретаря комсомольской ячейки Екимова за допущенную ими «политическую ошибку, политическую близорукость и потерю чувства большевистского реагирования на вылазку классового врага». Решение «тройки» широко обсуждалось на собраниях и в комсомольских группах, с целью «мобилизации на борьбу с чужаками на транспорте». На станции повесили плакат с призывом: «Вон Кокиных с транспорта!» [2, с. 18]

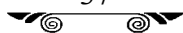
Спас Сергея положительный отзыв о нём помощника секретаря ДКК ВЛКСМ по военной работе Ильи Логачёва. Илья писал: «Знаю Сергея Кокина с малолетства, так как я жил на ст. Вяземская, учился и работал вместе с Кокиным». Логачёв не только дал положительную характеристику другу детства, но и лично навестил его на ст. Вяземской. После чего в его записке появились такие слова: «Я был на Вяземской после исключения Сергея Кокина из комсомола, и я знаю, что он изрядно переживает, но всё же, несмотря на переброски его с паровоза на паровоз, он работает как будто хорошо, по отзывам ребят» [2, с. 18].

Дело Кокина было закрыто, Сергея восстановили на работе. Однако через три года школьный товарищ Сергея, Илья Семенович Логачёв, подвергся репрессии (осуждён на 8 лет лагерей).

Вскоре и сам Сергей Спиридонович Кокин был арестован и по приговору тройки при УНКВД по ДВК расстрелян 21.11.1937 г. Ему было 29 лет.

История с Сергеем Кокиным является наглядным примером того, как слепое следование классовой идеологии способствовало разжиганию социальной розни и приводило к трагедии личности.

Судьбы железнодорожников 1930-х гг., описанные в книге, показывают, что все они, без исключения, пострадали невинно. Они не совершили преступлений, за которые в отношении них можно было бы применить такое жестокое наказание как расстрел. Автор книги вернул их имена в историю города Уссурийска, Приморского края, России. Задача всех нас – сохранить память о них.

Литература

1. Цит. по: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высш. шк., 2004. – 687 с.
2. Железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг. 2 изд., перераб. и доп. / Е.Н. Гна-товская. – Владивосток, 2010. – 304 с.
3. Книга памяти Хабаровского края. Т. 3 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.memo.ru/person/show/1067821> (режим доступа 10.11.2010).

Ирина Фадеева

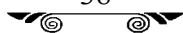
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры РКИ ВИ-ШРМИ
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия

Неугомонный бунтарь: к юбилею В.Т. Кучерявенко

Василий Трофимович Кучерявенко – писатель, создавший документально-художественный цикл о моряках дальневосточного торгового флота в военные годы: «Перекоп» ушёл на юг» и «Люди идут по льду», – участник боевых действий в Корее в 1945 г., спасавших родину от врага, но и создававших ей славу, сохранявших её великое прошлое. Сухие факты биографии можно найти в библиографическом справочнике «Писатели Дальнего Востока»: «Василий Трофимович Кучерявенко родился в г. Днепропетровске 21 апреля 1910 г. в семье рабочего. В 30-е годы по мобилизации ЦК ВЛКСМ Василий Кучерявенко приехал на Дальний Восток. С 1940 г. В.Т. Кучерявенко ходил первым помощником капитана на судах Дальневосточного пароходства. В 1945 г. участвовал в освобождении Кореи» [3]. И они ничего нам не расскажут об этом удивительном человеке, который сумел мечту паренька из рабочей среды не только претворить в жизнь, но и стать одной из заметных фигур в литературной жизни Владивостока.

Кто бы ни вспоминал о Василии Трофимовиче, всякий отмечал размах его личности, его жажду жизни, желание отдавать и умение ценить каждого, кого он выхватывал на своём пути или кому сам шёл навстречу: «В полдень ко мне в гостиницу «Ленинградская» явился *неугомонный бунтарь* Василий Кучерявенко и нарушил все мои планы», – ёмко определяет дух писателя Юлия Шестакова в своих дневниках [6, с. 200]. Образ, который запечатлела Юлия Шестакова, показывает нам человека яркого, увлечённого, целеустремлённого: «Он очень хотел учиться на этих (в Литинституте) курсах, однако его не приняли по мотивам великовозрастности... Василий Кучерявенко бушует, злится, проклинает весь белый свет...» [6, с. 200]. Но уже ниже мы читаем: «Наконец-то мы встретились с Николаем Николаевичем Матвеевым-Бодрым. И опять помог Вася Кучерявенко. Ещё на занятиях мы условились, что поедem сегодня к старику. (Вася всё-таки посещает наши курсы вольным слушателем. Нравится мне его настойчивость)» [6, с. 206].

Личность человека, её размах, её стержень лучше всего виден по тому, как человек делает своё дело, по той щедрости души, которую он готов распахнуть перед каждым человеком, по любви к тому месту, где ему выпало жить. Приехав на Дальний Восток по зову души сформировавшимся человеком, Василий Кучерявенко стал настолько дальневосточником, что пытался поделиться своей любовью с каждым, с кем его сводили писательские дорожки или к кому он шёл с раскрытым сердцем. Приведу цитату опять же из дневников Ю. Шестаковой: «Теперь я понимаю, чьему примеру Вася Кучерявенко обязан своей книгой записей, с которой вчера он примчался ко мне в гостиницу с просьбой что-нибудь написать

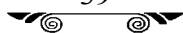
ему на память... Думала долго, что бы ему написать и, наконец, вот что получилось: «Дорогой Василий Трофимович! Ты любишь море, я – тайгу. Море и тайга чем-то похожи друг на друга. Шумом своим, что ли... Волны морские вечно шумят, карабкаются на берег...» [6, с. 205].

Круг же тех, с кем встречался В. Кучерявенко, был не просто широк: от литераторов, чьи автографы были в знаменитой – под Телешова – книге («Там же я увидела автографы внука Айвазовского, художника Макарова, запись Н. Н. Матвеева-Бодрого, Д. Нагишкина, Н. Шундика и других» [6, с. 205]), до героев его очерков и военных эпопей – любой герой «Перекопа» был желанным в гостеприимном доме на Уборевича 6. Этот адрес был знаком многим, о чём в своих письмах жене говорит и А.Т. Твардовский: «5 июля. Владивосток – Москва (А.Т. – М.И.). Дорогая Маша, пишу сразу, как только ввалился в свой номер..., добрался до «З<олотого> рога», приютился. Утром пошёл к моему заочному приятелю В.Т. Кучерявенко, зная только название улицы – Чуйфинская, – и нашёл...» [4]. Возможно, не потеряйся знаменитая рукописная книга на одной из телепередач о В. Кучерявенко, об этом человеке мы узнали много особенного, но даже со страниц тех немногих писем, что сохранились в его архиве, перед нами встаёт личность большого размаха. Из письма Петра Комарова, одного из крупнейших дальневосточных поэтов: «Дорогой Вася! Извини, родимый, что я не ответил на твоё милое письмо и не поблагодарил тебя за тёплые слова, в нём содержащиеся... Как ты живёшь сам, что сейчас пишешь? Твой очерк о Дж. Лондоне, печатающийся в пятом номере «Дальнего Востока», мне здорово понравился. Такого же мнения о нём и другие члены редколлегии... Крепко жму твои хорошие дружеские руки. Хабаровск. 14 ноября 1946» [1]. Или дарственная надпись на книге «На берегах Камчатки» от Трофима Борисова, автора, который тоже ждёт своего исследователя: «Васе Кучерявенко от старика молодому исследователю дальних далей. С любовью Т. Борисов. 20 апреля 1940 г. Москва» [1].

Скудны материалы личного архива, скудны, потому что не осталось личных записей, дневников, записных книжек, чтобы человек предстал в собственной оценке, через слово, через оценку мира, саморефлексию и самопрезентацию. Между тем, как много можно увидеть в этих осколках чужих ценностей, бережно хранимых теми, кому дано осознать масштаб личности человека, да и не масштаб порой, а просто то, что жил человек, мечтал, что-то любил, кого-то уважал или не уважал. Да мало ли может рассказать о человеке тот след, что он, порой пунктиром, оставил на земле. Писателю в этом отношении повезло больше: в его текстах – его мир, представленный через призму персонажей, оценок, даже выбираемых тем. Личный архив Василия Трофимовича Кучерявенко, чьё 110-летие пришлось на этот год, хранится в отделе рукописей ПКПБ им. Горького. И 10 лет назад, к прошлому юбилею, А.Г. Брюханов в «Календаре памятных дат» [2] многое рассказал о писателе В.Т. Кучерявенко, читая ответ М. Горького начинающему литератору, разбирая личные документы с записями о месте работы и трудовых успехах.

Собственно, начиная эту статью, я хотела рассказать о коллекции почтовых конвертов с рисунками о Дальнем Востоке, спичечных этикетках с героями Отечественной войны 1812 года, фотографиях М. Горького, П. Бажова, П. Комарова, коллекции пословиц, каталоге книг личной библиотеки, словом, о том, что раскрывает нам человека как особый мир. Но всё получилось не совсем так, как задумывалось, потому что, пытаясь найти информацию о В. Кучерявенко в заметках А. Твардовского, в 1959 году побывавшего на Дальнем Востоке и в сопровождении В.Кучерявенко объехавшего Приморье, увидела Василия Кучерявенко совсем не так, как до этого пыталась показать его в воспоминаниях людей, знавших его близко.

Мне думалось, что маршрут писателей, который выстроил для Твардовского В. Кучерявенко, расскажет нам о последнем достаточно много, поскольку то тщание, с каким Василий Трофимович собирал информацию о Приморье, о его природе и истории, людях и их героическом труде и каждодневном подвиге, должно найти отражение в писательских заметках А.Т. Твардовского, что собственно и подтвердилось: «7 июля. Владивосток – Москва [А.Т. – М.И.]. Дорогая Маша, завтра уезжаю из Вл<адивосто>ка по краю маршрутом, обнимающим такие пункты, как Спасск, Чугуевка (Фад<еев>), Артём, Тетюхе и др. Машина прикреплена мне Крайкомом. Сопровождающие лица – корр. «Правды» В.И. Сорокин и зам. пред. Союза

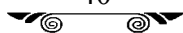

писателей В.Т. Кучерявенко, который известен тебе по письмам ко мне... Встречают здесь твоего мужа очень хорошо, м.б., тебе было бы даже приятно видеть, что и здесь, на краю Б<ольшой> земли, его знают и уважают... Ездил вчера на Морское кладбище – на самом берегу моря. Там – памятник «Варягу»... Посылаю фотографии Е.Ф. Гек и её сына, капитана корабля имени его деда Ф. Гека, именем которого названы различн<ые> географ<ические> пункты и ныне – корабль» [4].

Всё, что увидел большой поэт, что ему преподнесли, чем щедро поделились, было задумано В. Кучерявенко ещё в марте, когда он узнал о приезде А.Твардовского. В архиве В. Кучерявенко сохранилось письмо А. Твардовского к нему, напечатанное на бланке журнала «Новый мир» от 3 марта 1959 года за личной подписью А. Твардовского: «Дорогой Василий Трофимович! Спасибо за Ваше письмо, за добрые слова о моей речи на XXI съезде партии. На Дальний Восток приеду непременно по тёплым дням, выеду, примерно, во второй половине мая. «За далью – даль» (то, что до сих пор написано) вышла и уже разошлась, – по крайней мере, в Москве. Ваши книги «Перекоп ушёл на юг» и «Сказки страны утренней свежести» я получил, обстоятельства крайней занятости не позволили мне, к сожалению, до сих пор ознакомиться с ними, – даже просто отозваться на получение их не смог. Отзываюсь сегодня «Далями», которые посылаю Вам. Относительно моих воспоминаний об А.А. Фадееве думаю, что время для них ещё не пришло, надо ещё постареть немного. Желаю вам всего доброго. До встречи во Владивостоке! Ваш (подпись)» [1].

К сожалению, общее впечатление, которое оставило путешествие, Александр Трифонович Твардовский выразил следующим образом: «6 августа. Шестой день, как приехал... Как я выразился в речи на пленуме Крайкома, путешествие моё (наземное – Уссурийск, Спасск, Арсеньев, Кавалерово, Тетюхе и обратно по кругу) носило отчасти характер того пробега, что совершал мужик из рассказа Л. Толстого «Сколько человеку земли нужно» [4]. Позволю себе напомнить, что история Л. Толстого закончилась тем, что пробежав огромный кусок земли, чтобы оставить всю её за собой, жадный мужик умер на пороге своей мечты.

Возможно, желание показать всё самое интересное, рассказать обо всём, что занимало его самого, сыграло с Василием Трофимовичем Кучерявенко злую шутку: «15 июля. Владивосток – Москва [А.Т. – М.И.]. Сделал я на машине около 2000 км по горам, гл<авным> обр<азом> дорогам, обогнув примерно 1/3 края. Пункты: Уссурийск, Спасск («Штурмовые ночи Спасска»), Чугуевка (Фадеевская), Кавалерово, наконец Тетюхе – с выходом к океану в др<угом> месте. В поездке всё было благополучно, отношение всяческих людей ко мне до трогательности хорошее. Спутники: корр. «Пр<авды>» Сорокин – отличный, знающий журналист и культурный человек, второй – *тот самый Кучерявенко, который сосватал мне портрет Бунина, человек безобидный, крайний патриот Д<альнего> Востока, но болтун изнурительный и не всегда точный в высказываниях о флоре и фауне края*» [4]. И стало обидно за Василия Трофимовича, который и показал знаменитому гостю удивительное Приморье, о чём и говорит А.Твардовский в письме далее: «Из самых памятных впечатлений перечислю такие, как встречи с океаном (не во Вл<адивосто>ке) после всех перевалов Сихотэ-Алиня, прогулка на катере, осмотр маяка на пустынной скале и ещё кое-чего; подъём на бромбсберге (фуникулёр) к штольням рудников (в рудники не спускался по совету самих хозяев); новая дорога в сихотэ-алинской тайге; пчелиная тайга (по преимущ<е- ству> липовая, душная, пахучая, звенящая от пчёл) с пасеками, разбросанными вдоль шоссе, – они передвижные, переезжают с места на место в зависимости от медоносных сроков цветения; Уссури – быстрая, ледяная (разок окунулся), с живописнейшими берегами. Курорт на месте бывшего муж<ского> монастыря, где монахи создали до 30 различных производств (маслобойка, мельница, кож<е- венный> завод и т.д.), – местность, где не так давно произрастали возделываемые корейцами арбузы до 30 кг; нарзановые угодья окрест, где он бьёт из болота и образует болота целые – я его попил в охоту, недаром нарзан – это по-тюркски – богатырь воды. Жаль, что всё это не в полной мере используется и охраняется. Наконец, фадеевский домик, где собираются установить мемор<иальную> доску (жалкая хатёнка, что-то не то, я не мог поверить, что это «дом Костенецких», просил рай. власти ещё раз всё проверить).

Очень, очень грустное это было впечатление, а горы вокруг и безумие всяческого растения и цветения – всё то, что видели его детские и юношеские глаза. Под Спасском мне даже показывали место боя, где он был впервые ранен» [4].

Поскольку маршрут, который выстроил В.Т. Кучерявенко для своего высокого гостя, требует специального большого комментария, то остальные письма А. Твардовского придётся пока отложить. Приведу только ещё два комментария поэта к личности сопровождавшего его писателя Кучерявенко. Опоздав на сутки ко времени договорённой встречи и никого не поставив в известность, А. Твардовский сетует, что сам добирался до гостиницы и искал В. Кучерявенко, дав следующую оценку: «Собирались сегодня меня встречать в 2 ч. дня, а я прибыл в 12 ночи, т.е. почти вчера, и не знал ничего, и, не будучи встречен никем, добрался до «З<олотого> рога», приютился. Утром пошёл к моему заочному приятелю В.Т. Кучерявенко, зная только название улицы – Чуйфинская, – и нашёл, *застал его за глажением брюк для предстоящей встречи А.Т. в 2 ч. на вокзале. – Вот как бывает*» [4].

К сожалению, в сравнении с другими сопровождавшими поэта, В. Кучерявенко удостоился абсолютно нелестных характеристик: «как жаль, что я мало разбираюсь в цветах, а спутники мои тоже не шибко» (повторено ещё раз). «Бродит здесь по городу и гостинице унылый и малоприятный писатель А. Мусатов, которого я когда-то зарезал в «НМ», – он был очень зол на меня, а тут хочет «подключиться» к моим поездкам, жалуясь на недостаток внимания к нему, а я этого делать не хочу и не стану. *Довольно с меня одного Кучерявенко, которого я столько дней терпел в одной машине*». Как заметила в личной беседе краевед Т.А. Тюнис: «Не делай добро – не получишь зло. Природная скромность, пьедестал поэта, наверное, несколько сковывали, но не увидать талант, глубину и душу... не делает чести».

Между тем, в 6-томном собрании сочинений А. Твардовского¹ нами было найдено письмо к В. Кучерявенко, написанное уже после возвращения поэта из поездки 26 августа 1959 г., в нём нет и тени того негатива, что сквозит в личной переписке: «Дорогой Василий Трофимович! Большое спасибо за память и внимание, особо за V том Арсеньева, который, правда, ещё не дошёл до меня, но, конечно, дойдёт и сделает полным подаренный Вами комплект. Относительно памятника В.К. Арсеньеву во Владивостоке, как и относительно установления бюста-памятника А.А. Фадееву в Чугуевке (о последнем я уже провёл подготовительную разведку в Секретариате), прошу Вас совместно с М.Н. Самуниным написать мне, как секретарю Правления Союза, как бы формальное напоминание: мол, согласно устной договорённости во время пребывания в Приморье и т. п. Я почти на 100 % уверен, что это дело выйдет. Кстати, если не затруднит Вас, напомните мне фамилию, имя, отчество секретаря Чугуевского РК КПСС, с которым мы встречались в Шмакове, а также фамилию старушки Ефросиньи Авдеевны, с которой мы беседовали там, и имя-отчество-фамилию врача санатория, что сопровождал нас на Уссури. Желая хоть чем-нибудь отдарить Вас, посылаю «Тёркина» в новом и, как все говорят, весьма хорошем издании. Будьте здоровы. «Дневники» Арсеньева ждём (комментируйте, пожалуйста, поподробнее). А. Твардовский» [5, с. 128].

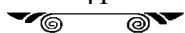
Собственно, столкнулись две противоречащие друг другу характеристики. Личность человека, сделавшего много для становления литературного процесса в Приморском крае, его творчество, темы и интересы требуют детального изучения. Хотелось бы, чтобы тот негатив, что сквозит в письмах А. Твардовского, был просто бурчанием уставшего человека, а Василий Кучерявенко оставался для нас, каким нарисован в поэме 1956 года «Откуда вы?» Евгения Евтушенко: «Ах, милый мой Василь Трофимыч, любитель неба и земли».

Надеюсь, что мы найдём в себе силы написать большой портрет нашего яркого земляка, который оставил «золотые насечки» в сердцах тех, с кем встречался.

Литература

1. Архив В.Т. Кучерявенко отдела редкой книги и рукописей ПКПБ им. М. Горького.

¹ Твардовский, А.Т. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6. Письма (1932–1970) / Примеч. М.И. Твардовской; Под общ. ред. Ю. Буртина. Худож. Г. Чеховской. – М.: Худож. лит., 1983. – 671 с. – С. 128.

2. Календарь дат и событий Приморского края на 2010 год – Владивосток: Редакционно-издательский отдел ПКПБ им. А.М. Горького, 2009. – 381 с.
3. Писатели Дальнего Востока. Биобиблиографический справочник. Выпуск 2 – URL: <https://litra.info/book/pisатели-dalnego-vostoka-biobibliografichesky-spravochnik-vypusk-2/page-58.html#hcq=SMK3Y0q>.
4. Твардовский, А.Т. Дневник: 1950–1959 – М.: ПРОЗАиК, 2013. – 526 с. – URL: <https://prozhitо.org/notes?>
5. Твардовский, А.Т. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6. Письма (1932–1970). – М.: Худож. лит., 1983.– 671 с.
6. Юлия Шестакова. Московские встречи, из неопубликованных дневников, к 100-летию со дня рождения. – Дальний Восток. – 2014. – №3. – С. 200–208.

Александр Брюханов

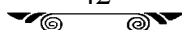
Заслуженный работник культуры РФ,
директор ПКПБ им. А. М. Горького
г. Владивосток, Россия

Так и бюджет

Народный артист РФ Никифор Григорьевич Колофидин был связан с Приморским драматическим театром им. Горького семнадцать творческих лет. Его последней работой на владивостокской сцене стал Городничий в гоголевском «Ревизоре». С этой же роли началась его актёрская карьера в Центральном академическом театре Армии, в котором артист прослужит до самой своей кончины (см. фото).

Фото Народного артиста России Н. Колофидина в роли капитана 1-го ранга Зуба в спектакле Центрального академического театра Российской Армии «Океан» по пьесе А. Штейна. Постановка 1961 года

В Приморье конца 30-х, 40-х и начале 50-х годов Колофидин был частью нашей жизни и собственную профессию воспринимал с верой в то, что искусство способно объяснять людям их самих.

Колофидин играл много. Был одинаково убедителен в роли комического украинского колхозника Чеснока в пьесе А. Корнейчука «В степях Украины» и помрачённого в чувствах шекспировского Отелло. И там, и там он находил для своих образов полноту сценических красок.

Ровесник века, Никифор Григорьевич Колофидин понимал его непростой, самобытный, неотвратимый ход. В фильме «Белорусский вокзал», сыграв генерала Пухова, он как бы подвёл черту и собственной жизни, и созданному в искусстве. «Нас не сломили поражения и не развратили победы», – скажет его герой.

Предлагаемый материал – глава из монографии «Никифор Колофидин», посвящённой жизни и творчеству этого большого художника приморской сцены. Монография – в работе. Глава из неё посвящена ролям, сыгранным артистом в 1941–1945 гг. Её публикация приурочена к 75-летию нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Поначалу о войне Колофидин, как и многие другие, узнавал по радиосводкам и из газет. И это была одна война и одна правда. Потом о войне начали узнавать из рассказов очевидцев. И это уже была другая война и другая правда. И в этой другой правде было то, о чём не писали газеты: ужас передовой, страх отступления, предел душевного изнеможения...

Об этой другой войне и думал сейчас Никифор Григорьевич, возвращаясь с 19-й версты из санатория, принявшего первых раненых с западного фронта. Из головы не шёл разговор с одним сильно покалеченным старшим сержантом. Инвалидом его сделала переправа через Березину на подступах к Бобруйску. К нему-то и навевался Никифор Григорьевич.

Подстрелили с воздуха, и потом били вдогонку, когда переправлялись...

Этот парень видел, как самолеты в упор расстреливали беженцев, видел растянувшуюся едва ли не на полкилометра колонну пленных красноармейцев. Видел, как горели подбитые БТ-7.

– Как будто не из брони, а из соломы танки, – чертыхался сержант. – Гонит нас фашист, потому что войну налегке приняли: «Шапками закидаем!» Вот и закидали...

На 19-ю версту Колофидин поехал присмотреться. Как говорится, снять мерку с горяченького фронтовика для своего нового героя – Сергея Луконина. В театре на скорую руку Лазарь Моисеевич Крицберг ставил первый оборонный спектакль «Парень из нашего города», малоизвестного по тому времени Константина Симонова.

На Луконина сержант-инвалид походил мало. У него – угрюмое лицо с играющими у самого подбородка желваками, и он задаёт Колофидину прямые, тяжёлые вопросы: «Артистов всех бронируют? Даже самых плохих?»

– Самые плохие могут оказаться самыми плохими солдатами, – как бы оправдывается Никифор Григорьевич, чувствуя невольную вину за то, что сам он прочно забронирован на всю войну.

– В плохих долго ходить не дадут. Выучат. Либо пуля собьёт, – не меняя угрюмого тона возражает сержант. – Сами-то на фронт думаете?..

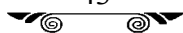
– Не пустят.

– Пустяки. Человек сам решает. Театр на войне – вещь бесполезная. Как будто сами не понимаете... На войне танки и самолеты нужны. И люди! Много людей. Война их жрёт за милую душу!..

Дачный поезд лениво тащится вдоль залива. Седанка. Песчаный берег, начинающийся тут же у полотна. Ватага резвящихся пацанов. Тяжёлое, набрякшее жаром августовское солнце. На путях – платформы с зачехлёнными в брезент зенитками.

Зенитки – единственное напоминание о войне. Она кажется сейчас чем-то далёким-далёким, не имеющим ни малейшего отношения к этому текучему, сомлевшему от тепла послеобеденному покою.

– Не расположен был сержант говорить... Не доверяет, – на душе у Колофидина погано, как никогда.

– Думает, исхлопотал здоровенный дядька бронь... Вывернулся, а он за меня собственным увечьем рассчитался. Что тут скажешь? Имеет право. Отступал с боями. Бился, пока мог... А я? Мне сорок лет, и строевая по мне плачет, а я наперёд знаю, что скажет военком: «Нет необходимости. Пока справляемся!..»

Позже, много лет спустя, автор пьесы, из-за которой Колофидин ездил на 19-ю версту встречаться с раненым сержантом, лучше других поняв и осмыслив годы войны, напишет: «Страна вправе решить за кого-то, что нужно его сберечь, о т с т а в и т ь от войны. Даже от такой, как эта. Но никто, никакой человек не вправе сам о т с т а в и т ь себя от войны...» [1, с. 270].

Вроде бы не о чем спорить, идти или не идти воевать – не твой выбор. Это выбор того, кого мы подразумеваем под словом «страна». Одних – сберечь. Других – как вот этого покалеченного солдата, бросить в самое пекло! Слабое утешение, потому что в словах раненого бойца о том, что человек сам решает – не военком, а сам человек – справедливости больше. Не справедливости даже, а честности...

Никифор Григорьевич невесело вздохнул и стал смотреть в окно. Потянулись пакгаузы, какие-то ветхие постройки, мелькнул шлагбаум, а за ним – свежеврытые траншеи. «Строят или окапываются?» – подумал он, и ему почему-то вспомнился румынский фронт, и то, как на пятый или шестой месяц их с отцом, подрядившихся рыть окопы, свалил сыпняк. Вот как об этом рассказывает сам артист в своих заметках «Университеты артиста» [21, с. 187].

«Человек сто больных ютилось в каком-то сарае без окон, дверей, без крыши. Занесённые снегом, мы и спали-то прямо на снегу. Кончилось это тем, что санитары, подбиравшие больных и мёртвых, нашли меня среди груды мертвецов. Мой полушубок вмерз в ледяную корку земли, я был без сознания. Бросили нас с отцом на разные подводы-двуколки, развезли по разным госпиталям. Я остался один, не зная, где мой отец, далеко от родных мест, больной и никому не нужный.

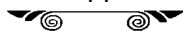
Сменив много госпиталей в Румынии, я, наконец, прибыл в Россию – в военный госпиталь в г. Черкасске, где и застала меня революция 1917 года. В это время я уже выздоравливал после возвратного тифа. Как сейчас помню, в громадную палату вошёл главный врач и сообщил, что царя больше нет, царь свергнут, и я услышал новое для меня слово – Революция. Где-то рядом, в соседнем корпусе, запели неслыханную мной раньше песню «Отречёмся от старого мира» – Марсельезу... Ощущение было такое, что как-то сразу изменилась жизнь...»

Именно это ощущение Никифор Григорьевич переживает сейчас на подъезде к Владивостоку. Ощущение, что жизнь круто изменилась. И что война надолго. И что пожар её вот-вот вспыхнет тут, на востоке. И как знать, не станет ли линией фронта 19-тая верста или вот эта тихая и уютная Седанка? И хватит ли у страны сил воевать сразу на два фронта? Вот тут уж военком не разведёт руками, дескать, нет необходимости, тут ...

Что будет «тут», Колофидин подумать не успел, поезд дёрнулся и остановился. Никифор Григорьевич, соскочив с подножки, прямым ходом заторопился в театр...

Сезон они завершили 14 июля, чтобы в августе, позволив себе лишь короткую передышку, снова открыться. Открыться уже оборонным учреждением. Как завод имени Ворошилова. Или завод «Металлист». Отпуск в театре был отменён, вместо него – четыре ударных недели, которых потребовала постановка «Парня из нашего города». «Наш театр перестраивает свою работу на военный лад, – сообщал читателям газеты «Красное знамя» художественный руководитель театра Н.Г. Гнедич. – Перестройка заключается в том, что, с одной стороны, мы усиливаем наш оборонный репертуар, с другой – принимаем меры к самому широкому обслуживанию нашим творческим составом своих подшефников и трудящихся оборонных предприятий» [3, с.4].

И вот – первый результат предпринятой за эти четыре недели перестройки – симоновский «Парень из нашего города». Со сцены словно бы исчезли её прежние краски. Их разом стёрла война. Лазарь Крицберг поставил суровый, как «чёрно-белое» кино, спектакль. Он начинается в волжском городке вроде Самары, чистеньком и аккуратненьком, словно бы на-

питанном солнцем, и заканчивается в чёрной, пахнувшей овчиной степи. Среди сопки Халкин-Гола. На азиатской войне, которая станет прологом войны европейской. В финале на зрителей обрушивался грохот танков, тех самых, БТ–7, которые показали высокую маневренность в Монголии, и которых помянул недобрым словом находящийся на излечении тот покалеченный старший сержант.

Играть Сергея Луконина Колофидину просто по причине того, что характер этот лично близок артисту. Но так уже было в его жизни. Было с Шадриным. Было с Рыбаковым («Кремлёвские куранты»). И в этом смысле роль не несёт в себе ничего нового. Трудность в одном – сначала нужно играть юношу Луконина, а в финале майора, командира танкового соединения. Артисту сорок лет. Он как-то вдруг погрузнел, лишился прежней лёгкости, и юношу в нём зритель теперь признаёт с большим трудом. Другое дело, Луконин, штурмующий на своем БТ–7 Зелёную Сопку, Луконин, возражающий своему другу Ване Гулиашвили: «Ты сейчас о последней сопке думаешь, а я о последнем фашисте. И думаю о нём давно, ещё с Мадрида...». Для того чтобы эти слова пьесы обрели суровость лозунга времени и понадобился артист Никифор Колофидин. Понадобилось его умение превращать в правду всё, что говорит и чувствует его герой.

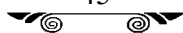
Пресса, строя свой разбор, главным образом, на пересказе симоновского сюжета, тоже сходится во мнении, что «поступки, мысли и чувства Луконина и его товарищей как бы перекликаются с тем, что происходит сейчас каждый день на фронтах Великой Отечественной войны». «Артист Колофидин, – читаем мы в рецензии К. Михайлова, – обаятелен в роли Луконина. Правда, в первой картине ему довольно трудно перевоплощаться в Серёжку-юнца, по-детски подвижного, игривого. Но зато во всех последующих сценах именно и требуется колофидинский размах мастерства и актёрская сила, чтобы образ Луконина, полевого командира и задушевного друга донести до зрителя, дать его наиболее характерным, запоминающимся» [4, с. 4].

Первый театральный отклик на события 1941 года, к сожалению, в репертуаре театра продержался недолго. В 1942 году на экраны вышел фильм «Парень из нашего города», уже опалённый первым годом войны, со стихами «Жди меня», взхлёб прочитанными Лидией Смирновой. С Крючковым в роли Луконина. «Я для этой роли и на свет родился» – потом скажет артист, имевший в ней успех заслуженный, исключительный. Театральная постановка естественным образом не могла конкурировать с фильмом, и зритель перестал на нее ходить.

Настоящим боевиком первого «оборонного» сезона стала как это ни странно, не пьеса, написанная в огне сражений, а альковный, придворный, искусный, словно гравировка на почернённом серебре скрибовский «Стакан воды». Без Колофидина, но с М. Гайдаровой и О. Холиной в главных ролях. Комедия Э. Скриба собирала полные залы, игралась едва ли не ежевечерне. Сборы от «Стакана воды», перечисленные в фонд обороны, по данным краевой конторы Госбанка, били все рекорды. К февралю 1942 года на счёте работников искусств, открытым для постройки танка Т–34, уже значились 700 000, 00 рублей.

Оборонные спектакли («Парень из нашего города», вышедшие в 1942 году «Партизаны в степях Украины» А. Корнейчука и «Русские люди» К. Симонова) таких сборов, увы, не делали...

– «Партизаны в степях Украины» никакого сравнения с тем первым спектаклем не выдерживали. Я и не помню их. Ничего не помню, хотя, видимо, занята была в массовке. Вот «В степях Украины» – другое дело! Нас, учащихся драматической студии (Драматическая студия при краевом драматическом театре имени Горького начала свою работу 1 октября 1943 года – прим. автора). Лазарь Моисеевич Крицберг занимал в массовых сценах вместо участников художественной самодеятельности, которые должны были водить хоры и изображать колхозную молодежь. Так, я знаю, было в довоенном спектакле. Художественной самодеятельности с началом войны не стало, а спектакль – уж очень он был хорош – было решено сохранить в репертуаре и играть с нами, студийцами.

И пока шли репетиции, я во все глаза смотрела на Колофидина – Чеснока. Мне казалось, что я вижу величайшего артиста. В глубине сцены был сооружён пригорок, он поднимался на него, и оттуда, с пригорка, смотрелся ещё более величественно. А Григорий Иванович Антошенков – Галушка был невысок, коренаст, по мизансцене оставался всё время за плетнём. И вот они переругиваются... Не зло, больше забавно, и Колофидин кажется горой, нависающей над Григорием Ивановичем. Ну, человечиче просто!..

Я очень любила этот спектакль. А. Корнейчук написал комедию. В ней был какой-то свет. То, что отняла у нас война. Мне кажется, эта комедия больше служила делу обороны, чем её продолжение – «Партизаны в степях Украины». Кое-кто видел в этом продолжении откровенную фальшь, только говорить об этом вслух было не принято.

Ну, а в самом деле... Посмотрит краснофлотец комедию, вспомнит довоенное время и точно будет знать, за что он в бой идёт. А горя... Горя ему и так в жизни хватало. В театр за горем ему идти незачем было!..»

Нелли Яковлевна Малышева, в прошлом артистка Приморского ТЮЗа, ученица Петра Алексеевича Алексеева, стараниями которого была открыта во Владивостоке драматическая студия, видела Никифора Григорьевича Колофидина во всех самых знаменитых его ролях: в Отелло, Городничем, Феде Протасове.

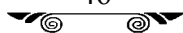
– Он был велик, как никто из тогдашних артистов, – и по сей день уверена в этом Нелли Яковлевна, к воспоминаниям которой нам ещё предстоит вернуться. – Но подойти к нему, сказать ему об этом, я бы никогда не решилась, даже став актрисой... Впрочем, однажды осмелилась ...

Правда, было это уже после войны... [5].

А пока идёт война. И уже не с колхозно-бытовой комедией «В степях Украины» имеет дело театр и зритель, а с пьесой, словно бы посылающей в глубокий тыл героико-трагическую весть о первых днях гитлеровского нашествия на Украину. Нет больше колхоза «Тихая жизнь», и нет соперничающего с ним хозяйства «Смерть капитализму». Горит колхозный хлеб. Вот-вот нагрянут оккупанты, и председатель Чеснок собирает из бывших колхозников партизанскую дружину. Так как это делает сейчас где-то под Сумами реальный всеукраинский партизанский батяка Сидор Ковпак. Отныне Селивон Чеснок и его заклятый друг Кондратий Галушка становятся народными мстителями. Любопытно, что в пьесе нет материала для глубоких психологических образов, а на сцене, между тем, действуют живые человеческие характеры. И снова Колофидин не уступает Антошенкову, и снова Антошенков не уступает Колофидину! И оба играют так, будто автором пьесы выступает не старательный драматург средней руки, а, по меньшей мере, сам Николай Васильевич Гоголь...

А люди вокруг потихоньку втягиваются в войну, живут тыловой жизнью, которая в одночасье может превратиться во фронтную. В 1942–43-м гг. возможность осады Владивостока, бомбёжек и артобстрелов была реальна, так же, как затемнение и комендантский час на улицах города. Как приметы военного быта: литерный паёк, керосинка, очереди в «Челюскин» за «фирменными клёцками», как печки-буржуйки, появившиеся в актёрских квартирах. Вот где пригодится слесарно-котельный опыт Никифора Григорьевича! Печку-буржуйку он поможет соорудить и живущей по соседству Марии Георгиевне Гайдаровой. Дочь актрисы – Лена, московская студентка, чуть было не погибшая под Калининым, где она успела поработать медицинской сестрой во фронтовом госпитале, отогреваясь у этого «колофидинского творения», всё никак не могла привыкнуть к тому, что есть, оказывается, ещё жизнь, которую не бомбят по несколько раз в день, есть дороги, не забитые брошенной техникой и отступающими людьми; есть, наконец, дом, ещё не выстуженный войной и люди вокруг, которые хотя и живут по-военному времени, но всё равно – больше по мирному порядку...

Согласно этому полувоенному-полугражданскому распорядку, Никифор Григорьевич Колофидин ежедневно спускался со своего этажа в театр. Либо на репетицию, либо на спектакль, либо на выезд к краснофлотцам с шефским концертом. Либо по депутатским делам в исполком. В театре опять же в спешном порядке выпускались «Фельдмаршал Кутузов» и

«Шут Балакирев» – драма в стихах из петровских времён Анатолия Мариенгофа. Колофидин репетировал Петра.

Поставленные в 1942 году спектакли «Шут Балакирев» и «Фельдмаршал Кутузов» напоминали о том, что сражающаяся Россия – не только страна победивших большевиков, но и Россия Петра, Кутузова и Суворова, и что воцарившийся в искусстве историко-биографический жанр следует всячески поддерживать и развивать.

В сезоне 1943 года громоздкого и очень уж «уставного», официального «Фельдмаршала Кутузова» сменил на приморской сцене более близкий по времени воинственный предок – генерал Брусилов. Отдадим должное этой работе Н.Г. Гнедича и художника В.П. Лиденбаума. В драме Ильи Сельвинского они почувствовали что-то булгаковское. Дни подготовки знаменитого брусиловского прорыва в их сценическом решении по психологической плотности не уступали «Дням Турбиных». Сказалось и то, что труппа драматического театра в годы войны располагала удивительными актёрскими индивидуальностями. Война прибила к приморскому театральному гнезду таких больших и сильных птиц, как В. Нарыков, М. Бахметьев, О. Холина, И. Дубравин, П. Алексеев, позже Фирс Ефимович Шишигин и т.д.

Заслуженный артист Туркменской ССР В.И. Нарыков, выступивший в роли Алексея Алексеевича Брусилова, вывел на приморскую сцену генерала, которого так не хватало нашей армии в том горьком июне 1941 года. И позже – вплоть до декабрьского наступления под Москвой. Понадобился опыт Брусилова, командующего Юго-Западным фронтом на той, первой войне с германцем, его, если хотите, внутренняя имперская выправка, его представления о долге и офицерской чести, чтобы враг понял, что ничего из опыта прежних войн Россией не утрачено. И потому – ждите нового брусиловского прорыва, и трепещите от мысли, что он неминуемо последует ещё и ещё.

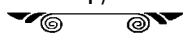
Спектакль шёл около пяти часов, но зрительское внимание не ослабевало вплоть до последней реплики В. Нарыкова–Брусилова: «Наступление продолжается... Ни шагу немецкому зверю на русской земле...».

Никифор Григорьевич на этот раз получил роль лихого кавалериста-вахмистра Ковалёва. Роль, по сути, эпизодическую. К чему, в общем-то, не привык. Но отнёсся он к ней с такой мерой ответственности, какую можно было бы ожидать от артиста в чём-нибудь классическом. В Островском, к примеру... Писавшие о спектакле, а рецензией на него занята едва ли не треть газетного листа (при том, что «Красное знамя» в войну выходило одной половиной) сходились во мнении: исполнение артистом Н. Колофидиным роли вахмистра Ковалёва «является образцом работы над маленькой эпизодической ролью» [6]. Это была роль – выстрел! Роль – кавалерийская атака! Как в «Живых и мёртвых» у К. Симонова. На какие-то доли секунды появляется в его книге танкист Иванов, чтобы громыхнуть Синцову: «На моей фамилии вся Россия держится», а мы запомним его, будто бы прошли с ним весь путь – из отступления – в наступление – до самого Берлина. Так и колофидинский Ковалёв – той же породы. Только с другой войны солдат. Что, в сущности, не имеет значения...

За «Генералом Брусиловым» последуют «Сталинградцы» Ю. Чепурина. И снова пойдёт трещать по всем швам старая театральная сцена. От перенаселённости. От взрывов и грохота. От размаха и удали. От распирающей радости, потому что пьеса повествует о том, как там, у Волги, наша Армия стёрла фашистов в порошок. Никифор Григорьевич вспоминал: «Яков Бубен, над образом которого я работал, стал как-то особенно близок. Помню, как бурно реагировал зрительный зал, как закипала ненависть к врагам, когда вносили на носилках умирающего Якова, и он вспоминал о своей любви к рыбацкой дочери Юльке» [7, с. 196].

– Юльку играла я. Это был мой второй сезон в театре имени Горького. На Никифора, Антошенкова, Ольгу Холину и Гайдарову я смотрела, как смотрят в музее на прекрасные полотна. На почтительном расстоянии. Издалека...

Время от времени шли «Зыковы», где Колофидин играл Антипу. У его Антипы душа была вся в синяках и ссадинах и как-то особенно блестели глаза. А в «Сталинградцах» он звал меня предсмертным голосом – но каким (!) «Юлька!» Я до сих пор его забыть не могу. Слышу это «Юлька!» и мурашками покрываюсь.

Нет, Никешку не повторить. Он – один такой! И охотник по нашей, женской части тоже был большой! Русский человек! Во всём – русский! Мой Фирс им восхищался! Разглядел в нём что-то тихое, смиренное, даже печальное и поставил для него симоновскую пьесу «Так и будет». Он там полковника Савельева играл. Но мне ни спектакль, ни Никифор в нём почему-то не понравились. Почему? То ли пьесу я не полюбила, то ли ещё что? Я и Симонову об этом сказала, когда он вскоре после премьеры оказался во Владивостоке. Они с Борисом Горбатовым летели в Японию. И Фирс их принимал как чиновник, председатель комитета по делам искусств. Помню вечер в «Челюскине», застолье. Горбатов за мной ухаживает, а Симонов почему-то грустный. По-моему, от него Серова тогда уходила. У неё роман с Рокоссовским начинался. Я Симонову и говорю: «В вашей пьесе бодрости нет. Ведь война кончается. И все уже на победу настроились». На что Константин Михайлович ответил, что он написал «Так и будет» между двумя командировками на фронт. А он, уезжая, никогда не был уверен в том, что вернётся живым. Отсюда – и соответствующее настроение. «Жизнь после победы будет не только радостная. Всякая. Горе так быстро не изживается...».

Но я об этом не хотела думать. Мы ждали победы. Верили, что после неё начнётся какая-то другая жизнь. Какая другая – мы не знали. Но точно – счастливая. Иначе – зачем Победа? И для чего тогда победа, как не для счастья [8].

В воспоминаниях Лидии Яковлевны Макаровой-Шишигиной², которые мы приводим, упоминаются «Зыковы». Постановка довоенная и вновь возобновлённая в 1943 году по случаю 75-летия Алексея Максимовича Горького, которое по решению Сталина отмечалось широко, как вызов войне, сожжённой Ясной Поляне, с ахматовским, державным посылом: «Мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово»...

«Зыковыми» занимался Николай Германович Гнедич. Притушив в себе «мейерхольдовский огонь» (Николай Германович был учеником Мейерхольда, но вспоминать об этом и тем более идти его следом в искусстве было не безопасно) он искал в Горьком.

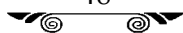
Горького – и только! Вопрос – какого Горького? Того, который разбойничьим посвистом припечатывает в «Зыковых» якобы «карамазовщину»? Или другого Горького – с философией попроще – создателя семейных саг и певца их упадка? Ответить на этот вопрос сложно, хотя в нашем распоряжении и имеются добротная рецензия К. Михайлова и очерк Лидии Жуковой, исследовательницы творчества Н.Г. Колофидина, опубликованный в журнале «Театр» за 1949 г. (№ 8).

«У нас иногда в стремлении похвалить артиста стараются – сообщает нам К. Михайлов, – находить в его исполнении то, чем он, якобы, дополняет автора, делает более ярким то, что неярко выражено автором. Может быть, так иногда и бывает. В данном же случае у Колофидина не было нужды в таком дополнении. Сила убедительности созданного им образа в том и состоит, что Колофидин не отходил от Горького. Он лишь понял Зыкова настолько, что врос в него, проникся его мироощущением. Поэтому в каждой сцене Зыков жизненный, Зыков – горьковский» [9]. Но мироощущением Антипы рецензент меньше всего и интересуется. И мы, читатели его заметок, так ничего и не узнаем: намерен ли Антипа, побуждаемый умной и решительной Софьей (М. Гайдарова) «...жить... спорить... делами ворочать». Или последует трагическая развязка. Ведь говорит же он: «Я – человек короткой жизни». Словно приговаривает себя...

Скорее всего, было так: в первой, довоенной редакции Н.Г. Гнедич вместе с Н. Колофидиным оставлял Антипе какую-то надежду. И напрочь лишал его этой надежды в возобновлённом варианте. И в этом сказывался горький опыт войны. В двери Зыковых стучалась трагедия, и Антипа бросался ей на встречу, как медведь на рогатину.

Этой же мысли придерживается и Лидия Жукова, оставившая нам точный портрет артиста в то самое непростое для него время, когда Колофидиным всерьёз заинтересовалась Москва, и мысль играть в Москве уже основательно завладела артистом. Цитирую: «Гибель

² Макарова-Шишигина Л.Я. (25.03.1917, г. Никольск-Уссурийский – 01.08.2004, Ярославль) – актриса Ярославского театра им. Волкова. Жена и творческий друг выдающегося театрального режиссёра, народного артиста СССР Ф.Е. Шишигина.

от избытка сил – эта тема прозвучала у Колофидина и в «Зыковых». Великолепен его Антипа – могучий, полный жизни, и одновременно обречённый на бездеятельность, на бесплодное прозябание. Зыковский дух противоречия, кипящий в нём вызов и одновременно слабость, ущербность в отношениях с Павлой – всё это слилось у Колофидина в образе сложном, притягательном и, в конечном счёте, как и Тетерев, трагедийном» [10, с. 58].

Жукова Л. начинает свой очерк весьма спорной мыслью: «О Н. Колофидине давно идёт слава как о выдающемся исполнителе ролей горьковского репертуара» [11, с. 56]. Утверждение это следовало бы укоротить: выдающийся исполнитель. Любой, взятой в работу роли. Так было бы справедливее по отношению к Г.И. Антошенкову – в горьковском репертуаре, действительно, не знавшем себе равных, Н. Колофидин же скоро превзойдёт Антипу. Превзойдёт в роли, о которой тогда, в 1944-м году, и не помышлял: в «Отелло»! Но 44-й ещё в самом разгаре. И Колофидин репетирует с Шишигиным пьесу Константина Симонова «Так и будет». Пьесу о том, к чему всё чаще, всё настойчивее обращались в своих мыслях и в своих надеждах люди о жизни без войны и о том, какой она будет, эта жизнь...

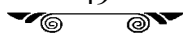
Премьеру «Так и будет» сыграли в начале февраля 1945 года. Чем замечательна была для Колофидина эта работа? Встречей с Фирсом Шишигиным. Фирс Ефимович – Счастливец и Несчастливцев русского театра одним лице – пока ещё не стал театральной легендой общероссийского масштаба. Но кое-какая слава за ним уже клубится. Архангельский мужик. Из поморов. Театральному ремеслу обучался у Сергея Радлова в северной столице. Тогда в одной аудитории Института сценического искусства собрались Николай Черкасов, Борис Чирков, Николай Симонов, Виталий Полицеймако, Райкин, Толубеев, Меркурьев и он, Фирс Шишигин. Потом его командируют на восток, в г. Ворошилов, театр ОКДВА. В 37-м – объявят врагом народа. В 39-м – поверят, что он не враг. Отпустят. В 42-м он привезёт во Владивосток «Лжеца» Карло Гольдони в постановке Спасского колхозно-совхозного театра. За успехом «Лжеца» последует приглашение в край на должность начальника отдела по делам искусств и на разовые постановки – в драму. Он выберет для дебюта пьесу Константина Симонова «Так и будет». Почему «Так и будет»?

Перечитайте пьесу, и вы поймёте почему. Она – о личном. Только о личном. Симонов отказывается от публицистической скороговорки своих прежних пьес. От их пафоса. От общих мест. Такое впечатление, что накануне он был во МХАТе, смотрел чеховских «Трёх сестёр» и удивился своему открытию: оказывается, Чехов написал пьесу о некоем военном сословии, военной интеллигенции, увидев её как бы с тыла, в обыденной жизни, которую вот-вот оборвёт русско-японская война. И бог весть куда снимется в финале вершининский полк. Не к маньчжурской ли границе? А все визиты к сёстрам – это так, временная передышка, короткое счастье, «которое берёшь кусочками»...

То же и здесь. Отдых в Москве для полковника Савельева – временное затишье перед новыми боями. Его появление в собственной квартире, занятой чужими людьми (пепелище, жена и дочь погибли в первые дни войны) – как появление Вершинина в доме сестёр. И встретившая его Оля – тоже чеховские Ирина и Маша в одном лице. Фирс Шишигин, надорванный 37-м годом и истосковавшийся по человеческому теплу, ставил пьесу о праве человека на личное счастье. На личную жизнь. И эта нота человечности чем-то неуловимо чеховским осветила спектакль. Вот выдержки из рецензии С. Гальпериной: «Вы выйдете из театра, и жаль станет, что Вы покинули общество простых, сердечных и хороших людей, которых только что оставили на сцене. Да, право, на сцене ли? Будто кусочек нашей жизни увидели Вы вот так, из зрительного зала, и герои Симонова – это ведь люди сегодняшнего дня».

О Н. Колофидине:

«Подкупающе остро и правдиво, по-настоящему талантливо играет Колофидин фронтового полковника Савельева. Этот мужественный и сдержанно-грустный полковник удивительно человечен, потому и хочется так поддержать его, но не жалостью (Колофидин умело избежал этой опасности), а хорошей человеческой дружбой».

О Т. Мухиной:

«Своеобразно и тонко играет артистка Мухина майора медицинской службы Анну Григорьевну Греч. Артистка несколько отступила от авторского замысла, в её Анне Григорьевне не столько мудрости, сколько умного юмора. Но это не помешало Мухиной создать обаятельный образ хорошей, умной, слегка печальной, мягкой и человеческой женщины, чудесно врачующей физические и духовные недуги» [12].

В роли Оли – новая для зрителя артистка Валентина Павлова. Ей в скором времени предстоит сыграть с Колофидиным уже не намёк на Чехова, а подлинного Чехова. Это будут «Три сестры» в постановке Ивана Ефремова. А пока в «Так и будет» она играет то, что ещё вчера по праву принадлежало Татьяне Мухиной: милую девушку, заставившую грустного полковника испытать радостное волнение сердца.

Из воспоминаний Л.Я. Макаровой-Шишигиной:

«← Мухиной исполнилось сорок лет, и для неё начинался переход на возрастные роли. И начинался трагично. Погиб её сын, Вадим. Сгорел в танке. Он то ли стрелком был, то ли механиком. От первого брака сын. Артиста Волкова, с которым Татьяна начинала то ли на Урале, то ли в Сибири. Я уж и не помню...

Она ведь рано вышла замуж. И дети у неё – ранние... А накануне у Мухиной пропал кот Васька. Огромный, сибирский кот, любимец двух актёрских этажей гостиницы «Золотой Рог». (Квартир не хватало, селили в гостиницах). И Мухина. И мы с Фирсом жили в гостинице. У нас был прекрасный номер с окнами на Светланскую. Кажется, номер пятьдесят. И вот этот вот мухинский Васька, бродивший по всей гостинице, вдруг неожиданно пропадает. Переполах. Все ищут. Нет Васьки. Исчез... И тогда Таня говорит: «Дурное предзнаменование. Что-то случится. И точно – на следующий день – похоронка! Она – как каменная стала...»

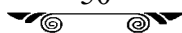
По-моему, у них в эти дни всё с Колофидиным и решилось. И он переехал к ней от Веры Борисовны. Во всяком случае, на гастролях в Иркутске они уже жили вместе. А в Иркутск мы двинулись летом 1945 года» [13].

На всём пути от Владивостока до Иркутска им навстречу шли воинские эшелоны. В теплушках – солдаты. На открытых платформах – танки, пушки, гвардейские миномёты. Сплошной железный поток.

«Какая махина на японца движется! – подумал Никифор Григорьевич, провожая очередной состав. – Побежит самурай. От одного только вида этой силищи побежит. Так и будет». Подумал и улыбнулся. «Будет так, как написано у Симонова: «Солнце. Синее небо, зелёная трава. И всё это называется счастье!»

Литература

1. Симонов, К. Собрание сочинений в 10 т. – М.: Худ. лит., 1982 – Т. 7. – 558 с.
2. Образ моего современника. Сборник статей мастеров советской сцены. – М.: ВТО. – 1951. – 235 с.
3. Красное знамя. 1941. 21 августа.
4. Красное знамя. 1941. 29 августа.
5. Личный архив автора.
6. Красное знамя. 1943. 23 мая.
7. Образ моего современника. Сборник статей мастеров советской сцены. – М.: ВТО. – 1951. – 235 с.
8. Личный архив автора.
9. Красное знамя. 1941. 26 февраля.
10. Театр. Ежемесячный журнал драматургии и театра. – 1949. № 8.
11. Там же.
12. Красное знамя. – 1945. 9 февраля.
13. Личный архив автора.

Игорь Никифоров

Потомок В.П. Мельгунова
Санкт-Петербург, Россия

Имя на карте Приморья

Владими́ро-Петровка и Мельгуновка – эти населённые пункты находятся в одном районе Приморского края – Ханкайском, и названы в честь одного и того же человека, Владимира Петровича Мельгунова. Человека, в течение более чем полувека незаслуженно забытого и потерянного своими ближайшими родственниками и общественностью (примеч. 1).

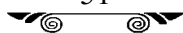
Как личность В.П. Мельгунов (см. фото) не упоминается ни в литературе, ни на просторах интернета (в частности, на страницах Википедии). Можно сказать, что Владимир Петрович – типичная жертва геополитики, выпавшая из обоймы времени по причине вынужденного пребывания в качестве «анкетной невидимки». И он сам, и его родственники долгое время при заполнении граф о социальном положении и наличии родственников за границей старательно ставили прочерк, зная, что правда для семьи обернётся очередной разлукой, каторгой или иными лишениями и неприятностями.

Владимир Петрович Мельгунов. Фото из семейного архива

И только сейчас, годы спустя, как самый старший из оставшихся в живых в своём роду, передаю эстафету справедливой памяти своей младшей сестре Татьяне Владимировне Геен и считаю возможным с её помощью восстановить доброе имя нашего родственника для потомков и историческую летопись родословной Мельгуновых.

Потомственный дворянин Владимир Петрович Мельгунов родился 22 марта 1874 г. в Москве в семье преподавателя истории в Московском Николаевском институте и в гимназии

Ф. Креймана, автора научных трудов по истории и естествознанию Петра Павловича Мельгунова (1847–1894) и Надежды Фёдоровны Грушецкой (1853–?).

Среди его предков наиболее известны вельможа времён Екатерины II Алексей Петрович Мельгунов (по словам императрицы, «очень и очень полезный человек государству») и общественный деятель 40–60 гг. XIX в. Николай Александрович Мельгунов – музыкальный и литературный критик, композитор и писатель. Дед Владимира Петровича по матери, Фёдор Грушецкий, являлся двоюродным братом Сергея и Матвея Мурвьевых-Апостолов и привлекался к дознанию по делу декабристов.

Володя в семье был старшим ребёнком, впоследствии родилось ещё четверо детей – Сергей (1879–1956), Ольга, Екатерина и Мария. Сергей был известным историком, был выслан из России и умер в Париже в конце 1950-х гг. Екатерина стала провинциальной артисткой, артистическую карьеру избрала и Ольга – она входила в труппу частной Московской камерной оперы. Мария и Екатерина после революции покинули родину и жили в Польше.

Брак родителей Владимира Петровича распался из-за разности взглядов на жизнь и интересов супругов, они разъехались и проживали отдельно. Как старший сын, будучи уже достаточно взрослым, Владимир остался при отце, а остальные дети – при матери.

Владимир Петрович окончил гимназию с отличными результатами и продолжил обучение в Московском университете, на медицинском факультете. Обладал глубокими знаниями в естествознании (что, вероятно, передалось ему от отца), за что среди друзей получил прозвище «ходячая энциклопедия».

Вспоминая о своей студенческой жизни, Владимир Петрович рассказывал такой курьезный случай. Как-то раз понадобился ему букет для барышни, но по какой-то причине он его не купил и, ничтоже сумняшеся, залез в царский сад. За этим постыдным занятием и застал его Николай II. Царь вежливо осведомился: «Чьих будете, молодой человек? А судя по мундиру, ещё и студент». Выслушав нашкодившего дворянского отпрыска, пожурил – «Что же Вы, юноша, ко мне не обратились, коли такая нужда, а через забор? Уж будьте любезны с букетом выйти через калитку, как подобает дворянину». С тем и отпустил.

По некоторым сведениям, Владимир ушёл из университета со второго курса. Чем он занимался в дальнейшем, неизвестно. А так же как и по каким причинам и каким образом он в самом конце 19 в. оказался на Дальнем Востоке.

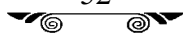
Однако 19 июня 1899 г. он был принят в штат Приморского областного правления. С 21 июня 1899 г. Владимир Петрович исполнял обязанности секретаря Приморского областного статистического комитета, с 1 июля 1899 г. – чиновника особых поручений при военном губернаторе Приморской области.

А 30 января 1903 г. последовало назначение кандидатом на должность крестьянского начальника Приморской области. Это должностное лицо, производившее административный надзор за местным крестьянством. Впоследствии Владимир Петрович являлся крестьянским начальником Ханкайского участка (с 15 сентября 1905 г.), Средне-Уссурийского участка (с 24 марта 1908 г.), третьего крестьянского участка (с 28 января 1913 г.), первого крестьянского участка (с 24 июля 1914 г.). 1 ноября 1912 г. он становится крестьянским начальником вновь образованного 2-го крестьянского участка и заместителем председательствующего Южно-Уссурийским уездным съездом крестьянских начальников.

1 ноября 1914 г. Владимир Петрович назначен Никольск-Уссурийским уездным начальником. В круг обязанностей уездного начальника входило утверждение списков лиц, подлежащих отправке в армию. И вот какой судьбоносный случай часто впоследствии вспоминала его жена Людмила Францевна.

«Однажды к ним в дом явилось двое мужчин, один, что помоложе, явно крестьянин, а второй, постарше, как будто из недавних мешчан.

Владимир Петрович принял их у себя в кабинете, однако те очень скоро вылетели оттуда под возмущённые крики хозяина «Вооон!!!». Жена поспешила узнать, что случилось. Оказалось, что посетители предложили взятку в откуп от службы того молодого крестьянина. Долго возмущался этим поступком Владимир Петрович, но в силу своего отходчивого и

доброе нрава всё же решил выяснить причину, заставившую «ходоков» пойти на такое дело, и узнал, что парня решили «забрить» в солдаты, несмотря на то, что он являлся единственным кормильцем у матери и старшим сыном в многодетной семье. Если его заберут, то семья и хозяйство останутся без хозяина и просто могут «пойти по миру» и погибнуть с голоду. Когда всё это выяснилось, Владимир Петрович решил дело в пользу «рекрута» и освободил его от воинской повинности».

Кроме того, Владимир Петрович занимал и другие должности. Он являлся председателем уездного съезда волостных старшин, председателем Воинского присутствия, Никольск-Уссурийским уездным земским начальником, вице-президентом Никольск-Уссурийского дворянского общества. Имел звание генерала.

Увлекался флорой и фауной юга Дальнего Востока, проводил наблюдения над бабочками и птицами, составлял атласы. Тесная дружба связывала В.П. Мельгунова с семьёй М.И. Янковского, который подарил Владимиру Петровичу тигриный коготь в золотой оправе.

17 февраля 1917 г. он был назначен председателем участковой комиссии, но спустя некоторое время, 11 марта 1917 г., уволен со службы.

Наступил 1919 год. Революция докатилась и до Приморья, а с нею и перемены во власти. Владимира Петровича арестовывают как генерала Царской армии и представителя враждебной власти. Однако под арестом он пробыл лишь около суток – комиссия из Москвы, прибывшая на Дальний Восток, просмотрела списки арестованных и распорядилась всех освободить, поскольку тюрьма переполнена, а люди не представляют явной угрозы революции.

Но не успел дед вернуться домой, как ему принесли записку от того самого «рекрута», которого он в своё время выручил, и который в этот момент занимал какой-то важный пост. В записке сообщалось о том, что Владимир Петрович вновь внесён в списки лиц, подлежащих аресту и расстрелу. В связи с чем ему предлагалось собрать всё самое ценное, документы и семью, а ночью за ними прибудет подвода с проводником и вывезет их в Китай.

Вот таким чудесным образом Владимир Петрович оказался в Китае, в Харбине. Дальше уже пошли дни эмиграции.

В Манчжурии он служил в Земельном управлении КВЖД заведующим Личным столом; преподавателем востоковедения, истории, естествознания и астрономии в гимназии им. М.А. Оксаковской в Харбине. Последнее место службы – Мулинские угольные копи, горный отдел, копировальщик.

В Китае Владимир Петрович увлёкся конными бегами, сблизился с директором ипподрома П.И. Снегирёвым и долгое время выполнял обязанности судьи на колоколе. Последнее время работал копировальщиком горного отдела Мулинских угольных копей.

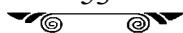
Полученное ранее ранение в ногу (обстоятельства малоизвестны, вероятно, участие в военных действиях Русско-Японской войны 1904–1905 гг.) привело к ампутации стопы, а впоследствии из-за воспаления, вызванного протезом, были ещё две ампутации, уже выше по ноге. Последняя ампутация вызвала гангрену.

Умер Владимир Петрович 22 февраля 1949 г. на Мулинских Угольных коях в Китае.

Жизненный путь Владимира Петровича был чрезвычайно разнообразен и насыщен взлётами и падениями, трагедиями в личной жизни и карьерными удачами, величием занимаемых должностей и поиском источника заработка для того, чтобы прокормить семью.

Он был дважды женат. Первый раз женился на мещанке из г. Одесса Евдокии Герасимовне Галкиной, имел двух сыновей – Юрия (25.11.1911, г. Иман Приморский край – 24.11.1996) и Игоря (09.1913, г. Никольск-Уссурийский – 09.1979). От второго брака с Людмилой Францевной Вальдштайн, уроженкой Санкт-Петербурга (25.11.1896 – 25.07.1989) родилась дочь Ирина (28.02.1915, г. Никольск-Уссурийский – 13.06.2005).

Ему были свойственны доступность и душевная доброта, щедрость при общении, глубина и чувство эмпатии, всепоглощающая тяга к семье и любовь к детям. По воспоминаниям знавших его людей, он всегда сохранял присутствие духа в различных ситуациях, был справедливым и честным. Эти качества и объясняли причину народной любви и уважения всех сословий общества того пространства и времени, в котором он жил.

В личной жизни он, как и все, делил себя между службой Отечеству, наукой и семьей. Увлекался охотой, скачками на ипподроме.

Имел ордена: Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава 2-й и 3-й ст., серебряную медаль «В память за поход в Китай в 1900–1901 гг.», серебряную медаль «В память 25-летия восстановления церковных школ» на Владимирской и Александровской лентах, тёмно-бронзовую медаль «В память войны с Японией» на Александровской и Георгиевской лентах, светло-бронзовую медаль «В память 300-летия царствования Дома Романовых», светло-бронзовую медаль «В память 100-летия Отечественной войны», светло-бронзовую медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» на ленте Белого Орла и нагрудный ополченческий знак.

Возможно, кроме упомянутых в начале нашего короткого рассказа населённых пунктов в Приморье, его имя могут носить и ряд других, поскольку будучи секретарём Приморского статистического комитета, он участвовал в нарезании земельных наделов и выдаче документов с планом земельного участка.

Примечание:

1. Фото и материалы из личного архива автора.

Елена Сергеева

Член Приморского краевого отделения
Русского географического общества –
Общества изучения Амурского края,
историк, краевед
г. Уссурийск, Россия

Юлий Иванович Бринер

В июле 2020 года во Владивостоке широко отметили 100-летие уроженца города Владивостока, известного голливудского актёра, оscarоносного Юла Бриннера. Этой дате были посвящены заметки в газетах, сюжеты на телевидении. В Приморском Театре Молодёжи состоялась премьера спектакля «Бринер» по пьесе Виктории Костюкевич. Словом, Юл предстал перед нами во всём своём великолепии и полноте биографии. Но мало кто вспомнил при этом, что своё имя Юл (Юлий) наследовал от деда – Юлия Ивановича Бринера, скончавшегося в марте 1920 года за четыре месяца до рождения внука. Произошло это тоже ровно 100 лет назад. Однако дату эту почему-то не заметили ни средства массовой информации, ни пишущие о Бринерах историки, краеведы и знатоки края. А между тем с имени Юлия Ивановича началась история этой прославленной семьи. Приехав во Владивосток в середине семидесятых годов XIX века никому не известным коммерсантом, мечтающим развернуть на востоке доходный бизнес, он за 45 лет создал в Приморье настоящую деловую империю (фото 1).

Юлиус Джозеф (он же Юлий Иванович) Бринер родился 2 февраля 1849 года в Швейцарии, в местечке Ла Рош, в тридцати милях к юго-востоку от Женевы. Он был четвёртым ребёнком в семье Иоганна Бринера и его жены Марии Хубер фон Виндиш.

В молодые годы Бринер-старший, предпочитавший долго не засиживаться на одном месте, исколесил в поисках лучшей доли всю Швейцарию. Почти все его дети, а их у Иоганна с Марией было восемь (шесть сыновей и одна дочь), родились в разных городах. Двое, Иоганн и Габриэль, умерли в младенчестве. Поняв, что поиски «лучшей доли» вряд ли увенчаются успехом, семья возвращается в свою родную деревню Мёрикен-Вильдегг, гражданами которой они являлись, будучи протестантами и прихожанами лютеранской церкви.

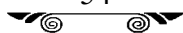

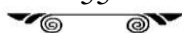

Фото 1. Юлий Иванович Бринер. 1910 г. Фото из архива Рока Бринера

Жюлю (так в семье ласково называли Юлиуса) очень полюбился замок Вильдегг, у подножия которого стояла деревушка Мёрикен. Слушая рассказы отца о разных, связанных с замком историях, малыш мечтал о том, что когда-нибудь тоже построит себе такой же. Его замок обязательно будет стоять на горе и выглядеть, как Вильдегг – сказочно и романтично. А ещё, Жюль, как и отец в свои молодые годы, мечтал о путешествиях. Только его мечты шли куда дальше швейцарских границ. Жюль грезил морями и океанами, большими кораблями и мощно развёрнутыми парусами, которые видел только на картинках.

Паренёк не был одинок в своих мечтах. Его интересы к дальним странам в полной мере разделял старший брат Франц-Адольф. Он был старше Жюля на четыре года, учился в гимназии в Цюрихе. По характеру спокойный, уравновешенный, немногословный и на вид суровый Франц-Адольф особой романтической любви к морю не питал. В родных местах он засиживаться не собирался по довольно прагматичным причинам, справедливо полагая, что по-настоящему своё дело в Швейцарии с её общинными устоями будет сделать трудно. Все его мысли были направлены на Америку, где, по его мнению, был большой простор для начинаний такого рода. Однако обсуждать серьёзно эту тему с отцом Франц-Адольф не решался. Остепенившийся Иоганн Бринер, помня о превратностях собственных странствий, и слышать не хотел о том, чтобы кто-то из детей взялся повторять его судьбу. Франц-Адольф отводил душу только в разговорах с младшим Жюлем. При этом серьёзно наставлял его, объясняя, что прежде чем отправляться куда-то в иные края, Жюлю необходимо приобрести определённые знания, и не в текстильном деле, на чём настаивал отец, а в вопросах коммерции и финансовых делах.

Утверждения специалистов, занимающихся историей бринеровского рода о том, что Иоганн Бринер был не в состоянии обеспечить свою многочисленную семью, и потому его дети один за другим покидали родимый дом в надежде обрести что-то получше, не имеют под собой никаких оснований. Из документов, сохранившихся в швейцарских архивах, видно, что как ни трудно было Иоганну Бринеру поднимать на ноги такое большое семейство,

он делал всё возможное, чтобы дать сыновьям достойное образование и вывести их в люди. Поэтому, когда Жюль достиг соответствующего возраста, он, вслед за Францем-Адольфом, поступил на учёбу в цюрихское отделение Международной транспортно-экспедиторской компании «Данзас», штаб-квартира которой находилась в Базеле. Эта компания, основанная в 1806 году Луи Данзасом в городе Сан-Луи на территории Эльзаса, быстро набрала обороты. Ещё до переноса штаб-квартиры в Базель она уже поддерживала довольно крепкие деловые связи с США, в частности с официальным почтовым агентством Ле Гавр в Нью-Йорке [1].

Вот туда, в сторону Нью-Йорка, и смотрел, получая образование в компании «Данзас», будущий экспедитор. Первым из братьев Швейцарию покинул Франц-Адольф. Выучившись и накопив достаточно средств на службе в компании «Данзас», а также пользуясь её связями, он перебрался в страну своей мечты – Америку. Из писем, которые он присылал оттуда, родным сообщалось, что их сын и старший брат Франц-Адольф благополучно обосновался в Нью-Йорке, стал инженером-мостостроителем, живёт в достатке и им желает того же.

Вскоре очередь попрощаться с родительским домом настала и для Жюля.

О том, как это произошло, ходит много легенд, ни одна из которых так и не получила документального подтверждения.

Вот одна из наиболее распространённых версий. После отъезда Франца-Адольфа Иоганн Бринер категорически запретил своим детям не только покидать родные пенаты, но и даже помышлять об этом. Но Жюль, послушавшись, в один прекрасный день просто сбежал из дома без гроша в кармане. Добравшись до Марселя, измученный и голодный, он кое-как устроился юнгой на корабль, идущий курсом к берегам Кореи и Японии. Было ему в ту пору всего 16 лет. Уже в море Жюль узнал, что корабль, на котором он плыл, был пиратским. Но деваться было некуда. В южных широтах Жюль подхватил сильнейшую лихорадку, и едва корабль достиг Сеула, капитан списал больного мальчишку на берег, нисколько не заботясь о его дальнейшей судьбе. И неизвестно чем бы всё это закончилось, если бы не пожилой коммерсант-англичанин, находящийся в это время в Сеуле по делам своей торговой конторы. Старик подобрал уже почти умирающего паренька. Немного подлечив мальчишку, он забрал его с собой в Японию, где находился главный офис его фирмы. Своих детей у старика-англичанина не было, а смыслёный, толковый паренёк, который к тому же оказался сведущим в некоторых финансовых и торговых делах, пришёлся ему по душе, и он стал учить Жюля торговому делу. Вскоре юноша уже работал у своего благодетеля приказчиком. А затем и вовсе стал его правой рукой, решая, как главный представитель, все вопросы с партнёрами, как в Японии, так и за её пределами.

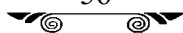
По другой версии Юлиус-Жозеф Бринер, закончив учёбу в компании «Данзас», уже будучи молодым предпринимателем прибыл в Японию, где благодаря удачному стечению обстоятельств, а также своему природному уму и таланту, сумел завести своё дело и основать небольшую транспортную компанию.

Находясь в Японии, Юлиус узнаёт, что на нём история бегства младших отпрысков Бринера из родного дома не закончилась. Самовольно покинул родительский кров и их третий брат – Карл-Людвиг. Он отправился в Англию, там стал деловым человеком, поселился в пригороде Лондона, обзавёлся семьёй.

Связь между братьями не будет утеряна. И с Францем-Адольфом, и с Карлом-Людвигом, и с оставшимися в Швейцарии Францем и Морицем, Юлиус всегда будет поддерживать как родственные, так и деловые отношения.

Но это ещё когда будет!? А пока от берегов маленькой Японии начинает прокладывать путь в большую жизнь никому не известный коммерсант-предприниматель, которому суждено будет стать одним из самых крупных промышленников и общественных деятелей Русского Дальнего Востока.

Официальной датой рождения города Владивостока, где собирался обосноваться Юлиус Джозеф Бринер, считается 1860 год, когда на берегу Японского моря в бухте Золотого Рога был основан военный пост и поднят государственный флаг Российской империи.

В течение десяти лет Владивосток так и оставался военным постом, пока 10 февраля 1871 года правительство не приняло решение перевести из Николаевска-на-Амуре во Владивосток порт с морскими учреждениями, резиденцию военного губернатора и главную базу Сибирской военной флотилии. С этого момента Владивосток растёт уже стремительно. Значительно расширяется строительство административных и жилых зданий, ширится торговля, начинается промышленность – новые лесопильни и пять кирпичных заводов, мельница, пивоваренный завод. Развитию города способствовал также установленный в нём режим беспошлинной торговли. К 1874 году Светланская – главная улица Владивостока – вытянулась вдоль берега Золотого Рога почти на четыре версты. Улицу назвали так в память о визите во Владивосток фрегата «Светлана».

В 1875 году в городе начинает оформляться общественная и политическая жизнь: военный губернатор Приморской области, генерал-майор Симонов издаёт распоряжение об избрании во Владивостоке городской думы.

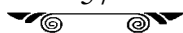
Проходит ещё пять лет, и 10 мая 1880 года Владивосток с 7 300 жителями официально объявляется городом и выделяется из состава Приморской области как самостоятельная административная единица.

Юлиус Джозеф Бринер, или как его стали называть в России Юлий Иванович, появится во Владивостоке в 1874 году. К этому времени его судоходное агентство в Йокогаме уже тесно сотрудничало с Владивостокским торговым домом «Кунст и Альберс», и молодого, склонного к перемене мест коммерсанта, потянуло в новый строящийся российский город.

Вот как описывает появление Юлия Ивановича во Владивостоке его правнук Рок Бриннер в своей книге «Империя и Одиссея. Бринеры на Дальнем Востоке России и за её пределами»: «...Впервые Жюль приехал во Владивосток в середине 1870-х годов – энергичным и самоуверенным 25-летним молодым человеком. Хорошо сложенный невысокий мужчина – не выше пяти с половиной фунтов – носил прямые тёмные волосы, аккуратно разделённые пробором, и пышные усы. Во всём соблюдал тщеславие – и в манерах, и в одежде, и в планировании: швейцарский перфекционист по всем статьям, а подстёгивала его при этом авантюрная любознательность. Куда бы он ни кинул свой взгляд, везде ему открывались новые возможности для развития, а там, где видел потенциал – не боялся рисковать. Жюль был предприимчив в лучшем значении этого слова, а честолюбие его хорошо подстраивалось под общественные нужды, которые он замечал вокруг. То ли черту эту он вывез с собой из Швейцарии, то ли приобрёл, уже занимаясь предпринимательством, но Жюль всегда выбирал себе деятельность, способную что-то принести тому сообществу, которому он помогал образовываться. Здесь ему было ясно с самого начала: чтобы помочь в создании современного города в этой глуши, он должен сам основать деловую империю...» [2].

Юлий Бринер тогда ещё не говорил по-русски, но от своих деловых партнёров Кунста и Альберса он быстро узнал и о городе, и о порте, и о выгодах, которые он получит, если переместит офис своей фирмы в объявленный беспошлинным Владивосток. И наш швейцарец принимает решение окончательно обосноваться во Владивостоке. В Японии у него остаётся гражданская жена-японка и двое детей. Поначалу молодой коммерсант часто навещал их, но из-за хлопот по обустройству на новом месте эти встречи становились всё реже, а после окончательного переселения прекратились совсем.

Во Владивостоке Юлий Бринер первое время снимал комнаты в доме вдовы заместителя начальника Владивостокского порта Александры Ивановны Куркутовой, через которую близко подружился с Михаилом Ивановичем Янковским, польским дворянином, сосланным в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года. Через пять лет, освобождённый по амнистии, Янковский перебрался в Уссурийский край, и в 1879 году поселился в урочище Сидеми в 170 км от Владивостока, рядом со своим хорошим знакомым, старожилом и первопроходцем этих мест капитаном Фридольфом Геком. Первоначальное название Усть-Сидеми это место получило в честь реки и бухты, возле которой оно расположилось. Политическая ситуация в то время ещё была далека от стабильности, и жизнь в Уссурийском крае не отличалась спокойствием и безопасностью, чему способствовала «прозрачность» практически не охраняемых границ.

Вот, приводящая в ужас реальность тех лет: Янковский вместе с Геком уезжают на остров Аскольд за семьёй Янковского. В их отсутствие на Усть-Сидеми нападают хунхузы. Они убивают жену Гека, его работников, а шестилетнего сына уводят с собой. Имущество разграблено, постройки сожжены, а хунхузы, практически беспрепятственно уходят за границу. После этого Фридольф Гек на Сидеми почти не появляется – слишком тяжелы воспоминания – и селится во Владивостоке. Семья же Янковских остаётся, отстраивается, готовится долго хозяйствовать на полуострове, не уставая заботиться об усилении собственной безопасности.

Обжившись, Михаил Янковский пригласил своего нового друга Юлия Бринера на заново отстроенную заимку, чтобы познакомить его со своей семьёй. Там Юлий Иванович и встретит свою будущую жену.

Наталью Иосифовну Куркутову Юлий Бринер запомнил ещё восьмилетней девочкой, в тот свой первый приезд во Владивосток. Она была дочерью той самой Александры Ивановны Куркутовой, у которой квартировал Юлий Иванович. Отец Натальи умер рано, а мать, не имея возможности в одиночку поднимать шестерых детей, попросила Янковских взять к себе на содержание двух старших дочерей Антонину и Наталью.

Когда Юлий Иванович впервые посетил Сидеми, Наталье было 16, а ему 33, и это была любовь с первого взгляда. Вскоре Юлий Иванович попросил у Александры Ивановны руки её дочери и получил согласие.

Бракосочетание Юлия Ивановича Бринера с Натальей Иосифовной Куркутовой состоялось 1 ноября 1882 года во Владивостокской Успенской церкви. Поручителями у жениха были фотограф Карл Карлович Шульц и прапорщик 1-го Восточно-Сибирского батальона Магнус Генрихович фон Риттергольм; у невесты – капитан-лейтенант Сибирского флотского экипажа Пётр Иванович Колчак и дворянин Михаил Иванович Янковский (фото 2) [3].

Фото 2. Юлий Иванович и Наталья Иосифовна. Цюрих. 1894 г.

Вскоре Юлий Бринер построил на Алеутской улице собственный дом. В счастливом браке с Натальей Иосифовной у них родилось семеро детей: Леонид (1884), Валерия (1885), умершая во младенчестве, Маргарита (1887), Борис (1889), Феликс (1891), Мария (1893) и Нина (1895).

Коммерческие дела Юлия Ивановича требовали его постоянного присутствия во Владивостоке, поэтому первое время семья круглый год жила в городе. Но в 1886 году Юлий Иванович приобрёл у Фридольфа Гека на Сидеми в аренду 50 га земли, на которой была заложена летняя усадьба молодой семьи. Вместе с Янковским и другими поселенцами Бринер принял участие в создании добровольной дружины, которая успешно противостояла хунхузам.

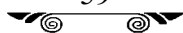
В 1880 году Ю.И. Бринер вошёл в первую пятерку дальневосточных коммерсантов, организовав компанию, объединённую с английским и германским капиталом – «Торговый дом Бринер и Ко». В 1890 году принял русское подданство [4]. Через год, уже будучи русским купцом, Юлий Иванович совместно со своим компаньоном, купцом второй гильдии Андреем Николаевичем Кузнецовым, основывают новую компанию, бизнес которой включал стивидорские работы в порту, хранение грузов в складах и их отправку адресатам. Дела быстро пошли в гору. Точность и обязательность – стиль фирмы «Бринер, Кузнецов и Ко» выгодно отличали её от конкурентов.

Вскоре её хозяйева занялись земельными операциями и быстро преуспели в них, построив во Владивостоке несколько доходных домов, ставших настоящим украшением города. Справочник «Весь деловой и торговый Владивосток» за 1924 год сообщал, что Бринеры и компаньоны имели верфь на мысе Чуркин и собственные дома по ул. Фёдоровской, 3 и 8, ул. Алеутской, 15 (ныне здание Дальневосточного морского пароходства), ул. Светланской, 55/1, ул. Васильковской, 13 и небольшой дом в пригороде [5].

В 1896 году Юлий Иванович Бринер становится купцом 1-й гильдии и почётным гражданином г. Владивостока. Его бизнес приобретает новый вектор – в сентябре 1896 года Ю.И. Бринер, в условиях стремительно обостряющихся отношений России и Японии в борьбе за политическое влияние на корейском полуострове, подписывает в Корее соглашение сроком на 20 лет об образовании «Корейской лесной компании». Согласно соглашению, компания получает преимущественное право вырубке лесов в верховьях реки Туманган, в бассейне реки Ялу, а также на острове Улындю. Корейское правительство получало четверть активов и четверть прибыли в обмен на гарантии отсутствия тарифов и налогов на деятельность компании. По договору российская сторона должна была приступить к работе до декабря 1897 года, в противном случае Бринер лишался прав на концессию.

Как и следовало ожидать, подписание этого соглашения не осталось незамеченным. В японской прессе появился целый ряд обстоятельных публикаций, преподносящих заключение этого договора не иначе, как новый шаг в стремлении России распространить своё политическое влияние на северные провинции Кореи.

Юлия Ивановича, поскольку политикой он занимался мало, слухи, сопровождавшие его новое дело, ни с какой стороны его не задевали и не интересовали. Всё время своего месячного пребывания в Сеуле и Чемульпо он, помимо лесохозяйственных проблем, занимался изучением вопросов, касающихся экономики соседней страны и оживлению практических отношений Кореи и Южно-Уссурийского края. В частности, заинтересовался импортом риса из Кореи во Владивосток. Подумывал сделать его новой доходной статьёй своего бизнеса. С этой целью он оформил небольшой заказ на очищенный рис у американца Тоунзена – владельца рисовой мельницы в Чемульпо. Одновременно Юлий Иванович обратил внимание на серьёзную заинтересованность Кореи в поставках такого стратегически важного товара, как керосин. До этого керосин в Корею (исключительно американский), поставляли только японцы. И по многократно завышенным ценам. Юлий Иванович поручил одному из своих коммерческих партнёров присмотреть в порту Чемульпо место для устройства цистерн. Бринер намеревался наладить партнёрские отношения с фирмой «Jamuел, Jamuel and Co», дабы получать от неё грузы керосина в специально оборудованных для таких перевозок пароходах. По мере того, как дело продвигалось, Юлий Иванович задумал учредить в Корее некое

общество, задачей которого было налаживание контактов с производителями керосина за границей.

Находящийся в Корее русский дипломат и предприниматель Дмитрий Дмитриевич Покотилов, в обязанности которого входило наблюдение за деятельностью Ю.И. Бринера, в своей докладной записке в Петербург, отправленной на имя министра финансов Петра Михайловича Толстого, написал следующее: «... я могу сказать по совести, что редко встречал человека более наблюдательного и, если можно так выразиться, практически любознательного... [.....]

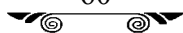
Доводя до сведения Вашего Превосходительства о деятельности в Корее господина Бринера, беру на себя смелость выразить мнение, что усилия его завязать непосредственные торговые сношения между здешней страной и Владивостоком, должны, казалось бы, быть встречены со стороны Министерства Финансов самым сочувственным образом, и я уверен, одобрение выраженное ему от имени Вашего Превосходительства, ещё значительно усилит его рвение на этом, несомненно симпатичном с русской правительственной точки зрения, поприще» [6].

Однако реально развернуть какую-либо активную деятельность Юлию Ивановичу не удалось, он решил продать концессию и свернуть все задуманные в Корее проекты. Покупатели нашлись в Петербурге, и не где-нибудь, а в высших эшелонах власти. В итоге сделка была заключена. Но безграмотные действия русских чиновников в Корее привели к серьёзному обострению отношений с японской стороной, которая так же преследовала здесь свои интересы, и это обострение стало одной из причин развязывания Русско-японской войны. Так думают некоторые историки. Как комментировал развитие событий сам Юлий Иванович, нам, к сожалению, не известно.

Думается, потерпев неудачу в Корее, он не впал в отчаяние и не опустил руки. Ведь известно, круг интересов русского швейцарца не ограничивался только коммерческой деятельностью. Он активно интересовался историей края. В 1884 году стал одним из основателей первой научно-просветительской организации на Дальнем Востоке – Общества изучения Амурского Края (ныне Приморское краевое отделение РГО – ОИАК). Его меценатская деятельность на поприще этого общества общеизвестна. Вот один из примеров оказываемой Бринером благотворительности.

Внимание коммерсанта давно привлекали груды из ракушек, разбросанные вокруг его усадьбы на Сидеми. Согласившись с предположением Михаила Ивановича Янковского, что это могут быть древнейшие захоронения каменного века, и, понимая, какой интерес они могут представлять для науки, Бринер дал Обществу деньги на археологические раскопки, которыми занялся учитель Василий Петрович Маргаритов. Поиски увенчались успехом. Было решено опубликовать их результаты вместе с рисунками и таблицами. Для этого требовалось изготовить высококачественные литографии, но, ни в Японии, ни в Китае за эту работу не взялись. Ждали, что скажет Бринер: «Не стоит отказываться от первоначальных планов, – обратился Юлий Иванович к членам распорядительного комитета. – Этот способ потребует много времени, но зато он сделает возможным обставить издание точными таблицами и рисунками, крайне необходимыми для работы, результат которой заинтересует всех антропологов Европы. Эта работа даст им возможность сравнения остатков каменного века далёкого Дальнего Востока с тем, что ими уже открыто в Старом свете. Я берусь отправить рисунки в Германию и оплатить все расходы» [7].

Разумеется, Юлий Иванович сдержит своё слово: издание выйдет к читателю с первоклассными иллюстрациями. Или вот этот меценатский жест Бринера. Когда встал вопрос о строительстве здания музея Общества, жертвователем Бринер согласился войти в строительную комиссию, выделив при этом значительную сумму денег. Деньги потом понадобятся и на обустройство музея. И опять придётся обращаться к Юлию Ивановичу, и опять Юлий Иванович придёт на помощь. Пример. В залах открывшегося музея долгое время не было освещения, и оно не могло функционировать в вечернее время. Тогда по просьбе Ф.Ф. Буссе Юлий Иванович выписал из Европы и безвозмездно передал Обществу три керосиновых люстры, которые соответствующим образом были размещены в зале музея [8].

В 1908 году Бринер начинает лесоразработки на северном Сахалине, чтобы сбывать полученную продукцию в Лондоне, Шанхае, Австралии. Но по-настоящему талант предпринимателя проявится у выдающегося швейцарца, когда он займётся разработкой тетюхинского месторождения свинцовых руд. Ещё в конце 90-х годов XIX столетия, сразу после открытия Ольгинского месторождения магнетитовых руд, Юлием Ивановичем Бринером была снаряжена небольшая экспедиция во главе с талантливым горным инженером Сергеем Васильевичем Масленниковым с инструкцией – застолбить площади Тетюхинского месторождения, что и было выполнено экспедицией. В последующие годы были произведены более детальные разведывательные работы, и вскоре на исследуемой территории было выделено несколько рудников и площадей: «Верхний рудник», состоящий из 4-х площадей: Натальевской, Борисовской, Леонидовской и Маргаритовской, далее «Нижний (Мариинский) рудник», а затем некоторые другие, менее разведанные рудники: «Нининский», «Феликсовский». Все рудники и выделенные в их пределах площади предприниматель назвал именами своих детей и жены.

Вначале на рудниках добывали только свинец, но затем инженер П. Кир разведал богатое месторождение цинковых руд. В апреле 1908 года пароход «Селун» ушёл в Германию с первой партией цинковой руды на борту – 300 тонн. В сентябре того же года началось строительство узкоколейной железной дороги от рудников к бухте и обустройство причала (ныне Рудная пристань). Задумались предприниматели и о строительстве обогатительной фабрики. В 1909 году Бринером был подписан договор с фирмой «Арон Гирш и сыновья». Вскоре к договору присоединится предприниматель А. Петерсон. В результате на коммерческом небосклоне засверкает новая звезда, зажжённая Юлием Бринером – Акционерное горнопромышленное общество «Тетюхе» (АГОТ), основной капитал которого составлял 1 млн. рублей.

С началом работы АГОТ в Тетюхе начало развиваться строительство производственных зданий социально-культурного назначения и жилья, открылась одноклассная школа для детей рабочих и больница на 30 коек. Проложена телеграфная линия, соединяющая Тетюхе с Владивостоком [9].

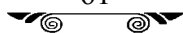
В 1914 году Юлий Бринер приобрёл в собственность Монгугайские угольные копи на берегу Амурского залива (район с. Барабаш). Он был не единственным, кого заботила эта отрасль. В регионе к тому времени уже насчитывалось более десяти различных угольных предприятий. Развитие угледобычи в Южно-Уссурийском крае, организация угольного потока дали возможность командирам военных кораблей эскадры Тихого океана и Сибирской флотилии, а также капитанам гражданских судов не бункероваться углем в иностранных портах. Теперь корабельные топки питались местным углем – качественным и более дешёвым, чем у иноземных торговцев. Большим подспорьем стал местный уголь и для зарождающейся промышленности Приморья.

Юлий Иванович был человеком, способным на многое. Казалось, его предпринимательскому таланту всегда будет, где себя применить и во что себя вложить. Но, увы, в его жизненные планы вмешается Первая Мировая Война. Царское чиновничество с началом войны закроет все акционерные общества с долевым немецким капиталом. Не минует эта участь и серебряно-свинцовые рудники Ю.И. Бринера в Тетюхе. Попытка их владельца поехать в Петербург (с 1914 года Петроград), чтобы самому, посредством собственных связей, добиться у правительства разрешения на возобновление добычи руд, успехом не увенчалась.

А потом одна за другой грянули две революции – февральская и октябрьская... Бытует версия, что новые власти предлагали Юлию Ивановичу продать свои предприятия, но он отказался. В отместку чиновники фактически отстранили его от дел.

Тяжело, очень тяжело доживать до той минуты, когда на твоих глазах начнут разрушаться дело всей твоей жизни, и делать это едва ли не с упоением...

Кто-то из близких запомнил, а потом часто рассказывал, каким он увидел Юлия Ивановича в эти последние для него дни. Основатель фамилии стоял у окна своего особняка на Алеутской улице (фото 3). Он построил его в 1913 году, осуществив свою детскую мечту о красивейшем доме, который он поднимет на склоне Тигровой сопки, и этот дом будет напо-

минать ему тот замок из детства – Вильдегг – грёзу его младенческих лет. Тот, который он построит во Владивостоке, тоже будет хорош – трёхэтажный особняк по проекту архитектора Гуго Георга (Георгия Романовича) Юнгхенделя. Он украсит им город, ставший его настоящей родиной, сделавший его настоящим русским человеком.

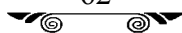
Фото 3. Особняк Бринеров во Владивостоке сегодня. Фото начала 2000-х годов

Город, всходивший на тихоокеанских берегах, опекаемый такими подвижниками, как Юлий Иванович Бринер и его соратники по разным коммерческим делам.

Он смотрел в окно и сейчас едва узнавал его. По улице шли колонны вооружённых людей. Они несли флаги и транспаранты, пели революционные песни, выкрикивали лозунги, зовущие к новой, разумной и сытой жизни. Они её воплощали. Они вносили её на своих штыках. Юлий Иванович прекрасно понимал, что места в этой «новой» жизни у него не будет. Ни у кого из Бринеров не будет! Хорошо, что он заблаговременно озаботился выведением за рубеж активов компании «Бринер и К». Его отпрыскам нищенствовать не придётся.

Юлий Иванович Бринер ушёл из жизни в ночь с 9 на 10 марта 1920 года. Инфаркт. Остановка сердца. Мгновенная смерть. И упокоение. Место давно присмотрено. Ещё в 1916 году в Сидеми, в лесном распадке, выходящем к берегу бухты Гека, Юлием Ивановичем был заложен семейный склеп. Идея его возведения принадлежала жене Юлия Ивановича Наталье Иосифовне, у которой в 1916 году умерла старшая сестра Антонина. Гранитный камень белого цвета для постройки склепа привезли из Финляндии. Верх склепа был застеклён. Строительство осуществляли китайские специалисты. Когда возведение склепа было завершено, в него перезахоронили останки членов семьи Бринер-Куркутовых, которые умерли ранее. Это сестра Натальи Иосифовны – Антонина (по некоторым данным именно над её могилой и был возведён склеп), затем дочь Бринеров – Валерия, умершая ещё в 1886 году, затем зять А.А. Масленников (останки обоих перенесли с Покровского кладбища Владивостока).

Сюда, согласно завещанию Юлия Бринера, привезли и его тело. А шестью годами позже в склепе похоронят жену Юлия Ивановича – Наталью Иосифовну.

Их историю можно было бы завершить словами, полными умиротворения. Например, так. Здесь, в Сидеми, тихом и уютном месте, том самом, которое Юлий Иванович Бринер так любил при жизни и где встретил свою любовь, он и надеялся обрести вечный покой.

Не получилось...

В 1933 году, через два года после того, как последние представители семьи Бринер покинули Россию, над склепом был совершён акт вандализма: склеп был разграблен и частично разрушен. Но, согласно легенде, до того, как это произошло, чтобы избежать осквернения покоящихся в склепе, преданные семье Бринер корейские рабочие вынесли все останки Бринеров, кремировали, развеяв пепел над водами бухты. Сегодня полуразрушенный склеп Бринеров служит достопримечательностью для туристов, посещающих полуостров Янковского (Сидеми).

В советский период имя Юлия Ивановича Бринера старались предать забвению.

Но как отнять у живущих людей память о человеке, постоянно напоминающим о себе: делами, легендами, архитектурой им отстроенных улиц, памятниками его прославленных детей и внуков и т.д.

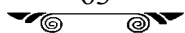
С 1972 году Тетюхе стал именоваться Дальнегорском. Поменяли свои названия река, шахты, отроги и распадки. Исчезло небольшое селение Бринеровка. Но если вы доберётесь до Рудной Пристани, то перед вашим взором предстанет красивый скалистый мыс – Мыс Бринера, на котором стоит маяк, освещающий путь всем входящим в бухту кораблям. От Верхнего Рудника до окраины Дальнегорска ещё тянутся остатки бринеровской узкоколейки. Но уже есть в Дальнегорске площадь, на которой в 2014 году установлен памятник Юлию Ивановичу Бринеру как основателю города.

Исчезло с карты Приморья и красивое название Сидеми. С 1972 года это место называется Безверхово, в честь никому не известного пограничника, когда-то служившего здесь и погибшего в годы Второй мировой войны в боях под Москвой. Но стоит ступить на эту землю, как вы почувствуете, что она сберегла память о тех, кто был связан с ней не коротким сроком, а жизнью. Жизнью, которую выпало прожить, жизнью, которую выпало впитать как воздух Родины и полюбить как Отечество. Как землю, завещанную нам от века.

Бросив вызов беспмятству, эта земля сохранила свой мыс Бринера, сохранила широкую синь бухты Фридольфа Гека (бывшая бухта Сидеми), сберегла память о Михаиле Ивановиче Янковском, чтобы дожидаться того дня, когда полуостров навсегда обретёт его имя – Михаила Ивановича Янковского, Нэнуни-четырёхглазого. И вот ещё что сделает эта земля: она приведёт в эти места замечательного человека – правнука вольного шкипера Гека инженера-гидростроителя, хорошего хозяйственника и увлечённого человека Леонида Юльевича Васюкевича. И он выстроит на месте заимки своего легендарного прадеда новое двухэтажное здание и превратит его в Музей первопоселенцев полуострова Янковского, тех самых, чьё живое дыхание мы ощущаем, чьи голоса мы слышим, чьи образы зовут нас жить широко, полно и мятежно, так, как живёт бьющий в эти берега Тихий океан.

Литература

1. Брошюра «Швейцарцы из Владивостока. 130 лет истории семьи Бринер», Швейцария, 2010 г.
2. Рок Бринер: «Империя и Одиссея: Бринеры в дальневосточной России и за её пределами». Владивосток. Издательство «Валентин». – 2016 г.
3. РГИА ДВ. Ф. 1646. оп.1 д. 279, л. 81 об. – 82.
4. РГИА ДВ. Ф. 1. оп. 2. д. 967. л. 115–117.
5. Справочник «Весь деловой и торговый Владивосток». Владивосток, 1924 г.
6. РГИА СПб. Ф. 560. оп. 28. д. 24. л. 54–69
7. Архив ОИАК. Ф. 1. оп.1. д. 13. Отчёт за 1887 г.
8. Архив ОИАК. Ф. 1. оп.1. д. 13. Отчёт за 1890 г.
9. Колесников Н.В. «Бринеры в Тетюхе». Дальнегорск, 2009 г.

2. ИЗ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА

Сергей Плотников

Представитель Уссурийского казачьего Войска (УВКО)
в Санкт-Петербурге и Ленинградской области,
Атаман станицы Муравьев-Амурская,
Россия

История посёлка Богуславский Гродековского станичного округа Уссурийского казачьего войска

История посёлка Богуславский начинается с 1879 года, когда на территорию южнее озера Ханка были переселены казаки, проживавшие на реке Уссури. Всего с насиженных мест ушло 389 (по другим данным 391) казачьих семей из 911, живших на реке Уссури. 2615 казаков основали между селом Турий Рог и рекой Суйфуном 10 новых населённых пунктов: 2 станицы (Платоно-Александровская и Полтавская) и 8 посёлков (Комиссаровский, Нестеровский, Богуславский, Благодатный, Константиновский, Фадеевский, Алексей-Никольский, Александро-Никольский). Это привело к сокращению численности казачьего населения на Уссури почти наполовину и даже к упразднению нескольких посёлков: Дьяченкова, Киселёва, Будогосского и Пешкова. Переселение казачьих семей было организовано сплавами по реке Уссури и притокам до озера Ханка, далее пароходами и баржами через озеро на южный берег.

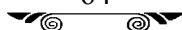
Необходимость в переселении казаков заключалась в потребности закрыть цепочкой поселений сухопутную границу с Китаем и обеспечить надёжную защиту проживавших крестьян от набегов хунхузов.

Посёлок Богуславский был образован группой казаков на берегу реки Бейчихэ, ныне это река Студёная, окружённом со всех сторон тайгой (см. примеч., фото 1).

Фото 1. Строительство нового посёлка в Приморье. Фото 19 века

Изначально посёлок назывался Лесной, так как там находилась охотничья лесная заимка. И только спустя пять лет посёлок получил своё постоянное название. О происхожде-

нии названия существует несколько легенд, но одна из них гласит, что последующие партии казаков, натерпевшись в дороге и увидев обжитое место, воскликнули: «Ну, Слава Богу, добрались!». Так это или нет, но последнее название существует до сегодняшнего дня.

Сегодня, после долгих архивных поисков, можно смело назвать фамилии первых казаков, основавших посёлок Богуславский (Лесной). Это Плотниковы, Ваулины, Аплачкины, Кореневы, Пастухины, Зимины, Зыряновы, Соснины, Кожевниковы, Овчинниковы, Пыхаловы, Федоревы, Шемякины и многие другие. До 1903 года посёлок входил в состав Платоно-Александровской станицы, с образования новой, Гродековской станицы, он вошёл в её состав.

Дома казаки возводили из материала, которого в округе было чем в достатке – сосны. Для этого в конце января – в начале февраля всем посёлком рубили подходящий лес в Сошной пади, которая находилась чуть более 10 километров от посёлка, очищали от веток и сучьев, волоком на лошадях притаскивали на место будущего строительства. Далее стволы выставляли вертикально, и в таком виде они стояли до лета (фото 2).

Фото 2. Окрестности Богуславки. Фото А. Горячева

Летом же всем посёлком ставили дома для новобрачных молодых казаков. Обычно ставили пятистенки, но зачастую к ним пристраивали небольшую хату, имевшую одно помещение. Ставили их особым способом – «крюком». Основной дом-пятистенок ставился вдоль дороги, а к нему на отдельном фундаменте пристраивался небольшой сруб. Расстояние между домами не превышало 2 метров. Общее же строение напоминало букву «Г», то есть «крюк». Между двумя домами на лаги укладывался пол, перекрывалась крыша, навешивались двери с обеих сторон. Таким образом, получался крытый проход с улицы во двор, а из полученных сеней имелся вход в оба дома. Внутренние двери обычно не запирались, запиралась только внешняя дверь, выводившая на улицу.

Данная конструкция имела большое значение для казачьей семьи: в отдельной избе селили гостей, поселяли повзрослевших дочерей. А когда все дети уходили из родного гнезда, то в семье оставался младший сын, который впоследствии наследовал отцовское хозяйство. Ему в обязанности вменялось заботиться о стариках. Когда же младший сын женился и приводил в дом молодую жену, то старики перебирались в маленький сруб, освобождая место в большом доме для молодых. В советское время, по рассказам сельчан, в частности Анатолия Горячева, эти дома, стоявшие крюком, растаскивали тракторами, получая два независимых строения. Вот выдержка из его письма:

«День добрый! Да, дома тех времён выстаивали больше века. Как мне рассказывали старожилы, при колхозе почти не строили жилые дома. Большие казачьи усадьбы, с центральным проходом посередине, просто делили пополам и тракторами растаскивали. Далее достраивали фронтоны и два дома получали без особых затрат. Поэтому многие постройки теряли свой первоначальный вид. И мы жили в таком половинчатом доме и даже знали, где вторая половина дома – в нём проживала Лабачёва Варвара Васильевна (1888 г.р.)».

Действительно, строили очень добротно и надёжно, как говорится, на века. Например, дом моего прадеда простоял 126 лет. Вернувшись со службы в 1891 году, он в него привёл молодую жену. Простоял этот дом пригодным для жилья до конца 2016 года. И только неосторожность с огнём и несчастный случай привели к тому, что дом прекратил своё существование. Но и до сей поры в Богуславке стоит несколько казачьих домов, поставленные на рубеже 19-го и 20-го веков. Некоторые из них до сих пор жилые.

На примере дома моего прадеда можно судить об остальных казачьих избах. Внутреннее пространство перегородено двумя стенами: два жилых помещения и кладовая. Одно просторное помещение, куда выходила задняя часть печи, было спальным и перегораживалось несколькими перегородками, не достигающими до потолка – деление на мужскую и женскую половину. Прямо от входной двери – гостиная, где обедали, топили печь. Из неё, в противоположную сторону от спального помещения, дверь в кладовку. Внизу – огромный подпол, куда вели два люка, один находился у входной двери, второй в спальном помещении (фото 3–4).

Фото 3. Внутреннее пространство дома казака Плотникова Михаила. Дом построен в 1891 году. Съёмка – июнь 2011 года

Фото 4. Автор статьи у дома прадеда, Богуславка, июнь 2011 года

Ну а мы обратимся к архивным документам и посмотрим, что писали о посёлке Богуславский в конце 19-го и начале 20-го веков (сохранён стиль автора-составителя документов):

«Богуславский, или Лесной посёлок Платоно-Александровского станичного округа, в долине р. Бейчихэ, притоку Мо, основан в 1879 году казаками, переселившимися с р. Уссури, в числе 249 душ об. пола (133 м., 116 ж.). В 1888 году в посёлке было: дворов 29 и жителей 154 муж.и 150 жен. пола». (Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Составил преподаватель Благовещенской мужской гимназии Александр Кириллов. Благовещенск, 1894. с. 79).

К 1901 г. в п. Богуславском Платоно-Александровского станичного округа было 79 дворов, жителей 350 муж.и 280 жен. пола. В школе обучалось 30 мальчиков и 14 девочек. (ГАХК. Ф.860. Оп.1. Д.41. Л.7).

В 1914 г. в п. Богуславском Гродековского станичного округа было обмежёвано 13993,88 дес. земли, из них неудобной – 377,86 дес. (Годовой отчёт Уссурийского казачьего войска за 1914 г. Владивосток, 1915 г. С. 11).

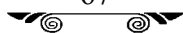
В 1915 года в Богуславском поселке числилось: 121 двор, жителей казачьего сословия 481 муж., 485 жен.пола, всего 966 души населения. (Статистический отчет Приморской области от 1915 года).

Как мы видим, население посёлка непрерывно росло, достигнув за 12 лет увеличения более чем вдвое, а к 1915 году более чем в три раза. Но здесь надо иметь в виду, что с 1895 года в Уссурийское войско стали активно переселять казаков донского, оренбургского и других войск.

Так, не обошли своим вниманием переселенцы-казаки из Оренбургских степей посёлков Богуславский. Например, имеется список казаков, переселившихся в Уссурийское войско в 1895–97 гг. и поселившихся здесь (сохранён стиль автора-составителя документов):

«Казак Василий Константинов Шевцов 29, жена его Евдокия 29, дети их: сын Михаил 2, Дочь Степанида 3, брат Василия Андрей 26, жена его Лукерья 20.

Казак Иван Егоров Бобрятин 34, жена его Анастасия 28 (в бегах), сыновья их: Александр 15, Федор 12, дочери: Аграфена 8, Татьяна 6 (в бегах с матерью), Елена 1 (в бегах с матерью).

Казак Константин Яковлев Кокалевский 35, жена его Евдокия 33, сыновья их: Пётр 14, Иван 5, дочери: Дарья 3, Акулина 1, вдова Евдокия Михайлова Кокалевская 52, её сыновья Иван 17, Ефим 14, Никита 10.

Казак Дмитрий Матвеев Куцов 59, жена его Вера 36, сыновья их: Иван 19, дочь Христиния 12, жена Ивана Мария 21, пасынок Дмитрия Кузьма Осипов Шевцов 16, зять Дмитрия казак Федор Середин 36, жена его Мария 22, сын их Иван 1 м.

Казак Пётр Васильев Шевцов 46, жена его Аграфена 46, сыновья их: Николай 19, Илья 3, дочери: Афросиния 17, Анастасия 8, зять Петра казак Григорий Федоров Стрельников 40, жена его Татьяна 25, дочь их Пелагея 10.

Казак Кузьма Афанасьев Светлов 31, жена его Анна 30, сыновья их: Ефрем 12, Никита 10, Андрей 6, дочь Анна 3.

Казак Тимофей Миронов Ширин 40, жена его Мария 39, сыновья их: Андрей 20, дочери: Варвара 10, Василиса 8, Гликерия ½ (ум. 5 мая), жена Андрея Мария 20, сын их Федор 1.

Казак Трофим Иванов Шевцов 2-й 69, жена его Мария 60, дочь их Анастасия 30, дочь Анастасии Матрёна 8, зять Трофима казак Семён Васильев Стрельников 27, жена его Евдокия 27, сын их Павел 1 (ум. 26 апр.).

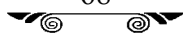
Казак Егор Степанов Золотарёв 40, жена его Мария 40, сыновья их: Александр 20, Дмитрий 12, жена Александра Анастасия 19, дочь их Маланья ½.

Казак Василий Лукьянов Жильников 31, жена его Анна 30, сын их Дмитрий 5, дочь Федосья 6, брат Василия Пётр 25, двоюродный брат Василия Порфирий Павлов Ширин 30, жена его Устинья 30, сын их Пётр 1 м., пасынок его Матвей Петров Базаров 16, брат Порфирия Ширина Степан Ширин 37, жена его Домна 29.

(«Оренбургские губернские ведомости» 1897 г. №№ 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15)».

Но не только оренбургские казаки селились в этих благодатных местах. Донские казаки тоже были не прочь здесь обосноваться. К сожалению, списка гостей с Тихого Дона не имеется, но некоторые фамилии известны: это семьи казаков Шведовых и Меньковых. История сохранила их как наиболее предприимчивых и оставивших след в памяти селян даже после выселения казаков в 30-е годы. Их силами и средствами были поставлены водяные мельницы на реке Бейчихэ, где мололи зерно для поселчан. Всего же в посёлке было 4 мельницы. Но посёлок славился не только мельницами. Огромное внимание уделялось технической оснащённости сельскохозяйственной техникой и техническими новинками. И это касается не только нашего посёлка – во всех отчётах по станичному округу присутствует наличие молотилок (в пос. Богуславском, например, 15 шт.), куколесборников, жатвенных машин и др. Наличие технического парка позволяло казакам не только обеспечивать себя сельскохозяйственной продукцией, но и иметь излишки для продажи. По данным архивных источников, часть полученного урожая, по решению поселкового сбора (Правления, определялся на хранение в общий магазин. Там находился неприкосновенный запас на случай неурожая и семенной запас. Распоряжаться этим запасом могли только по решению поселкового казачьего сбора, и даже поселковый Атаман здесь бы не властен.

Надо сказать, что казаки неохотно занимались распашкой земли, которой тут было в избытке. Они предпочитали другие промыслы: рыбалку, охоту, поставку древесины и даже извоз! Да, извоз имел возможности для приличного заработка и приносил очень высокие доходы. Дело в том, что недалеко от посёлка находилась ж/д станция Гродеково (на одноименной окружной станице). И многие богатые люди, прибывающие из Харбина, предпочитали добираться до Никольск-Уссурийского, станиц Полтавской и Платоно-Александровской, пользуясь услугами и в сопровождении вооружённого казака. При этом по праву считая себя в полной безопасности. Тем более что в этих краях часто бродили хунхузы или беглые каторжники. Предприимчивые казаки быстро это поняли и предоставили приезжающим господам такую возможность, зарабатывая на этом приличные деньги. Кстати говоря, Войсковое Правление всячески поощряло предпринимательство среди казачества. Например, широко распространённым было распределение подрядов от Войска. Эти подряды, заключаемые на конкретные услуги, оплачивались полностью и в срок. Мой прадед Михаил Плотников, вый-

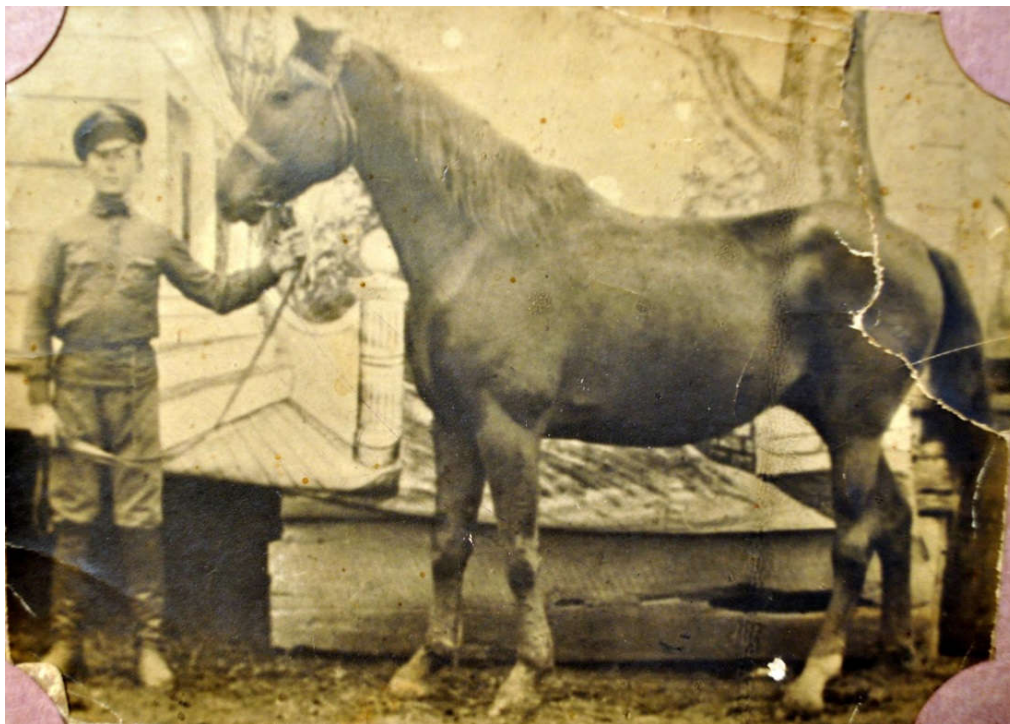

дя в полную отставку, освоил пошив папах. А многие другие занимались выделкой кож, шитьем бекеш, изготовлением сёдел, сапог. Не каждый мог получить подобный подряд, для этого существовала специальная комиссия, которая следила за тем, чтобы изготавливаемые вещи были надлежащего качества, а у самого казака были все возможности для исполнения подряда. Иногда для исполнения подряда казаки объединялись в артель. В свою очередь, с нерадивыми хозяйствами подряд не перезаключался, а уходил к другим мастерам.

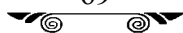
Очень жаловали казаки пчеловодство, некоторые посвящали всю свою жизнь пасеке и пчёлам. В том же пос. Богуславском в 1901 г. было 300 ульев. С годами количество ульев и производимого мёда только увеличивалось. Мёд продавали в г. Никольск-Уссурийском и на ж/д станции Гродеково.

Как я уже писал выше, казаки неохотно занимались пахотой и посевными работами. И, тем не менее, сборы зерновых были на высоте. Большую часть сельскохозяйственных работ у казаков выполняли китайцы и корейцы, приходившие на сезонные работы из-за границы. Каждый год китайцы арендовали у казаков пашню за деньги или долю урожая. Например, во дворе моего прадеда в дальнем углу сада была небольшая полужемлянка, в которой каждое лето жила китайская семья, работавшая в саду и огороде. Интересный момент: у них был сын, одноклассник моего деда. И они часто играли вместе, разговаривая то на русском, то на китайском языках. После этого мой дед до конца своей жизни, до 92 лет, мог объясниться с китайцами, владея небольшим словарным запасом, вполне хватавшим для небольшой беседы (фото 5). Этим он вгонял в ступор китайцев в 90-е годы на небольших стихийных барахолках во Владивостоке, которые китайцы открывали чуть ли не у каждой остановки общественного транспорта. Можно себе представить состояние торговцев, когда с ним начинал торговаться дедушка под 90 лет! Само собой, солидные скидки ему были обеспечены на радость его родным.

Конечно, практика передачи земли в аренду китайским гастарбайтерам того времени проходила неофициально и не поощрялась Войсковым Правлением. Но, тем не менее, на такую деятельность чиновники смотрели сквозь пальцы.

*Фото 5. Молодой казак посёлка Богуславский Плотников Пётр (дед автора).
Фото сделано в октябре 1921 года*

В целом быт богуславцев хорошо описан в печатном издании пограничной стражи того времени «Досуг Приамурца». Статью из этого журнала удалось получить в наши дни местному корреспонденту И. Данилову в военном зале государственной библиотеки им. Ленина. В ней говорится о расквартированной в Богуславке 2-й сотне 2-го Заамурского пограничного конного полка и описывается быт казаков. Особенно ярко описаны рыбалка, на которой пограничники и казаки ловят карасей, сомов, щук и окуней, а так же домашний уют и достаток казачьих куреней. Описываются полномочия поселкового Атамана, который является непререкаемым авторитетом для казаков, и, например, имеет право своей властью посадить под арест до 3-х месяцев, распоряжается общественными работами и т.д. Отдельное внимание уделяется в статье охоте и умелым хозяйкам-казачкам:

«Живут казаки привольно и в избытке. В каждом дворе много скота и лошадей. Сенокосы у них огромные и на душу полагается большой надел. При хорошем урожае зерна у них всегда вдоволь. Хлеб они пекут пшеничный цельный, хлопотуньи-хозяйки пекут блины, калачи и ватрушки, обильно поливая их маслом и подавая сметану. Казаки почти все отличные стрелки и страстные охотники. Есть много стариков, убивших в своей жизни около десятка тигров, которые тут часто попадают в лесистых сопках. Оленей, кабанов, коз набивают здесь массу, не говоря уже о мелкой дичи, зайцах и фазанах. В каждом доме есть несколько винтовок, охотничьих ружей и шашек, так что такой посёлок в случае нападения может за себя постоять».

Кстати, об охоте. В указанной статье упоминается о казаках из Богуславского, убивших в своей жизни до десяти и более тигров. Это действительно так, мой дед говорил про своего деда Николая, что тот был заядлым охотником и, случалось, ходил на тигра. Сложно себе представить, видя сегодняшние пейзажи Пограничного района, что на этом месте была сплошная тайга, вплотную подходившая к поселению. Но, тем не менее, так и было. В своё время для первых поселенцев на Уссури тигры были сушим бедствием: наглость и кровожадность этого зверя поражают воображение. В архивах имеются документы и записки о том, что творили эти хищники, среди белого дня таская со дворов коз и овец. При более широком расселении казаков в тайгу тигры поумерили свой пыл. Но, тем не менее, продолжали причинять беды казачьим хозяйствам.

В качестве примера приведу выдержку из газеты того времени:

"ПРИАМУРСКІЯ ВЕДОМОСТИ" № 441 от 9 июня 1902 года

Корреспонденціи

Пос. Богуславскій (Платоно-Александровскаго станичнаго округа), 26 мая с. г.

«Важнымъ подспорьемъ въ жизни населенія нашего округа служит охота. Наши казаки-охотники отправляются обыкновенно, весною и осенью охотиться за китайскую границу, версть за 50 и более по китайской стороне и возвращаются назадъ с хорошей добычей.

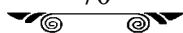
Стреляютъ больше всего кабановъ, козъ, изюбрей, медведей и другую дичь. Охотятся и за пантами. Нынешний годъ, впрочемъ, ихъ что-то мало добывается, да и какие попадаютъ, то, по качеству, по отзывамъ знатоковъ, далеко ниже прошлогоднихъ. Промышляющіе охотой разыскиваютъ также и привозятъ на продажу медъ дикихъ пчель.

Жизнь здешнихъ охотниковъ полна неожиданностей и опасныхъ приключеній.

Недавно, казакъ-охотникъ Богуславскаго поселка, Туровъ, отправился с товарищемъ, казакомъ Б-мъ, на охоту к урочищу Атамановскому, на двухъ лошадяхъ.

Охотники, по обычаю, раскинули таборъ, связали лошадей, а сами отправились по сопкамъ и лесамъ отыскивать добычу. Б-въ возвратился ранее и видитъ одной лошади нетъ. Бросился ее отыскивать и нашель растерзанной невдалеке отъ табора. При его приближеніи какой-то огромный зверь, желтовато-пестраго цвета, огромнымъ прыжкомъ скрылся в чаще леса.

Б-въ дождался товарища Турова и рассказалъ ему про несчастіе с лошадей, которую какъ онъ полагалъ задавилъ медведь. Но Туровъ - старый, опытный охотникъ, выслушавъ рассказъ товарища и осмотревъ следы огромныхъ лапъ и когтей, пришелъ к заключенію, что лошадь задралъ тигръ.

Пошли. Тихо подкрадываясь к месту, где лежала растерзанная лошадь, охотники увидели, наконец, невдалеке огромного тигра, который, лежа на брюхе, очевидно отдыхал после сытной трапезы. Затем, тигр сел на задние лапы, повернув голову и открыв грудь выстрелу охотника. Наступил решительный момент. Туров тихо навел свой винчестер на страшного зверя. Когда грянул выстрел, то несколько секунд спустя, тигр сидел неподвижно, так что охотник, по его словам, страшно испугался, думая, что промахнулся и что тигр бросится на него...

Но вот тигр с ужасным ревом валится на бок и остается неподвижным: пуля попала ему прямо в сердце. Сделав еще, для верности, два-три выстрела в мертвого зверя, казаки подошли к нему и тут только близко увидели свою добычу. Тигр (самец) имел 12 с половиною четвертей в длину без хвоста. Шкура его сильно вылиняла, но все еще красива. Когти огромной величины. Зверь уже привезен сюда».

В целом же охота приносила неплохой доход для казаков данной местности. По данным на начало 20 века, доход от продаж шкур диких животных, добытых на территории Платоно-Александровского округа, достигал нескольких тысяч рублей. Так, в 1901 г. в пос. Богуславском их было продано на 1000 руб.

Духовная сторона жизни имела для казаков некоторые трудности: за всё время существования посёлка, в нём не было своей церкви. Поэтому все обряды приходилось совершать в близлежащих Храмах. Самым тяжёлым был начальный этап: венчаться, креститься приходилось вдали от посёлка, почти за 90 километров. Так, например, в 1884 году мой прадед Михаил венчался с молодой казачкой Соломонидой, дочерью Мефодия Афанасиевича Чупрова, урядника станицы Полтавская, в селе Камень-Рыболов, на берегу озера Ханка, в Богоявленской церкви. Впоследствии в ближайших посёлках стали появляться церкви, и казаки посёлка могли отправлять свои религиозные потребности в них. Например, из имеющейся копии церковной метрики мы видим, что в 1887 году дочь Михаила и Соломониды Александра была крещена в церкви посёлка Нестеровский, на расстоянии по дороге не более 25 километров. А в 1908 году мой дед был крещён в Успенской церкви окружной Гродековской станицы (фото 6).

Федеральное архивное агентство
РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
АРХИВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
(РГИА ДВ)
17.08.2010 № 343-тел
на № _____ от _____

Плотникову С.В.

690090, г. Владивосток, ГСП ул. Алеутская, 10-а
тел./факс. (423-2) 41-21-29

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ ГРОДЕКОВСКОЙ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
(ст. Гродековская Гродековского участка и округа Уссурийского казачьего войска) на 1908 год
Часть первая, о родившихся

Счет родившихся		Месяц и день		Имена родившихся	Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания	Звание, имя, отчество и фамилия приемников	Кто совершил Таинство Крещения	Рукоприкладство свидетелей записи по желанию
мужского пола	женского пола	рождения	крещения					
110	-	Октябрь	13	Петр	Казак п. Богуславского Михаил Николаевич Плотников и законная жена его Соломонида Никодимова, оба православного вероисповедания	Казак п. Богуславского Иннокентий Николаевич Корнев и дочь казака того же пос[елка] девица Зиновия Афанасиевна Кожевникова	Священник Константин Геометров с и. д. псаломщика Антонием Галушко	

Священник Константин Геометров
И. д. псаломщика Антоний Галушко

Основание: РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 12. Д. 13. Л. 70об.-71

Архивная выписка верна:
Директор Российского государственного исторического архива Дальнего Востока

Начальник отдела информационного обеспечения и публикации документов

А.А. Торопов
И.Е. Каргинова

Фото 6. Архивная выписка из метрической книги Гродековской Успенской церкви

Из архивных записей мы видим, численность прихожан Нестеровской церкви в 1902 году составляет:

Пос. Нестеровский 324 муж., 275 жен.

Пос. Богуславский 338 муж., 314 жен.

Пос. Духовской 66 муж., 48 жен.

Пос. Барановский 352 муж., 325 жен.

Пос. Гродековский 92 муж., 73 жен.

Пос. Андреевский 97 муж., 82 жен.

Пос. Сергиевский 38 муж., 46 жен.

Село Прилуки 145 муж., 136 жен.

Кроме указанных мест богуславцы венчались и крестились в Покровской церкви крестьянского села Жариково, не более 15 километров от посёлка. В самом же посёлке ещё в 1893 году была установлена часовня, которую периодически навещал батюшка из ближайших церквей. В последние предвоенные годы это был отец Константин (Геометров). Вот какое описание она имеет в страховой ведомости (РГИА Ф. 799. Оп. 3. Дело 82 Приморская область Никольск-Уссурийский округ, церкви) от 20 июня 1911 года:

«Часовня деревянная, покрыта цинком, внутри оштукатурена, снаружи обита тесом и окрашена масляной краской. Длина её 15¼ арш., ширина 7½ арш. Высота снаружи до карниза 5 арш., окон больших в ней 8, дверей простых наружных 1, иконостас в 1 ярус высотой 4 арш. Дверь шириною ½ арш., печей 1 голанская круглая, обита железом, строение крепкое».

Данная часовня относилась к Нестеровскому Приходу.

Всего прихожан в посёлке на 1915 год было 966 человек, из них казаков 481, казачек 485 (*перепись Приморской области за 1915 год*).

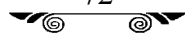
Видимо, наличие такого большого количества жителей посёлка предполагало в дальнейшем строительство церкви. Об этом говорит упоминание в отчёте Наказного Атамана УКВ (Приказ по Уссурийскому казачьему Войску № 571 от 19 июля 1914 года – РНБ, шифр хранения 135/232). В нём по посёлку Богуславский сказано следующее:

«Имеется небольшая часовня; предполагают строить церковь, но средствами не располагают и просят о ходатайстве об отпуске денежных средств из сумм Епархиального ведомства; необходимо оказать содействие».

Но, видимо, наступившая через месяц война помешала этому благому делу.

Изображения часовни не имеется.

Пристальное внимание со стороны войскового Правления уделялось образованию для подрастающего поколения. В посёлке имела войсковая одноклассная школа, впоследствии преобразованная в двухклассную. Точное время начала работы школы неизвестно, но по данным, указанным в Приказе по УКВ за № 47 от 29 марта 1897 года, в Богуславском указана школа грамотности, в которой обучается 23 мальчика и 6 девочек. А по сведениям статистической таблицы населённых пунктов Уссурийского казачьего войска к 1-му января 1907 года в посёлке работает школа с числом учащихся 77 человек (45 мальчиков и 32 девочки). На 1915 год, согласно архивным записям, школа является двухклассной. В ней преподают три учителя: Петров Николай Кононович, Демченко Иван Андреевич и Петров (инициалы не указаны). Особое внимание со стороны Войскового Правления уделяется учителям, всячески их поощряя за достигнутые результаты. Так, в Приказе по УКВ №28 от 28 марта 1908 г., отдельно отмечен учитель Богуславской школы Васильченко, который сумел создать не только приятную атмосферу, но и организовать внеклассный досуг: имеется школьный хор, и умело поставлены занятия по трудовому ремеслу. Кстати, г-н Васильченко по итогам инспекции был награждён премией Богуславского. Премия Богуславского присуждалась лучшему учителю года, а её размер составлял 50 руб. Далее: в Приказе по УКВ № 131 от 7 августа 1909 года особо отмечена учительница г-жа Дмитриева, а учитель г-н Целинский настолько прохладно относился к своим обязанностям, что был уволен.

Сколько же получали учителя в Богуславской (и не только) школе? На этот вопрос можно найти ответ в Приказе по УКВ №414 от 11 ноября 1904 года. В нём указано, что в Богуславскую школу назначается учителем Потёмкина Антонина, с содержанием 400 рублей в год от общества, и 100 рублей от войскового капитала. Итого 500 рублей в год. А в 1912 году учительница г-жа Белова назначена в ту же школу с содержанием от войсковой казны уже в сумме 200 руб. плюс от общества (точная сумма не указана). С 1913 года (Приказ по УКВ № 610 от 27 августа) обучение в Богуславской школе увеличивается с 5 до 6 лет.

Кроме общей программы обучения к каждой войсковой школе был прикреплен инструктор из казаков того же посёлка или станицы. В его обязанности входило обучать казачат строю, гимнастике и основам военного дела. В 1914 году в посёлке Богуславский таковым являлся урядник Марковцев. Эти занятия проводились пять раз в неделю, во внеучебное время (Приказ по УКВ № 840 от 28 октября 1914 г.).

Для поддержки и контроля над деятельностью школы со стороны общественности назначался попечитель на трёхлетний срок. Так, например, Приказом по Войску № 811 от 15 октября 1914 года попечителем войсковой Богуславской школы на период с 1915 по 1917 гг. был назначен казак Плотников Михаил Николаевич. До него эту должность занимал приказный Демченко К.А. (основание Приговор общества посёлка Богуславского от 1914 года за № 28). В обязанности попечителя входило: заботиться об исправности школьного здания, составлять подробную смету необходимых расходов на текущий и капитальный ремонт, учебные пособия, проверять наличие школьного имущества по школе и библиотеке, заготовка отопления и решать вопросы по другим хозяйственным нуждам (фото 7).

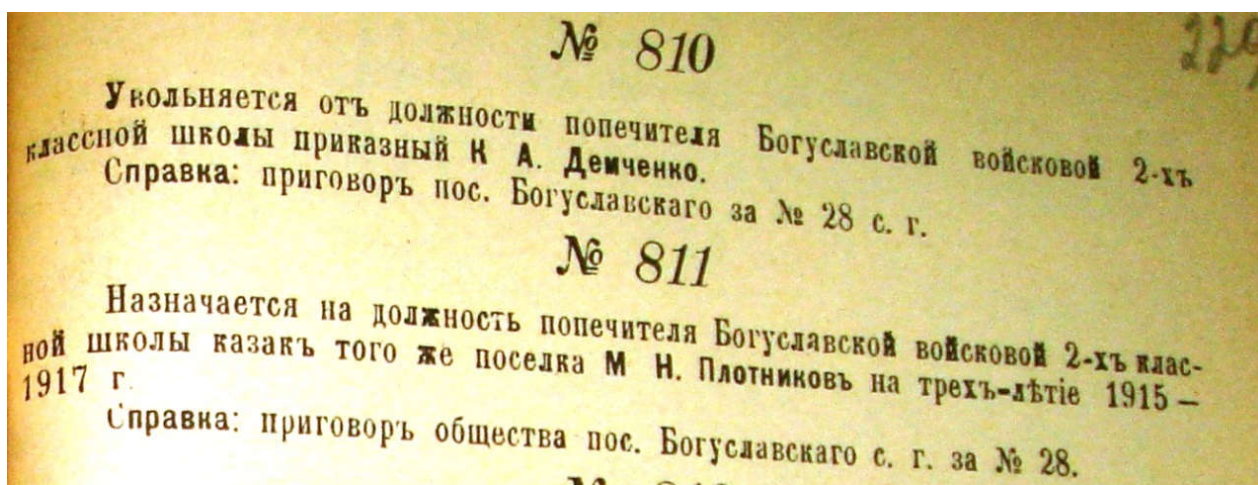

Фото 7. Приказ № 8111 по УКВ

В 1903 году в административной жизни казаков-богуславцев происходят некоторые изменения: их посёлок приписывают к новой станице Гродековской, названной так в честь генерал-губернатора Гродекова Н.И. (фото 7). Это решило многие проблемы казаков, ведь до этого станичная администрация находилась достаточно далеко, более чем 90 километров (фото 8).

Помимо Богуславского, в состав нового округа вошли казачьи посёлки Благодатный, Нестеровский, Барановский-Оренбургский, Софие-Алексеевский, Барабаш-Левада, Духовской, Ново-Сергиевский. Позже в составе округа были созданы новые казачьи посёлки: в 1907 г. – Владимирский, Василье-Егоровский и Екатериновский, в 1908 г. – Атаманский и в 1909 г. – Алексеевский. Присутствие же станции в 15 верстах от посёлка положительно сказывалось на благополучии богуславцев. Появилась возможность ездить на станцию и торговать своим товаром, продуктами собственного приготовления и дарами тайги. Но не только ездили торговать богуславцы в Гродеково. Многие казаки запросто ездили в Харбин, Никольск-Уссурийский. Такая возможность появилась со строительством и пуском КВЖД. Например, старшая сестра моего деда, Александра, даже какое-то время училась в пансионе в

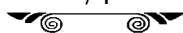
Харбине. Впоследствии она вышла замуж и осталась там, пережив гражданскую войну и последующие репрессии. К ней, после периода репрессий, уехала с мужем и другая сестра, Татьяна. К сожалению, их следы пока не удалось найти.

Фото 8. Бюст генерал-губернатору Гродекову Н.И., установленный в пгт. Пограничный, бывшей станции Гродековская. Работа Приморского скульптора Георгия Шароглазова

Возвращаясь к вопросу о расквартированной в Богуславском 2-й сотне пограничного полка, можно сказать, что эта мера была оправданной. В самом посёлке находился пограничный пост для пресечения незаконного перехода границы и контрабанды. Кроме пограничников наряды несли и казаки посёлка. Наряды на границу определялись поселковым Атаманом и утверждались в станичном округе. Это в обязательном порядке вменялось казакам, и было их повинностью. Дело в том, что с самых первых лет строительства посёлка его жителям и жителям окрестных крестьянских сёл и казачьих поселений докучали хунхузы, постоянно переходившие границу с целью грабежа местного населения. Хунхузы (беглые китайские дезертиры, бродяги, бандиты) – это было настоящее бедствие для населения Приморского края. Приходя из-за границы отрядами до нескольких сотен человек, они грабили крестьянские сёла, редкие китайские фанзы и корейские поселения, незаконно добывали пушнину и мыли золото. Отмечены случаи увода в рабство людей.

Вплоть до начала 20 века хунхузы не имели хорошего вооружения и довольствовались наличием пик, мечей, сабель и устаревшего огнестрельного оружия. Качественный скачок в тактике и вооружении произошёл после подавления восстания их этуаней в Китае в 1900 году, когда на отступавшие китайские части хунхузы нападали с целью завладения оружием. Свою лепту внесла и Русско-Японская война, наградившая их разграбленными складами и собранным оружием на полях. Изменилась и их тактика: если ранее они просто бродили малочисленными группами, то в начале 20 века это стали крупные отряды по несколько сотен бандитов. Все они были вооружены огнестрельным оружием, знали тактику рассыпного строя и владели приёмами устройства засад и ловушек, тактических отходов и ударов в тыл и фланги. Наиболее тяжёлым для Российского Приморья оказался период Первой Мировой войны, когда все строевые казаки были на фронте, в станицах остались охранные команды из нестроевых или невозрастных казаков. В мирное время охрану границ и пограничной территории кроме уссурийских казаков и пограничной стражи осуществляли рас-

квартированные в Приморье Нерчинский и Амурский казачьи полки, которые с началом войны ушли на фронт. С уходом их на фронт были сформированы охранные сотни из казаков непризывного возраста – малолеток и отставных казаков. Помимо охранных функций они несли роль учебных команд для подготовки молодёжи к службе на фронте.

Ситуацию усугубляло то, что германские агенты, работавшие на территории Китая, входили в контакт с главарями хунхузов, снабжали их оружием и деньгами, подстрекали нападать на сопредельную территорию. И за время войны таких нападений было очень много. Фактически вся приграничная территория была на осадном положении, а казачьи охранные команды были в постоянной боевой готовности.

О масштабах нападений можно узнать из следующего исторического факта:

«29 сентября 1916 года около 5 утра на поселок Богуславский Гродековской станицы было совершено нападение хунхузов в числе около двухсот человек, часть которых, ворвавшись в поселок, приступила к разграблению имущества казаков. Взрослое население поселка, за весьма малым исключением, находилось на полевых работах, а из оставшихся четыре казака Павел Толочкин, Аким Кожевников, Павел Шевцов и Харлампий Меновицков, имея при себе винтовки, засели в укрытых местах, откуда открыли пальбу, в результате которой было убито 5 человек хунхузов, ввиду чего грабители вынуждены были отступить. Перестрелка была услышана урядником Максимом Шишкиным, бывшим в то время на заимке вблизи поселка. Предугадывая столкновение с хунхузской шайкой, названный урядник немедленно отправился в станицу Гродеково, где и сообщил о слышанном станичному атаману, которым и были отданы все необходимые распоряжения по этому поводу, а так же сообщено по телеграфу в Войсковое Правление. В 7 часов утра уже были организованы первые разъезды, отправленные по направлению на поселок Богуславский» (фото 9).

(Стиль автора сохранён, материал Т. Сивакова, взят из Приказов по УКВ 1916 г.)

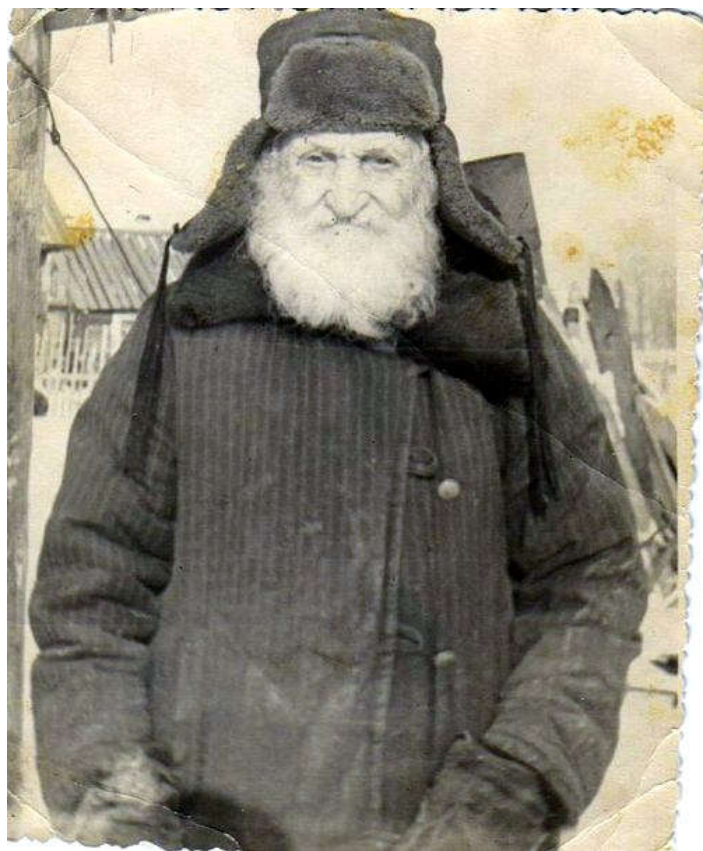
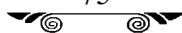

Фото 9. Павел Толочкин, один из четырёх казаков, отразивших нападение хунхузов на посёлок. Фото середины 50-х годов

Мой дед, родившийся в 1908 году, прекрасно помнил это нападение – их дом стоял как раз с той стороны, откуда пришли хунхузы. Его отец (мой прадед) со старшим сыном был на заимке, как и другие казаки. Спасло их то, что первым делом хунхузы стали расправляться и грабить китайца, который держал лавочку на краю посёлка, через несколько домов от них. Китаец стал так кричать и визжать, что всполошил всех соседей. Моя прабабушка Соломонида (фото 10) тут же выскочила из дома (жизнь на границе приучила казаков спать в пол-уха и быть готовым моментально реагировать на такие вещи), и, схватив в охапку младшую дочь Ксению и за руку моего деда, бросилась бежать через баз в сопки, куда уже бежали другие женщины и дети. Спасли положение, как мы видим, четыре казака – по словам деда (сколько их он не помнил, но документ указывает точное число) это были строевые казаки, находящиеся в посёлке в отпуске по ранению. Всё-таки не зря казаков приучали с детства воевать – среагировали они моментально, заняв нужную диспозицию, дав достойный отпор бандитам.

Кстати говоря, эту способность моментально реагировать на внезапное нападение быстро восстанавливали переселённые в Уссурийское казачье Войско кубанцы и терцы. По словам опять же моего деда (со слов его отца), они как никто другой благосклонно воспринимали опасности жизни на границе:

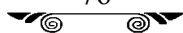
«Ну вот, Господь сподобил наших дедов воевать линию, а теперь и нам позволяет Россию на кордоне охранять» – так обычно говорили вновь прибывшие на новое место жизни и службы казаки далёких южных окраин.

Фото 10. Богуславская казачка Соломонида Плотникова (прабабушка автора) с дочерьми Александрой и Ксенией

Сохранил в памяти рассказы своего отца и мой дядя Иван Павлович, 1924 года рождения, уроженец посёлка Богуславский. Недавняя встреча с ним подарила в копилку знаний ещё один случай, когда в годы Гражданской войны наш посёлок спас хорунжий с двумя казаками:

«Вот, значит, успели предупредить, что движется банда в сорок или пятьдесят хунхузов. А в посёлке как раз был какой-то хорунжий и с ним два казака посыльных. Рядом с Богуславкой сопочка есть невысокая или камень огромный, вот туда-то хорунжий с казаками

и запер пулемёт. А служивые с нестроевыми вдоль балочки в багульнике залегли. И когда они в балочку втянулись, хорунжий начал резать их очередями, а вдогон и казаки ударили».

Одним из фактов тревожной жизни на границе служит выписка из Приказов по Уссурийскому Войску за 1913 год:

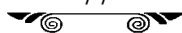
«29-го Июля сего года у казака поселка Софие-Алексеевскаго Гродековскаго станичнаго округа Уссурийскаго казачьяго войска Сергея Ларионова неизвестными злоумышленниками были похищены лошади. Распоряжением поселкового атамана в помощь Ларионову на поиски пропавших лошадей были назначены казаки: Афанасий Какаулин, Трофим Двадцатый, Алексей Любимов и Козьма Гринько, а также изъявили согласие ехать с казаками для розыска лошадей объездчики корчемнаго поста Назарчук и Санкин. Возвращаясь с поиска лошадей падью под названием «Кордонка», казаки нагнали шайку вооруженных хунхузов около десяти человек, следовавших по дороге, идущей к поселку Софие-Алексеевскому. Увидев казаков, хунхузы не замедлили открыть по ним огонь. Быстро спешившись, казаки вступили с хунхузами в перестрелку. Хунхузы не выдержали огня и, отстреливаясь, стали отступать по речке «Ташлычиха», протекавшей в крутых и обрывистых берегах, что способствовало хунхузам укрыться от выстрелов. Казаки, заметив, что из числа бежавших хунхузов три человека остановились и возобновили перестрелку с ними, оцепили оставшихся хунхузов и снова открыли по ним огонь; после чего хунхузы бросили оружие и с поднятым вверх руками стали просить о пощаде. Захватив трех хунхузов и находившееся около них оружие: две винтовки «бердана», одна кавалерийскаго и одна пехотнаго образца, один винчестер, один кинжал и 52 патрона, доставили пойманных хунхузов и оружие в поселковое правление.

Вышеприведенный случай указывает, что софие-алексеевцы, как истые казаки, примерно исполняют свое назначение в защите края от нападения хунхузов, за что от лица службы благодарю казаков Какаулина, Двадцатаго, Любимова и Гринько, а также и объездчиков корчемнаго поста Назарчука и Санкина, оказавшим казакам помощь в поимке хунхузов».

В годы гражданской войны казаки разделились на два лагеря, как и население по всей России. Но большая часть казаков поддержала белые части. В этом есть своё объяснение: очень зажиточно жили казаки посёлка и не хотели менять своё положение и казачий статус. Многие казаки посёлка ещё в 1918 году вступили добровольцами в отдельный отряд Калмыкова И. П., который впоследствии на Круге был выбран войсковым Атаманом. Невозможно отследить биографию и послужной список каждого казака, но известно, что активную позицию против Советской власти заняли братья Кореневы (фото 11).

Фото 11. Пётр Васильевич Коренев (1896–1975 гг.). Фото сделано в Харбине

Можно предположить, что богуславцы принимали активное участие в событиях тех лет, ведь летом 1918 года ставка будущего Атамана Калмыкова находилась в окружной станице Гродековской, а в последние год-полтора в самой станице и посёлках были расквартированы семёновцы, каппелевцы и нижние чины Ижевско-Воткинской дивизии.

В Хабаровском государственном историческом архиве сохранились списки богуславских казаков, принявших участие в мобилизации:

ГАХК, фонд и-286, опись 1, дело 30.

«Ведомости обследования личного состава семей казаков, призванных по мобилизации в армию» 31.10.1912, 31.10.1914 – 28.12.1919г.

«Именной список урядников и казаков пос. Богуславского Гродековского станичного округа, временно мобилизованных на основании приказа по Уссурийскому казачьему войску от 23.12.1919 за № 580».

Срок службы 1917 г.

*Подхорунжий Корнев Петр, конный
Подхорунжий Николаев Иван, конный
Урядник Ваулин Дмитрий, пеший
Урядник Ширин Федор, конный
Казак Шемякин Иннокентий, конный
Казак Козлов Григорий, конный
Казак Середин(?) Иван, пеший*

Срок службы 1916 г.

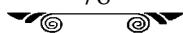
*Подхорунжий Деревцов Илларион, конный
Урядник Зимин Евстафий, пеший
Казак Меновщиков Терентий, конный
Казак Швецов Матвей, конный
Казак Распопов Аверьян, конный
Казак Меновщиков Герасим, пеший
Приказной Середин Георгий, конный
Казак Сенников Константин*

Срок службы 1915

*Урядник Ширин Никифор, конный
Урядник Корнев Кондратий, конный
Казак Зырянов Филипп,
Фельдшер Гладков Николай (второй)
Должность неразборчива, Зырянов Григорий, пеший*

Срок службы 1914

*Урядник Зырянов Михаил
Казак Соснин Аким
Урядник Ваулин Трофим (фото 12)
Урядник Швецов Петр
Казак Науменко Андрей
Казак Науменко Георгий
Срок службы 1913
Казак Зырянов Степан
Казак Корнев Алексей
Приказной Зырянов Федор*

Срок службы 1912

казак Завалишин Степан
Урядник Швецов Тимофей
Приказной Иванов Нестер
Приказной Ваулин Степан
Урядник Коренев Степан
Казак Коренев Василий
Казак Городилов Николай
Казак Зырянов Яков

Фото 12. Трофим Ваулин, Георгиевский кавалер, уссурийский казак из Богуславки, указанный в списке

Кстати, упомянутый выше казак Ваулин был Георгиевским кавалером. И свой Крест (и не один!) он получил, будучи на Великой войне. Вот скупые строки из архива:

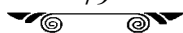
«Казак Ваулин Трофим Абросимович (Уссурийский казачий полк) был награжден Георгиевским крестом IV ст. № 566630 «за то, что 11.06.1915, в бою у деревни Лелайце, мужественно встретил бросившихся в штыки немцев, вывел из строя 3 офицеров (один убит и два тяжело раненные взяты в плен) и своей храбростью содействовал успеху контратаки и поражению немцев».

Приказный Ваулин Трофим (Уссурийский казачий полк) был награжден Георгиевским крестом III ст. № 161489 «за отличие в бою 22.07.1916 на выс. «1547».

Но не только он из богуславцев удостоился высокого звания Георгиевского кавалера. Помимо него сегодня известно ещё о некоторых казаках:

«Старший урядник Димов Прокопий Федорович был награжден Георгиевскими крестами:

IV ст. № 571039 «за отличия, оказанные им в боях с неприятелем и за проявленные им подвиги мужества и храбрости. Награжден на основании п. 20 ст. 67 Георгиевского Статута.

II ст. № 38993 «за отличие в бою 24.09.1915 под ф. Столповицзна».

I ст. № 1385 «за отличие в бою 5.08.1916 на выс. «1329»

Приказный Пыхалов Абросим был награжден Георгиевским крестом III ст. № 161510 «за отличие в бою».

Казак Швецов Матвей был награжден Георгиевским крестом IV ст. № 556519 «за отличие в боях с 25.07 по 2.08.1916».

А однажды посёлок Богуславский стал известен на всю страну: 18 октября 1916 года в окрестностях посёлка произошло падение крупнейшего метеорита. Об этом событии широко освещалось в научной периодике того времени. Метеорит назван Богуславка, в честь посёлка.

Сохранились воспоминания очевидцев этого знаменательного события:

«Высоко над землей показался огненный шар. За ним тянулась длинная разноцветная полоса. Затем послышался гул, он всё усиливался. Шар приближался... Через некоторое время раздались тяжёлые удары, похожие на гром или залпы орудий», – так сто лет тому назад, в 1916 году, описывали очевидцы падение Богуславского метеорита жители Гродековского станичного округа.

Грандиозный полёт метеорита, получившего имя по названию села Богуславка, наблюдали сотни тогдашних приморцев и тысячи китайцев, что оставило у них впечатление на всю жизнь (фото 12).

Пройдя в нескольких сажнях над крышами Богуславки, раскалённый метеорит врезался в отвесную сопку. Последовал грандиозный взрыв! Точное время катастрофы – 11 часов 45 минут 18 октября 1916 года. Из отчёта Географического общества: "Падение произошло в 200 сажнях к югу от корейской фанзы, и место падения было указано жителем этой фанзы Ма-Тому-Ни. Между тем как падение первого осколка произошло около проезжавшего случайно казака Ивана Овчинникова».

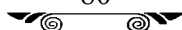
Осколок, образовавшийся при взрыве и чуть не убивший казака, весил 58,1 килограмма. Вес второго осколка – 198,6 кг. Но он упал вдалеке от людей».

Фото 13. Рисунок со слов очевидца падения метеорита Богуславка. Автор неизвестен

Сегодня метеорит, состоящий из двух частей, выставлен в Минералогическом музее имени А.Е. Ферсмана РАН в Москве.

Неравнодушные жители и патриоты родных мест не могли пройти мимо такого серьёзного события, оставившего яркий след в истории родной земли. Стараниями таких людей, как Андрей Абрамов, Анатолий Горячев, Максим Зубрилов и других, была проведена работа

по подготовке к вековому юбилею. Одной из идей группы было создание копии метеорита, которую успешно воссоздал Приморский скульптор Георгий Шароглазов. Сегодня точная копия метеорита находится в местном музее Пограничного района, а к месту его падения стараниями Анатолия Горячева создана туристическая тропа (фото 14), по которой может прогуляться любой желающий. Тропа оснащена соответствующими табличками, рассказывающими об истории этого события.

Фото 14. На месте падения метеорита. Фото А. Горячева

После окончания гражданской войны многие казаки с семьями ушли за границу и осели в разных местах, но чаще всего в Харбине. Дальнейшая их судьба автору неизвестна. Но известно, что на оставшихся в родных местах в 30-е годы обрушились массовые репрессии. Примечательно, что для новой власти не имело большого значения, на какой стороне воевали казаки. Например, знаменитый командир партизанских отрядов Гавриил Шевченко (бывший вахмистр Гродековской станицы) был репрессирован в конце 30-х годов и умер в лагере в конце войны от истощения и болезней. Первая волна пришлась на вторую половину 20-х годов, когда прошла паспортизация. Выдаче паспортов подлежали только лояльные элементы, проживающие в районе. Тем самым власти вынуждали не получивших паспорта выселяться за пределы исторического ареала проживания казаков и их семьи. Вторая волна репрессий связана с принуждением вступления в колхозы.

С осени 1930 г. вопреки всем постановлениям началось новое форсирование коллективизации, новое наступление на крестьянство и бывшее казачество. Насильственные меры по-прежнему были основными, решающими. Общие итоги раскулачивания и депортации 1930 г. оказались весьма внушительными. В Дальневосточном крае ликвидировали 3937 хозяйств, высылке по 2-й и 3-й категории подверглись 537 семей. Тем временем коллективизация продолжалась в 1931 г., количество объединённых хозяйств увеличилось более чем в два раза. Последнее слово всегда оставалось за факторами принуждения: ужесточилось налоговое бремя на единоличников, не желавших вступать в колхоз, а главное – по-прежнему практиковалось раскулачивание. Среди жителей шли разговоры о том, что выселяют всех – и зажиточных крестьян, и середняков, и даже бедняков. Целые сёла ждали по ночам выселения, готовили сухари, одежду, резали мелкий скот.

29 июля 1931 г. ДКИК принял решение завершить ликвидацию кулачества в крае. В сентябре власти приступили к заключительному этапу выселения, намереваясь устранить всех кулаков, сбежавших из деревни или проникших в колхозы. В 1930–1931 гг. в Дальневосточном крае были высланы 2922 кулацкие семьи 2-й категории и семьи кулаков, отданных под суд. Общее число раскулаченных в крае составило более 5 тыс. семей, высланных в основном на север края, в лесозаготовительные лагеря, на различные стройки, золотые прииски, шахты.

В результате применяемых мер резко уменьшилось население в различных районах Приморья, ранее населёнными казаками. Так, например, в Гродековском (районе – прим.) с 1933 по 1937 г. более чем в 2,5 раза (ГАХК.Ф. 353, оп. 9, д. 34, л. 244, д. 46, л. 151).

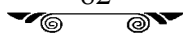
Не чурались новые власти и насильственных мер с применением войсковых частей. Прямым доказательством этого чудовищного акта служит архивная запись:

«Вторая кампания по выселению крестьян уже прямо называлась операцией и проводилась по строго разработанному плану. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что власти основательно к ней готовились. Подтверждением этому служит "план" операции выселения кулаков из села Богуславки Гродековского района 28 июля 1931 г.» (ГАПК.Ф. 179, оп. 4, д. 38, л. 82).

Моя семья попала под указанную выше «операцию»: дед, Плотников Пётр Михайлович (фото 15), его отец Михаил Николаевич и дядя Еремей Николаевич были в течение двух часов под конвоем высланы с другими казаками на строительство Оборской ж/д ветки. По словам моего деда, рано утром посёлок был окружён, вооружённые патрули прошлись со списками по дворам и приказали в течение полутора-двух часов собраться и сесть на приготовленные подводы. Предварительные списки были составлены председателем комитета бедноты Афанасием Цапкиным.

Фото 15. Пётр Плотников, фото середины 70-х годов

Строительство Оборской ветки проходило в глухой тайге, на севере края. Дорогу строили для вывоза леса из тайги, из Оборского леспромхоза (фото 16). В первый год умерли от невыносимой тяжести прадед (ему было 66 лет) и его брат Еремей (64 года). Перед смертью было разрешено приехать прабабушке Соломониде на свидание. Потрясённая увиденным и вернувшись домой, она вскоре умерла. Кстати, после выселения мужа и сына, ей «милостиво» разрешили жить в родном посёлке, но в холодных сенях у соседей. Примерно через неделю после её отъезда скончался и мой прадед Михаил. Уже к её приезду он не вставал с нар, тяжело болел. Болота приходилось гатить вручную, весь труд был не механизирован: лопаты, пилы, топоры и тачки. По словам деда, с ними было много земляков из нашего места, других станиц и посёлков. Были так же казаки из бывшего Амурского и Забайкальских войск.

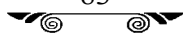

Фото 16. Зброшеный участок Оборской дороги

После постройки дороги моего деда отправили на спецпоселение в посёлок Тыгда на Амуре заготавливать лес для шпал. Там уже не было конвоя, но жили в таких же бараках, только разделённых на секции для семейных. Покидать посёлок было запрещено, работала комендатура. Там мой дед женился на такой же спецпоселенке, у них родилось трое детей. От голода и отсутствия медицинской помощи двое умерли, мой отец, который там родился, выжил. Вместе с моим дедом и бабушкой они были освобождены в 1947 году, но покинуть спецпоселение смогли только лишь через год.

Условия жизни, в которых находились спецпоселенцы, не поддаются осмыслению человеческим разумом. Так, в работе д.и.н. Е. Чернолуцкой «Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950 гг.» написано следующее:

«Сосланные «кулаки» были в числе наименее защищённых слоёв населения. Осенью 1932 года сотрудники ОГПУ констатировали, что в ДВК «...особую остроту приобрёл продовольственный вопрос в Оборском спецпереселенческом и Тыгдинском районах, где недообеспечение спецпереселенцев довело их до форменного голода». С 1 января 1933 года ввели карточную систему снабжения с пониженными нормами для нетрудоспособных членов семей: вместо 300 граммов муки им стали выдавать 165 граммов, обычно без всякого приварка. Весной положение ещё более ухудшилось и оставалось таким же до 1934 года».

На местах власть всячески старалась выкорчевать из народной памяти первых жителей-казаков и историю освоения этих мест. Дошло даже до таких действий, как переименование населённых пунктов. Так, Постановлением Президиума ВЦИК от 4 января 1926 года в целях уничтожения казачьей истории и топонимики было принято решение о переименовании казачьих поселений в сельские, с присвоением новых имён:

- пос. Духовской – село Духовское,
- пос. Барабашева Левада – село Барабаш-Левада,
- пос. Богуславский – село Богуславка,
- пос. Нестеровский – село Нестеровка,
- пос. Ново-Сергиевский – село Сергеевка,
- пос. Софие-Алексеевский – село Софье-Алексеевка,
- пос. Барановский-Оренбургский – село Барано-Оренбургское.
- пос. Нестеровский – село Нестеровка.

Последствия репрессий были таковы, что практически все исконное население из Богуславского посёлка и других станиц исчезло. Интересен рассказ выше упомянутого мною сельского жителя Богуславки Анатолия Горячева:

«Был я ещё подростком, когда в наш дом зашёл седой старик с бородой. Отец предложил ему присесть и налил ему чаю. Но он сказал, что зашёл ненадолго, просто посмотреть дом. Как оказалось, мы жили в его доме, а он сам был репрессированным казаком, который приехал специально посетить родные места, в которых родился, жил и растил детей».

Сегодня стало возможным не скрываясь, заявить о своих корнях. В годы советской власти принадлежность к казачеству не афишировалась, о ней старались забыть. В беседе с моим родственником Иваном Павловичем Плотниковым 1924 г.р., уроженца Богуславки, мне были переданы слова его отца, Плотникова Павла Михайловича, сказанные в начале 30-х годов: *«Ваня, забудь навсегда, что мы были казаки. Во всех анкетах пиши, а на вопросы отвечай: мы были хлеборобы».* Неудивительно, что мой дед до начала 90-х годов никому, даже мне не говорил о своем казачьем происхождении. Этому молчанию способствовали разгром казаков-поселенцев, учинённые в первые годы советской власти и те репрессии, которым он подвергся лично. Но времена меняются, и Память снова начинает жить. Доступны архивы, в 90-е ещё были живы очевидцы тех событий, и появляются новые публикации о славном прошлом казачьего Приморья. На этой волне возрождения Памяти о тех первых основателях посёлка Богуславский автор этих строк озаботился идеей увековечивания имён этих людей. С этим предложением я вышел на местного историка и почётного жителя нынешнего села Богуславка Анатолия Горячева.

После долгих переговоров и согласований было решено поставить Памятник казакам первопроходцам-основателям поселения Богуславское (фото 17). В этом нам помогла местная администрация, потомки казаков, которых мы разыскали через интернет, а так же неравнодушные жители села – сам Анатолий Горячев и супруги Байдраковы Виктор и Анна, Барабаш Инна. Без преувеличения будет сказано, что в создании принимал педагогический коллектив богуславской школы, другие жители. Но самое отрадное, что в строительстве принимали участие все школьники. Значит, дети интересуются своей историей и неравнодушны к прошлому своих мест. Финансовый вопрос решался следующим образом: деньги собирали всем миром. Большой вклад внёс житель села Кравцов Александр, пенсионеры Кореневы, внуки казаков Кореневых, ушедших в Манчжурию, сам автор и другие.

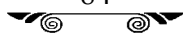

Фото 17. Памятник казакам-основателям Богуславки. Фото А. Горячева

И это стал поистине народный Памятник. Администрация помогала, как могла строительными материалами и другими ресурсами. Многие жители выходили в свои выходные дни для участия в подготовке площадки и проведении предварительных работ по облагораживанию участка.

В результате, благодаря совместным усилиям, 24 сентября 2014 года Памятник был торжественно открыт в присутствии главы Администрации района Тодорова Н.А., Атамана Уссурийского казачьего Войска полковника Мельникова О.А., музыкального фольклорного ансамбля из Нестеровки, жителей Богуславки и других сёл района (фото 18). На мемориальной гранитной плите выбита надпись: «Казакам-основателям поселения Богуславка. 1979 год». Ниже выгравированы фамилии первых поселенцев: «Аплачкины, Ваулины, Зиминны, Зыряновы, Ивановы, Кореневы, Кожевниковы, Пастухины, Плотниковы, Соснины, Федоревы, Ширины и другие...».

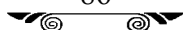

Фото 18. На открытии Памятника казакам-основателям Богуславки. Фото А. Горячева

В нижней части плиты находится изображение скачущего на конях казачьего войска. Открытие Памятника вылилось в поистине народный праздник, а в самом селе теперь имеется достопримечательность, рассказывающая об истории данных мест. Но мало рассказать об истории – её надо хранить и передавать нашим потомкам. Ведь история жива до тех пор, пока о ней помнят. А помнить надо нам.

Примечание:

1. Фото из личного архива автора.

3. ПУТЕШЕСТВИЯ, ОЧЕРКИ, РЕЦЕНЗИИ

Нина Громыко

Председатель городского общества
краеведов им. В.К. Арсеньева
г. Уссурийск, Россия

Путешествуем по Приморью. Анучино, Арсеньев, Чугуевка

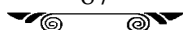
Сводки погоды в этот сентябрьский день указывали на облачность и небольшой дождь. Ранним утром, несмотря на этот неутешительный прогноз, уссурийские краеведы собрались в условленном месте в ожидании транспорта. А вот, наконец, и он. Оживлённая, шумная посадка, и за окнами замелькали сначала городские пейзажи, а затем поля, речки, перелески, словом, дорогая нашим сердцам природа. Приморская осень робко вступала в свои права. Середина сентября, а листва на деревьях ещё зелёная. Кое-где начинают желтеть ясени, маньчжурский орех и амурский бархат, они индикаторы осенних перемен. Вслед за ними меняют окрас клёны, которых в крае более десятка разновидностей.

Эта поездка должна была состояться ещё в апреле месяце, но неожиданно свалившаяся на наши головы пандемия спутала все планы. Библиотеки, музеи, театры и многое другое было закрыто. И только сейчас, в сентябре, нам сообщили, что Чугуевский музей (конечная точка нашего путешествия) готов принять нашу группу, в составе которой должно быть не более 15 человек, с обязательным соблюдением масочного режима. И вот мы в пути.

В автобусе идёт оживлённый разговор. После полугодового перерыва все рады видеть друг друга живыми и здоровыми. Что же случилось с нашей зелёной красавицей Землёй? Война с невидимым врагом. Человечество несёт потери. Словно разыгрывается какая-то фантастическая драма, только сценой является вся планета. Вспоминается, как совсем ещё недавно при встрече мы обменивались рукопожатиями, обнимались, чмокали друг друга в щёчку, дышали полной грудью, не шарахались в страхе от человека, который вдруг кашлянул или чихнул. Говорили ему «Будьте здоровы!» Неужели это всё осталось в прошлом? И что нас ждёт впереди?

Первая остановка в селе Анучино, административном центре Анучинского района. Село расположено на левом берегу реки Арсеньевки. До 1972 года село называлось Даубихе, так же как и река. Название населённый пункт получил в память о прапорщике Дмитрие Анучине, который в 1880 г. командовал строительством казарм и домов для офицеров на месте нынешнего села.

Идём по сонным утренним улочкам районного центра. Защёлкали фотоаппараты и телефоны – это мы подошли к местной православной церкви. Далее на пути встретился памятник партизанам, героям, погибшим в ходе Гражданской войны. В далёкие 20-е годы эта таёжная глубинка была оплотом партизанской войны с белогвардейцами и интервентами всех мастей. Здесь находился штаб партизан во главе с Сергеем Лазо. С великим почтением стоим у каменной фигуры партизана, устало облокотившегося на ствол винтовки. В очередной раз мы, потомки этих сильных людей, горячо любивших свою землю, гордимся ими. Вскоре встретился одноэтажный старый дом с голубыми ставнями на окнах и резными наличниками. Табличка гласила, что здесь в 20-х годах заседал штаб партизанских отрядов.

Продолжаем свой путь. А это памятник анучинцам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Солдат с винтовкой, вечный огонь и стела со списком павших защитников. 75 лет прошло со дня окончания, но народная память не скудеет. Каждая семья внесла свою лепту в Победу, кто-то отдал здоровье, кто-то жизнь. В любом городе и селе можно встретить памятник или обелиск в честь земляков, отдавших жизни за свою Родину. Почтили молчаливым память героев.

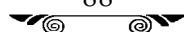

Недалеко от здания администрации района встретился памятный камень в честь князей Петра и Февронии Муромских, чудотворцев и заступников супругам, хранителям семейного благополучия. Скорее всего, здесь любят фотографироваться анучинские молодожёны, вышедшие из ЗАГСа.

А вот ещё один занятный памятный знак на нашем пути. Маленькая бронзовая пчёлка сидела на бронзовой ветке, а с бронзовой ложки в бронзовый бочонок с надписью «Анучинское медовое раздолье» стекал бронзовый мёд. Памятник пчеле! Краеведы облепили его. Да, это насекомое все уважают и любят за его сладкий душистый медок, а памятник пчёлке догадались поставить лишь анучинцы. И вновь защёлками фотоаппараты и телефоны.

Наконец мы добрались до историко-краеведческого районного музея, который расположен в деревянном одноэтажном здании по улице Лазо, 6. Само название улицы уже настраивает нас на знакомство с историей приморской глубинки. Музей молодой, ему 15 лет, несмотря на это в его стенах собрано много интересных, порой уникальных экспонатов. Заведующая Татьяна Николаевна Зорина любезно провела с нами экскурсию. В музее несколько залов: «Анучинский район в древности», «История переселения из западных районов страны в Приморье и Анучинский район», «Гражданская война. Освобождение

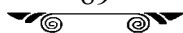
Приморья и Анучинского района от интервентов и белогвардейцев», «Зал Боевой Славы», «Флора и фауна Приморья и Анучинского района», «Выставочный зал».

Работники музея проводят большую работу по патриотическому воспитанию молодёжи и населения района. Встречаются со школьниками, совместно с паспортно-визовой службой вручают в «Зале Боевой Славы» первые паспорта молодым анучинцам. Проводят выездные экскурсии по памятным местам района.

С большим интересом осмотрели музей. Особенно нас впечатлил зал посвящённый партизанской войне. Очень сожалели, что не было времени познакомиться с экспонатами поближе. Впереди нас ждала дальняя дорога.

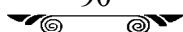
Выезжая из Анучино, мы, конечно же, не могли пропустить известный Анучинский родник «Тигриная морда» и не попробовать его водички. Это место очень популярно не только у анучинцев, но и всех приморцев. Очень любят фотографироваться у родника молодёжны.

Рядом проходит трасса Осиновка-Рудная пристань, и проезжающие по ней часто останавливаются. Предприимчивые анучинцы установили здесь прилавки и торгуют овощами, мёдом, дарами уссурийской тайги.

Следующий пункт нашего путешествия – город Арсеньев и его сопка Увальная, на которой стоит памятник известному исследователю Дальнего Востока В.К. Арсеньеву и проводнику охотнику-гольду Дерсу Узала, который сопровождал Владимира Клавдиевича в опасных экспедициях. Высота памятника около четырёх метров. Рядом каменная глыба, на которой высечен барельеф Дерсу. Памятный комплекс был установлен в 1972 году в честь столетия со дня рождения В.К. Арсеньева на средства жителей города и научной интеллигенции края. Наша поездка приурочена к 148-летию со дня его рождения. Краеведы возложили букет осенних цветов к ногам великого человека, полюбовались с высоты видом города, названного в честь исследователя, и отправились дальше – в село Чугуевку. Погода нам сопутствовала: то солнышко выглянет, то появятся легкие тучки, немного поморосил дождь. Но мы находились в хорошем настроении, в отличном автобусе с приятным опытным водителем. Проезжаем Яковлевский район. Серпантин дороги тянется на перевал. Поглядываем с опаской в окно автобуса. Крутовато. Но зато какой замечательный вид открывается на горы Сихотэ-Алиня покрытые тайгой. Вдоль дороги растут кедры. Приглядываемся в надежде увидеть шишки. Перевал позади, спускаемся в долину.

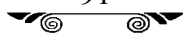
Вскоре въехали в село Чугуевка. В центре посёлка в 2-х этажном здании располагается музей имени А.А. Фадеева, который можно узнать по бюсту писателя, стоящего на высоком постаменте. Экскурсовод Светлана Анатольевна провела с нами обзорную экскурсию по залам музея. С большим интересом прослушали историю жизни советского писателя классика Александра Александровича Фадеева. Жизнь яркую, наполненную интересными событиями и трагически закончившуюся. Познакомились с документами и фотографиями, размещёнными на стендах музея. Как известно, родился писатель в 1901 г., г. Кимры Тверской области. В 1908 г. семья переехала в Приморский край. В 1912 г. они поселились в с. Чугуевка, где его мама стала работать фельдшером. Здесь прошли детские годы Саши Фадеева. С 1912 по 1918 год Фадеев учился во Владивостокском коммерческом училище, однако обучение не закончил, решив посвятить себя революционной деятельности. Ещё учась в училище, Саша выполнял поручения подпольного комитета большевиков. В 1918 году вступил в РКП(б) и принял партийный псевдоним **Булыга**.

Привязанность к далёкой приморской глубинке писатель пронёс через всю жизнь. Чугуевцы гордятся талантливым земляком. Да и мы всегда считали его своим дальневосточным писателем. Много интересного узнали мы в этот день об А. Фадееве. О его работе над известным романом «Молодая гвардия», который не только прославил автора, но и доставил ему много тяжёлых переживаний и критики.

И, наконец, мы узнали правду о его трагическом уходе из жизни. На одном из стендов висит копия предсмертного письма писателя, адресованное ЦК КПСС. О существовании этого письма исследователи узнали лишь после 90-х годов, когда был открыт доступ к партийным архивам. Вот небольшая выдержка из него: «Не вижу возможности дальше жить, т.к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы ... физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди умерли в преждевременном возрасте; всё остальное мало-мальски способное создать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет. Литература – это святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых «высоких» трибун – таких как Московская конференция или XX съезд партии – раздался новый лозунг «Ату, её!»...

Очень горько было читать эти строки. Талантливый писатель, сильная личность! Как-то он сказал «Моё счастье – в творчестве». Не стало творчества, и жизнь потеряла смысл. Александр Фадеев оставил нам достойное литературное наследство: повесть «Разлив», романы «Разгром», «Последний из Удэгэ», «Молодая гвардия». К сожалению, роман «Чёрная металлургия» ему не удалось окончить.

В музее есть также залы, посвящённые истории Чугуевского района. После Анучино, где память о Гражданской войне и партизанской борьбе за освобождение Приморья на высоте, нам захотелось узнать, а как с этим обстоит дело в Чугуевке. Светлана Анатольевна под напором наших просьб была вынуждена провести нас к памятнику «Героям Гражданской войны». Зрелище, скажем прямо, неприглядное. Стоит фигура партизана с проломленной головой. Как рассказала экскурсовод, кто-то пустил слух, что в его голове находится клад. И три года назад ночью ему проломили голову, ничего не найдя, вандалы расписали памятник красками. Краску отмыли, но до сих пор в казне нет средств на реставрацию.

Вскоре мы распрощались со Светланой Анатольевной, замечательным человеком, влюблённым в музейное дело и в свою малую родину.

Программа поездки была такой насыщенной, что перекусить удалось только на обратном пути в с. Сысоевке. Все с благодарностью вспоминали анучинскую пирожковую «Колобок», где утром удалось перехватить свежие пирожки. Но сильного голода не чувствовалось, т.к. все были переполнены информационной и духовной пищей, которая не менее важна для человека, чем хлеб насущный. В автобусе подвели итоги поездки. Все участники признали, что было здорово! Многие увидели, многое узнали, отдохнули и получили большое удовольствие от общения друг с другом. Родной город встретил нас вечерними огнями.

Примечание:

1. Фото из личного архива Н.В. Громыко.

Сергей Кожин

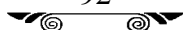
Специальный корреспондент
газеты «Владивосток»,
Приморский край, Россия

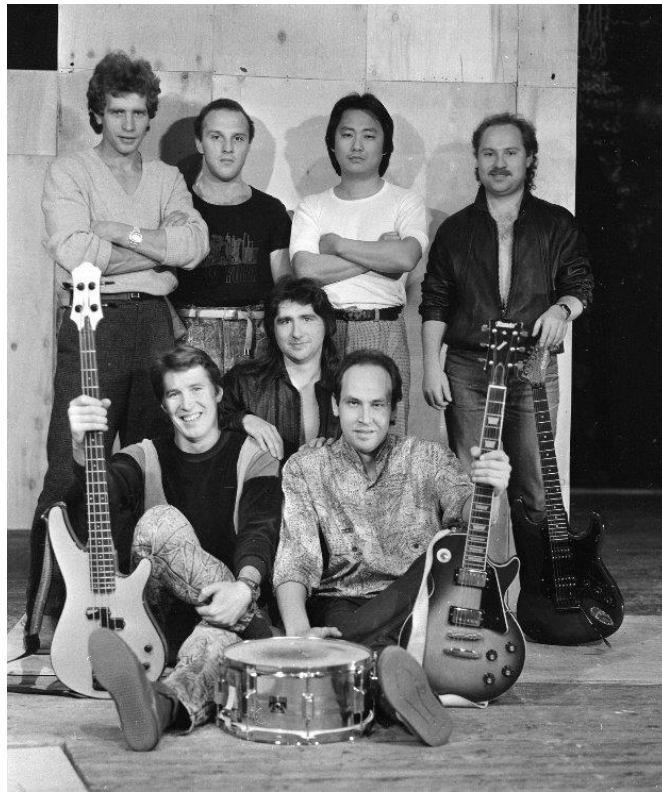
Рок-фест в закрытом городе

Пятнадцать лет назад, 15–16 сентября 1990 года, во Владивостоке на водной станции КТОФ состоялся первый советско-японский фестиваль рок-музыки под девизом «Во имя всемирного отказа от войн». Мероприятие для того времени и для нашего региона почти фантастическое, которое могло бы не случиться, если бы не... министр иностранных дел СССР Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Можно сказать, что он оказался в нужное время и в нужном месте.

Театр и «Дождь» – продуктивный альянс

Инициатором проведения международного музыкального форума стал режиссёр японского театра «Мингей» Рюичи Симидзу. Он дружил с главным режиссёром Приморского краевого театра юного зрителя имени Ленинского комсомола (ныне Театр молодёжи) Леонидом Анисимовым. Благодаря дружеским и партнёрским отношениям, господин Симидзу поставил спектакль во Владивостоке, а Леонид Анисимов – в Токио. Симидзу-сан отлично знал русскую культуру и русский язык. В те годы, когда происходили описываемые события, его часто приглашали на переговоры самого высокого и даже правительственного уровня в качестве переводчика. Он соглашался, если ему это было интересно. К примеру, он работал на гастролях в Японии Аллы Пугачёвой. Как-то в очередной приезд господина Симидзу во Владивосток, Анисимов познакомил его с Сергеем Паком, художественным руководителем группы «Дождь», работавшей в составе коллектива Приморского краевого театра имени Ленинского комсомола с июня 1987 года.

*Группа «Дождь»: Пётр Сёмин, Олег Криволапов, Сергей Пак, Игорь Петренко (стоят)
Александр Артамонов, Сергей Шамов, Дмитрий Данский*

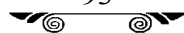
Это был продуктивный творческий альянс. Музыка и песни, написанные музыкантами «Дождя», стали гармоничной частью пяти аншлаговых постановок: трагического фарса Семёна Злотникова «Терех», сказки «Снежная королева», пьесы польского драматурга Иренеуша Иредыньского «Прощай, Иуда!», пьесы по роману Германа Гесса «Степной волк» и спектакля «Ювенильное море» по роману Андрея Платонова. Эту постановку театр возил на фестиваль в Москву в октябре 1988 года. Столичные критики и зрители высоко оценили игру актёров и музыкантов, которые на правах полноправных участников тоже выступали на сцене прославленного Центрального детского театра. При этом сочинение и исполнение музыки не было основной работой талантливого коллектива. Можно сказать, что группа «Дождь» музицировала в театре по совместительству.

На тот момент вокалист и гитарист Пётр Сёмин заведовал археологическим музеем ДВГУ. Басист Александр Артамонов в этом же вузе руководил лабораторией факультета журналистики. Гитарист Сергей Пак – кандидат физико-математических наук, возглавлял лабораторию ТИПРО. Кроме того, он руководил ТОО «Центр творчества XXI век», размещавшегося в здании театра. Также в состав группы входили Игорь Петренко, Дмитрий Данский – клавишники, Олег Криволапов – барабаны, Сергей Шамов – звукорежиссёр.

Пикассо позавидовал бы Серову

Но, вернёмся к первой встрече режиссёра Рюичи Симидзу с Сергеем Паком, худруком группы «Дождь». Именно тогда японец предложил главному режиссёру нашего ТЮЗа Леониду Анисимову провести во Владивостоке советско-японский музыкальный фестиваль. Поскольку Анисимов был далёк от музыки, и у него было много работы в театре, то предложение японского друга он переадресовал Паку, уже как руководителю ТОО «Центр творчества XXI век». Отказа не последовало.

Подготовка к фестивалю началась примерно за семь месяцев до его официального открытия на Водной станции КТОФ. Первым делом был сформирован международный оргкомитет мероприятия, в который с японской стороны вошли: Рюичи Симидзу, три продюсера из Токио, представитель японской государственно-общественной центральной телерадио-

компании НК. Со стороны Советского Союза – Леонид Анисимов, Сергей Пак, представитель ПО «Приморскстройтранс» – спонсора фестиваля. Возглавил интернациональный оргкомитет Владимир Кириллович Батулин, заместитель председателя Приморского крайисполкома. Его участие повысило статус оргкомитета и даже помогло открытию мероприятия.

На фестивале работало несколько переводчиков с японского и английского языков, в том числе Дмитрий Коваленин – преподаватель ДВГУ, переводчик Харуки Мураками, классика современной японской литературы. Из сотрудников ТОО «Центр творчества XXI век» (фактически из музыкантов «Дождя») была сформирована рабочая группа по организации фестиваля. Как вспоминал Александр Артамонов, у каждого был свой блок ответственности. Ежедневно утром и вечером проводились планёрки, на которых обсуждались итоги сделанного, и рабочие планы, где последнее слово всегда было за Сергеем Паком, поскольку он отвечал за проведение международного феста.

Для решения поставленных задач члены рабочей группы привлекли друзей и знакомых. И это было закономерно. Владивосток – город маленький, где, благодаря неформальным отношениям и связям, можно разрулить любые проблемы. Так, Александр Артамонов подтянул своих друзей, Эдуарда Климова и Александра Борисенко (среди друзей известного как Борис), штатного художника Дальзавода. Климов отвечал за изготовление печатной продукции, бейджей, плакатов, пригласительных билетов. Борисенко помогал Артамонову в изготовлении футболок с оригинальным логотипом фестиваля – гибридом голубя мира и хэвиметаллической «козы» вместо крыльев. Необычную фестивальную птичку, которой мог бы позавидовать сам Пабло Пикассо, придумал и нарисовал известный владивостокский художник Виктор Серов. Он тогда работал художником-оформителем во Владивостокском цирке. В свою очередь Серов пригласил для участия в проекте своего друга Андрея Тучина (1). Он не был профессиональным художником, он тогда работал на «Дальзаводе», и у него был дар шрифтовика.

– *«Мы с Тучиным были командой, которая оформляла весь фестиваль. Пахали дни и ночи. Рекламные плакаты в городе и банеры на сцене расписывали кисточками на грунтованном холсте. Подрамники делала мастерская ТЮЗа. Иной технологии наружной рекламы тогда не было. По крайней мере, во Владивостоке. Я сейчас это вспоминаю и думаю, какой это был ужас! Это была адская работа. Один я бы с ней не справился»*, – рассказал Виктор Серов.

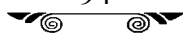
Девушек обаял и не обманул

По воспоминаниям Сергея Пака известно, что футболки с эмблемой фестиваля изготовили на артемовской трикотажной фабрике незадолго до её закрытия по причине банкротства. Это сегодня почти у каждого праздника и мероприятия, даже не музыкального, есть своя сувенирная продукция с логотипом акции: брелоки, значки, календарики и календари, ручки, пакеты, блокноты, буклеты, бейсболки, футболки и т.д. Но в 1990-м году, когда слова «мерчандайзинг» даже не существовало в лексиконе советских людей, изготовить во Владивостоке те же футболки с символикой фестиваля рок-музыки было очень непросто, почти невозможно. Тем более в сжатые сроки, без оформления предварительного заказа и предоплаты. Ситуацию спас Александр Борисенко.

По словам Сергея Пака, у Бориса голос такой же бархатный, как у артиста Николая Караченцова, в те годы очень популярного. И ещё у него исключительный природный дар позитивного общения с людьми, перед которым невозможно устоять. Артамонов с Борисенко поехали в Артём на фабрику, и через полчаса Борис обаял, буквально влюбил в себя, весь её женский коллектив, включая начальство. После чего футболки с фестивальной эмблемой были изготовлены в нереально короткие сроки.

Рассказывает Александр Борисенко:

– *«Приехали мы на фабрику, зашли в цех, а там, как в городе невест Иваново, одни девушки и женщины. Я им говорю: «Девочки, приглашаем вас на фестиваль. Но, чтобы он состоялся, нам срочно нужны футболки с напечатанным логотипом. Трафареты со мной». Девочки в ответ: «Мы срочно не сможем, работы много». Но потом вспомнили про невыкупленный контейнер футболок, сшитых по заказу американцев и по американским лекалам. Ткань тоже импортная, по-моему, из Китая. Футболки были белого цвета, длинные, как*

ночные рубашки, тогда это было модно. Нам сказали, что они немного дороже, чем обычные. Образцы показали Паку. «Будем брать», – сказал Пак. Я вернулся на фабрику и говорю: «Девчонки, берём! Будет вам фестиваль!» И они сначала поставили трафарет на белых футболках, потом мы доказывали коричневые и чёрные, но уже из ткани попроще. Футболки дарили гостям и музыкантам. Старшеклассники, привлечённые горкомом комсомола, продавали футболки на набережной Спортивной гавани. Контейнер разлетелся за несколько дней. Но мы успели взять по одной-две футболки. Лет пять назад я видел белую футболку где-то дома. Качество ткани настолько было классное, что она не линяла, и рисунок на ней сохранился после многочисленных стирок. Александр Борисенко».

Пригласительные билеты на фестиваль Борис на фабрику всё-таки привёз, не обманул красавиц. Историю про американские футболки продолжает Сергей Борисович Пак:

– «Мы носили их лет двадцать. Возможно, у кого-то они ещё сохранились. Чёрные и коричневые футболки были простецкие, а белые – такого уникального качества, которое я даже сегодня редко встречаю на какой-нибудь импортной футболке. Это был 100-процентный белоснежный и очень крепкий хлопок».

Также на владивостокской фарфоровой фабрике были изготовлены небольшие вазочки с символикой и видами Владивостока. Их дарили участникам фестиваля.

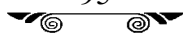
Три палки сервелата на весь фестиваль

Помимо сувенирной продукции перед Сергеем Паком и его командой стояла ещё одна сверхзадача – организация питания музыкантов на концертной площадке и банкетов в честь гостей из Японии. Что тоже было проблематично. Если кто забыл, напомню, что на закате существования Советского Союза подавляющая часть населения нашей страны, не исключая Владивостока, отоваривалось продуктами по талонам. Либо в коммерческих отделах, открывшихся едва ли не в каждом магазине. И цены там для большинства граждан были неподъёмными, наглядно иллюстрируя поговорку, «видит око да зуб неймёт». К примеру, бутылка грузинского вина «Ркацетели» в коммерческом отделе стоила 10 рублей, водка – 25 рублей, коньячный напиток – пять рублей. А в обычных продовольственных магазинах на прилавках было пусто. Водки и сигарет в свободной продаже не было, по нормальной цене их можно было купить только по блату.

И вновь друзей выручил Александр Борисенко. Его отец был военным и со связями в «Военторге», поэтому на военных продовольственных складах Борис был своим человеком. Отсюда спиртное, сервелат и прочие вкусности на столах японских гостей. Креветки и крабы покупали с рук.

Как ныне вспоминает Борисенко, на Водной станции КТОФ музыкантов обслуживали матросы и пожилая буфетчица из «Военторга». Она резала дефицитную колбасу невероятно острым ножом, заточенным по особой схеме, да так тонко, что ароматные кружочки просвечивались. Благодаря этому «ноу-хау» трёх палок колбасы хватило, чтобы накормить бутербродами всех музыкантов. И ещё продать зрителям здесь же, в буфете.

– «Я был поражён, как она ловко стругала колбасу. Мы тогда орали, у вас что, нож волшебный? А буфетчица смеялась и говорила, что ещё нам домой хватит. Так оно и получилось. Вино покупали из-под полы у знакомых грузчиков в «Мао Цзэдуне». Так наши остро-словы прозвали вино-водочный магазин на Ленинской, рядом с магазином «Спорттовары», если идти в сторону кинотеатра «Океан». Почему «Мао Цзэдун», не знаю. Помню, что над входом в магазин висели огромные искусственные гроздья чёрного винограда. С грузчиками познакомились, благодаря нашему другу, художнику Евгению Макееву. Он с напарником расписывал внутренний зал этой торговой точки под виноградники Грузии. Короче, в нашем городе всё взаимосвязано. Ещё помню, как перед началом фестиваля купили 40 литров вина на разлив из цистерны на железнодорожных путях на Седанке. Там тогда весь город покупал. Мы вино пили с японскими музыкантами и журналистами. Водку тоже пили, было очень весело. После третьей рюмки многие из наших стали говорить на японском языке, хотя до этого не понимали ни слова, – улыбается Борисенко, вспоминая события 30-летней давности.

Уникальные записи сохранились

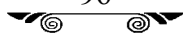
Фото 2. Корреспондент Приморского радио Татьяна Литвищенко берёт интервью у Рюичи Симидзу

Чтобы отобрать лучших музыкантов для выступления на фестивале, «Центр творчества XXI век», совместно с Татьяной Литвищенко, звукорежиссёром музыкальной редакции художественного вещания Приморского радио, организовали конкурс фонограмм среди групп, изъявивших желание выступить на первом международном музыкальном форуме во Владивостоке. Для этого в студии «Центра...», с мая по июнь 1990 года, было прослушано и записано около 40 команд, среди них «Эмилия», «Экватор», «Гуинплен», «Телехрам», «Братья Карамазовы», «Трек» (г. Хабаровск), «Третья стража», «Листья травы», «Извне», «Рваные вены», «Воскресная площадка», «Неон», «Шок», «Курс» (г. Дальнереченск), «Транзит» (пос. Новый), «Пионер» (г. Находка) и т.д.

Рокерам предоставлялась возможность бесплатно записать два-три своих хита на стереомагнитофоне «Иссык-Куль 001». На запись одной группы уходило не более двух дней. Добиваясь от будущих участников фестиваля качественной фонограммы, звукорежиссёр Сергей Шапов и его помощники, музыканты Олег Криволапов и Дмитрий Данский, работали в студии весь день, иногда до ночи. В дальнейшем эти песни каждую субботу звучали в программе «Камертон» Приморского радио. Для самодеятельных групп это был уникальный промоушен своего творчества в масштабах края.

Горнило отборочного тура прошли только 11 коллективов. Большинство команд, претендовавших на участие в фестивале, сегодня канули в Лету. Но эти исторические аналоговые записи сохранились у звукооператора студии «Центр творчества XXI век» Сергея Шамова. Если их оцифровать, сделать мастеринг и перенести на компакт-диск или даже на винил, то для искусствоведов, журналистов, музыкантов и всех, кто интересуется культурой Приморского края, это был бы неоценимый материал для изучения.

Любопытный факт. Известная сегодня группа «Мумий Тролль» тоже захотела попасть на фестиваль. Но, по словам Сергея Шамова, ей отказали даже в записи фонограммы. У музыкантов был школьный уровень игры на инструментах.

Эпатажную владивостокскую панк-группу «Туманный стон» (вокалист Леонид «Шлеп» Штительман) до записи в студии тоже не допустили из-за неумения обращаться с музыкальными инструментами. Чтобы попасть на фестиваль, «туманники» решили схитрить, часть музыкантов влилась в состав группы «Рваная вена».

– «Приёмом заявок претендентов на участие в фестивале занимался Александр Артамонов. Помню, «Рваная вена» была довольно озорным коллективом. Я как раз был «за», чтобы их протащить на фестиваль. Мне понравилась их песня про армию, и ещё две прикольные песни. Но отборочная комиссия решила, что им нечего делать на международном фестивале», – вспоминал Сергей Шамов.

Пока мы обсуждаем, молодёжь уже делает

Для выступления во Владивостоке японские музыкальные продюсеры и телерадиокомпания NHK выбрали четыре коллектива из Токио: хард-рокеров «Gang For Children» и «Marguee Moon», группу «Vaniti», поклонников рок-н-ролла и поп-музыки, и студенческую панк-группу «Stockholm Appeal». Позже лидер группы и пацифист Кимура Томохико объяснил советским журналистам свою приверженность к запрещённому в СССР панк-року. По его убеждению, до молодёжи, которой близок панк, через эту музыку легче всего донести идеи мира.

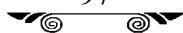

Фото 3. Группа Gang For Children (Япония)

– «Это были коллективы, у которых не было контрактов со звукозаписывающими компаниями. По их мнению, контракт – это творческая зависимость от лейбла, когда играть и выглядеть надо так, как это коммерчески выгодно. А это уже музыкальное рабство. Но они были антикоммерческими, то есть независимыми группами. Что касается их профессионального уровня, то это отличные команды, они здорово играли, здорово пели, здесь вопросов не было», – вспоминал Сергей Пак в сентябре 2020 года.

Примечательно, что желание японцев выступить в России было так велико, что вокалист «Stockholm Appeal» Такаюки Сато отправился во Владивосток со сломанной ногой.

Чтобы доставить из Японии во Владивосток музыкантов, продюсеров и журналистов, организаторы фестиваля со стороны Советского Союза зафрахтовали теплоход «Юрий Трифонов» на Сахалине в городе Холмске. С фрахтом помог Михаил Дмитриевич Данский, капитан-наставник компании «Сахалинрыбпром», отец Дмитрия Данского, клавишника группы «Дождь».

– «Морское агентство «Сахалинрыбпрома» находилось во Владивостоке. Я спросил у отца: – Нет ли у вас судна, на котором перевозят экспедиции, рыбаков или пассажиров? «Как же нет? Есть теплоход «Юрий Трифонов», – отвечает отец. Тогда я говорю: – Это то, что нам нужно. Конечно, это не 5-ти звёздочная гостиница, но нам лучше и не надо: у рокеров требования демократичные. Кроме того, музыканты могли жить в комфортабельных каютах, питаться и отдыхать в клубе здесь же на судне. Это отбрасывало в сторону многие бытовые проблемы плюс безопасность. Если помните, что в те годы во Владивостоке начинался разгул бандитизма, например, у моряков заграничеплыва отбирали машины. Каждый день то одного прохожего ограбили, то другого побили. Если бы наши гости жили в разных местах города, то было бы тяжело обеспечить их безопасность. А так они все были у нас под контролем в замкнутом пространстве», – рассказывал Дмитрий Данский в ноябре 2020 года.

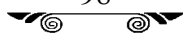
Фото 4. Теплоход «Юрий Трифонов» доставил японскую делегацию во Владивосток

С оформлением виз в Россию у японцев проблем не было. Но советские пограничники дальше Находки теплоход с иностранцами на борту не пустили. Международный фестиваль был на грани срыва.

Напомним, что описываемые события происходили в 1990-м году, когда Владивосток, на тот момент секретная военно-морская база Тихоокеанского флота, был закрыт не только для зарубежных гостей, но и для граждан Советского Союза, не имеющих в паспорте штамп о прописке в столице Приморья. До подписания Борисом Ельциным Указа № 123 от 20 сентября 1991 года, разрешающего пускать иностранцев во Владивосток для посещения и проживания, оставался ровно год.

И в тоже время закрытый режим и секретность не помешали провести во Владивостоке в первых числах сентября 1990 года вторую международную встречу «АТР: диалог, мир, сотрудничество», на которой присутствовало свыше 300 учёных, политиков, бизнесменов из 24 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Америки и Европы. Не исключено, что среди гостей были сотрудники иностранных спецслужб. Советскую делегацию на форуме возглавлял Министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе.

О запрете на посещение японскими музыкантами Владивостока Владимир Батурин, заместитель председателя Приморского крайисполкома и председатель оргкомитета фестиваля, рассказал кому-то из окружения Эдуарда Амвросиевича. В свою очередь человек, «приближенный к императору», доложил о тупиковой ситуации своему боссу. Шеварднадзе

проблему прочувствовал и, выступая на очередном заседании форума, произнёс примерно следующее:

– *«Пока мы с вами обсуждаем будущее международного сотрудничества, во Владивостоке молодые люди уже делают конкретные дела по укреплению мира и дружбы между странами АТР. Поэтому давайте их поддержим и дадим «добро» на проведение советско-японского музыкального фестиваля».* После этого заявления Министра иностранных дел Советского Союза пограничникам и таможене ничего не оставалось, как взять под козырёк, и через некоторое время «Юрий Трифонов» пришвартовался у причала Морского вокзала Владивостока. Музыканты и часть журналистов остались жить на теплоходе, продюсеров и сотрудников телерадиокомпании ННК поселили в номерах на третьем этаже в доме переговоров.

«Солянка» из аппаратуры

Водную станцию КТОФ в качестве места проведения организаторы международного фестиваля выбрали не случайно. Хорошая акустика плюс трибуны и асфальтированная площадка перед сценой могли спокойно принять до пяти тысяч зрителей. Изолированная со стороны моря, прикрытая высокой отвесной скалой со стороны города, со строгими контролёрами на двух входах, территория станции практически была недоступна для безбилетников. Иными словами, это было идеальным местом встречи музыкантов двух стран.

Между тем не всем понравилось, что объект Министерства обороны СССР будет использован для данного мероприятия. Так, один из контр-адмиралов КТОФ без обиняков заявил, что Япония – это потенциальный противник Советского Союза. И что с этой страной у нас до сих пор не подписан мирный договор. Отсюда негативное отношение некоторых наших высокопоставленных военных к фестивалю и к гостям из Страны Восходящего солнца.

Это в 2000-х годах корабли сил самообороны Японии станут периодически посещать Владивосток с дружескими визитами, а жители краевого центра оценят японское гостеприимство и вкус настоящего саке на борту фрегатов под японским флагом. Со временем эти встречи станут обыденными для наших стран, разделённых Японским морем. Но в сентябре 1990-го организаторам первого советско-японского фестиваля рок-музыки с большим трудом удалось уговорить военных не ставить палки в колёса первопроходцам народной дипломатии между СССР и Японией, а также интернациональным культурным связям.

Охрану и сопровождение зарубежных гостей обеспечивали сотрудники правоохранительных органов под руководством начальника уголовного розыска Фрунзенского района Владивостока подполковника милиции Сергея Анатольевича Пацюка. Не забывайте, что это было начало «лихих» 90-х, и криминальных элементов во Владивостоке было предостаточно, от которых можно было ожидать чего угодно. К счастью, противоправных эксцессов против японской делегации не было ни на фестивале, ни за пределами концертной площадки.

Чтобы обеспечить достойный уровень и качество звука на концерте под открытым небом, нужна была мощная и качественная аппаратура. Но во Владивостоке до этого случая никто подобными масштабными проектами не занимался. Поэтому необходимого количества светотехники и звуковой аппаратуры в городе не было. Даже в студии MSM известного во Владивостоке дискотечника Алексея Макаренко, которая в те годы только начинала раскрываться, поэтому пришлось устроителям мероприятия собирать аппаратуру, что называется, с миру по крупице. Усилители, кабели, барабаны, колонки и другие примочки предоставила группа «Атлас». Недостающую аппаратуру взяли напрокат у музыкантов в Артёме и даже привезли самолетом из Комсомольска-на-Амуре. Результат этой работы – солянка из световой и звуковой техники, к которой не было претензий ни у русских, ни у японских музыкантов.

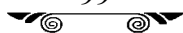

Фото 5. Группа «Атлас» – Александр Блинов, Юрий Шахнович, Валерий Ромашов

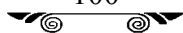
Слышал ли ты «Дождь»?

Накануне первого фестивального дня, в пятницу вечером, на Владивосток налетел шквальный ветер, а ночью хлынул ливень. Штормило даже в субботу утром. Хорошо, что рабочие не натянули тент над сценой, иначе его бы унесло в море. Фестивальную сцену украшали флаги СССР и Японии, а также баннер с названием спонсора международной акции.

В субботу концерт начался в 18 часов и шёл почти 5 часов. На правах принимающей стороны мероприятие открывала группа «Дождь» балладой «К тебе» (вокалист Пётр Сёмин). Далее следовала композиция «Спешащие люди» в жанре арт-рок и песня «Тень». Это был отрепетированный материал из запланированного к выходу альбома, который, к сожалению, так и не появился на компакт-диске. Но его запись сохранилась.

По словам очевидцев, оригинальные, виртуозно исполненные композиции «Дождя», понравились зрителям. Между тем корреспондент «Российской музыкальной газеты» М. Насардинова, присутствовавшая на фестивале, позже напишет, что группа «Дождь» «повышенным вниманием к текстам и музыкой вызывала ностальгию по «Машине времени». С этим суждением невозможно согласиться. В джаз- и арт-рок композициях «Дождя» можно услышать отголоски произведений групп Yes и Genesis, музыкантов Чика Кория или Стенли Кларка, но никак не Андрея Макаревича, чьё музыкальное творчество тяготеет более к шансону и к дворовым песням под гитару на лавочке, чем к рок-музыке. Поэтому «Машина времени» здесь даже близко не проезжала.

С наступлением темноты музыкантов освещали цветные софиты. Подобного рок-шоу Владивосток ещё не видел. Во время концертов трибуны Водной станции ТОФ и площадка перед сценой были заполнены примерно на две трети. Что наглядно иллюстрировало интерес

жителей Владивостока к мероприятию, в основном молодёжи. Каждую песню зрители принимали одобрительными хлопками, выкриками и возгласами. Многие танцевали.

Бурей аплодисментов поклонники рок-музыки приветствовали и провожали со сцены группу «Трек» из Хабаровска, хард-рокеров Gang For Children и студенческую панк-группу Stockholm Apeal из Японии. После выступления японской команды Vaniti, проповедующей рок-н-ролл и поп-музыку, зрители пять минут скандировали её название, не отпуская музыкантов со сцены.

Не менее эмоционально публика оценила игру коллективов из Владивостока «Воскресная площадка», «Извне», «Эмилия», «Чёрный аППостол», «Восточный синдром» из Магадана, Noise Project из Уссурийска.

Группа «Атлас» выступала на второй день феста. И хотя в репертуаре коллектива были поп-песни с элементами рок-музыки и даже джаза (к этому сплаву тяготел гитарист группы Геннадий Привалов), тем не менее, выступление «Атласа» и его вокалиста Валерия Ромашова, исполнившего песню «Я убил дождь», стало украшением фестиваля. И это не удивительно. Валерий – финалист отборочного тура 5-го Всесоюзного фестиваля молодых исполнителей советской эстрадной песни, состоявшегося в Ялте в августе 1990 года. Он пел и танцевал так красиво, будто вновь оказался на сцене «Ялты – 90».

Два дня концерты проходили при полном единении музыкантов и зрителей. В воздухе витал дух всемирного братства рокеров всех стран. В знак дружбы и в качестве оценки мастерства Тако, барабанщик одной японской группы, подарил коллеге из группы «Дождь» Олегу Криволапову барабанную тарелку швейцарской фирмы Paiste. По тем временам это был королевский презент, который сохранился до наших дней.

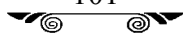
По мнению члена оргкомитета первого советско-японского фестиваля рок-музыки Сергея Пака, озвученного в СМИ, уровень исполнительского мастерства советских и японских музыкантов был одинаков. И никто не обгонял никого на голову. В тоже время Геннадий Привалов, талантливый гитарист группы «Атлас», считал, что советские музыканты лучше играют рок, чем японцы. Иными словами, фестиваль никого не оставил равнодушным. И у каждого было своё мнение о мастерстве его участников.

Кстати, владивостокская команда «Седьмой прохожий», получившая хорошие отзывы на конкурсе фонограмм, не попала в плей-лист концерта по... собственной инициативе. Хотя название группы уже было зафиксировано на афишах. За несколько дней до начала фестиваля «прохожие» улетели по приглашению завоевывать поклонников в Германии. Говорят, что немцы их неплохо приняли.

Пресса и музыканты работали безвозмездно

Интерес прессы к международному музыкальному форуму в закрытом городе Владивостоке был на международном уровне. Напомним, что из Страны Восходящего солнца вместе с музыкантами прибыли представители японских СМИ. При содействии выпускника ДВГУ Максима (Макса) Немцова, переводчика с английского, автора и редактора самиздатовского журнала «ДВР», посвящённого культуре российского андеграунда, из Петербурга на фестиваль прилетел музыкальный журналист, продюсер, историк отечественной рок-музыки Андрей Бурлака. Из Москвы – Сергей Антипов (2), ведущий и режиссёр суперпопулярной передачи «Программа “А”», выходившей на Первой программе ЦТ, на каналах РТР и ТВ Центр. Передача специализировалась, в первую очередь, на необычных и перспективных музыкальных явлениях, альтернативной и некоммерческой музыке, русском роке.

По словам Сергея Пака, Сергей Антипов, человек просвещённый и искушённый в отечественной рок-музыке, в её направлениях и течениях, с восторгом отзывался о фестивале и об уровне её участников как российских, так и японских. Особенно ему понравилась владивостокская группа «Воскресная площадка» и исполнительское мастерство её фронтмена, саксофониста Алексея Болткова (3). Правда, режиссёр «Программы “А”» сожалел о том, что ему не удалось снять фильм о фестивале из-за неудовлетворительного освещения сцены. Для музыкантов и зрителей свет был приемлемым, но для съёмки профессиональной камерой не годился. Впоследствии выйдет репортаж, посвящённый первому советско-японскому фестивалю рок-музыки, где Сергей Пак отвечает на вопросы ведущего «Программы “А”».

Кстати, Сергей Антипов и Андрей Бурлака работали на фестивале безвозмездно, ради собственного интереса и удовольствия. Музыканты, как русские, так и японские, также играли без гонорара. Деньги за работу получили только технические специалисты.

Фотографии и фильм на память

Местные СМИ также не остались в стороне от мероприятия. Так, Творческое объединение «Радуга» Приморского телевидения в течение двух дней скрупулёзно фиксировало выступление музыкантов для своих будущих передач. На Приморском радиожурналисты редакции художественного вещания Татьяна Литвищенко и Александр Брюханов, ныне директор Приморской публичной библиотеки им. М.Горького, подготовили радиопередачу «Рок-прорыв через океан», основанную на интервью с российскими и японскими музыкантами. Хотя, учитывая местные географические реалии, передачу правильнее было бы назвать «Рок-прорыв через Японское море». Но, как говорится, хозяин – барин.

– *«Я хорошо помню этих японцев, они были как древние айны, волосатые, бородатые и смешные. Наша музыкальная редакция подарила организаторам фестиваля уникальную фарфоровую вазу. Прошло тридцать лет, а я до сих пор жалею, что записи интервью с музыкантами и радиопередачи не сохранились»*, – рассказывал Александр Георгиевич в сентябре 2020 года.

Свою лепту в увековечивание фестиваля также внёс уже штатный художник «Дальзавода» Александр Борисенко. Он снимал японских музыкантов на улицах города, на теплоходе «Юрий Трифонов», где они жили, на сцене. Видеокамеру «Хитачи» ему тогда вручил Леонид Иванович Анисимов со словами: *«Ты – человек творческий, у тебя получится»*.

– *«Это была моя первая операторская работа видеокамерой. До этого я только фотографировал. Я снимал не для показа по телевизору, а для друзей. Я знал, что это видео никуда не пойдёт. Помню, во время съёмки концерта я наделал столько косяков, что даже хотел удалить запись в целях экономии – видеокассеты тогда были редкостью. Но интуиция подсказывала, надо всё оставить так, как есть, потому что дублей больше не будет. Зато сейчас пересматриваю видео 30-летней давности и улыбаюсь. Это же прелесть! Мы все тогда были молодыми, и времена были золотые»*, – признаётся сегодня Александр Борисенко, известный ныне фотохудожник и мастер резьбы по дереву.

Позже на основе репортажей приморских телевизионщиков и видеозаписей «для друзей», сделанных Борисом, Александр Артамонов и Олег Криволапов смонтировали фильм, уместившийся на трёх дисках формата CD-RW, по которым можно едва ли не по минутам восстановить хронику двух фестивальных дней.

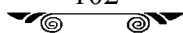
Продолжения не последовало

Первый советско-японский фестиваль рок-музыки закончился фейерверком и надеждой на продолжение музыкальных контактов. Когда теплоход «Юрий Трифонов» уже стоял под парами, чтобы отчалить в Японию, среди членов японской делегации недосчитались нескольких музыкантов! Они исчезли после прощального ужина в баре, растянувшегося далеко за полночь. Нашли японцев на главной площади Владивостока. Они беззаботно гуляли, наслаждаясь красотами утреннего города, видимо забыв, что пора возвращаться на родину...

Подводя итоги фестиваля, член оргкомитета, режиссёр Приморского театра юного зрителя имени Ленинского комсомола Леонид Анисимов признавался, что «опыт фестивальной работы рождался прямо на ходу».

– *«У исполнителей было много любительского, но это от слова «любить». Именно поэтому первый международный рок-фестиваль во Владивостоке стал акцией человеческого и политического единения. И я убеждён, что уже через год в нём будут участвовать не менее 5–6 стран, также пополнятся ряды его валютных спонсоров»*, – такую оптимистичную оценку мероприятию дал Леонид Анисимов в сентябре 1990-го.

Его пророчество не сбылось. В декабре 1991 года Верховный Совет СССР огласил факт подписания Декларации о прекращении существования великой страны, занимавшей одну шестую часть суши планеты Земля. Поэтому второй советско-японский фестиваль рок-музыки не состоялся.

Между тем у фестиваля могло быть своеобразное послесловие. После знакомства с японскими музыкантами и представителями заморского бизнеса, Сергей Пак задумал организовать во Владивостоке, а также в других городах Дальнего Востока, сеть караоке-баров – в те годы развлечение для наших соотечественников невиданное. Необходимую для этого аппаратуру предполагалось закупить в Японии. Во Владивосток из Токио для решения коммерческих вопросов прилетал хозяин музыкальной студии, записывающей и выпускающей компакт-диски, один из организаторов рок-феста с японской стороны. Но этот перспективный проект не был реализован всё по той же объективной причине: в новорождённой России наступили смутные времена. Что касается караоке-баров, то они появятся во Владивостоке только в конце 90-х годов.

Coda

Через несколько месяцев после окончания фестиваля Сергей Пак прилетел в Токио по творческим делам. И каково же было удивление нашего земляка, когда на одной из деловых встреч его японский собеседник вдруг заявил, что знает Сергея.

– *«Откуда? Мы с вами встречались?»* – удивился Пак, пытаясь припомнить, вдруг они действительно когда-то встречались, а он запомнил. Всякое может быть.

– *«Я видел вас по телевизору в программе NHK. Это же вы организовывали музыкальный фестиваль во Владивостоке?»*

– *«Я был потрясён! Действительно, корреспондент филиала NHK во Владивостоке брал у меня интервью. Я ему что-то сказал и забыл об этом. Оказалось, что компания NHK гоняла сюжет с моим интервью по своим каналам. Они тогда вообще давали много разных репортажей о России и о фестивале. Им было важно, чтобы в Японии общественность знала и говорила о нашем совместном проекте как о примере народной дипломатии между нашими странами, которая реально работает»*, – вспоминал Сергей Борисович в сентябре 2020 года.

Что здесь можно сказать? Конечно, приятно было услышать, что в чужой стране, за сотни километров от дома наш фестиваль вызывал общественный резонанс и запал в душу японцам.

Примечания:

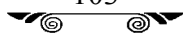
1. Участники первого советско-японского фестиваля рок-музыки. СССР: Эмилия, Трек, Черный аППостол, Атлас, Дождь, Noise Project, Воскресная площадка, Антракт, Извне, Восточный синдром.
2. Япония: Gang For Children, Marguee Moon, Vaniti, Stockholm Appeal.
3. Фото предоставлено Сергеем ПАКОМ.
 - 1) Андрей Гучин скончался в апреле 2020 года.
 - 2) Сергей Антипов ушёл из жизни 1 февраля 2015 года (55 лет), Москва.
 - 3) Алексей Болтков умер 11 июня 2011 года.

Георгий Климов

*Журналист, краевед,
Владивосток, Россия*

Тайна стеклянных пластин

Редко кому из исследователей выпадает шанс получить доступ к документам, которых более века не касались бы руки заинтересованных в них людей. Поэтому можно понять моё волнение, когда я, оказавшись в одном из отделов Дальневосточного научно-исследовательского института морского флота (ДНИИМФ) открыл картонную коробку с переложенными бумагой фотопластинками. Стеклянные негативы были в отличном состоянии, словно фотограф только что вынул их из ванночки. На свет просматривались изображения пароходов, людей, чем-то занятых на морском берегу, какие-то механизмы – непривычные для современного глаза плавучие краны, землечерпалки, деревянные сооруже-

ния непонятного назначения. По силуэтам сопок и некоторых зданий угадывался Владивосток, бухта Золотой Рог. Что-то очень далёкое и в тоже время близкое...

Подобных коробок на полках архива лежало несколько десятков. Обнаружили их случайно. Как рассказала начальник технического отдела института Г.Н. Калинина, в отделе застряли перестановку. Попробовали сдвинуть шкаф. Оказался неподъёмный. Заглянули и увидели множество коробок с фотонегативами. Самые большие – 24 x 30 см., малые – 10 x 15 см.

Президент АО ДНИИМФ профессор Я.Н. Семенихин, когда ему показали находку, вспомнил, что в середине 1980-х годов, став директором института, он знакомился с его архивом, видел фотораритеты. «Я понял, какую ценность они представляют, – говорит Ярослав Николаевич, – и распорядился сохранять её, ни в коем случае не списывать».

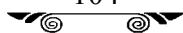
Обнаруженные фотографии сплошь исторические снимки. Должен сказать, что в институте к истории собственного учреждения относятся бережно. Есть музей. В нём собраны документы, отражающие этапы его развития, биографии прежних сотрудников. Бывший многолетний директор ДНИИМФа А.Н. Баландин в своё время опубликовал увлекательный и познавательный труд о работе дальневосточных исследовательских экспедиций в XX веке и посвятил его 50-летию института. Естественно, что находка заинтересовала руководителей научного учреждения, и они решили, что старинные фотографии необходимо включить в институтскую летопись.

Оцифровка стеклянных негативов большого размера, разбор плоских плёнок (всего их оказалось около 700), которой меня попросили заняться, оказались делом чрезвычайно увлекательным. Кто запечатлён на снимках? Какое это было время? Чем занимались изображённые на фото люди?

Весь найденный архив состоял из двух частей: любительские фотографии 1926–1934 гг., сделанные на Сахалине, Камчатке, на Амуре, на Охотском побережье – все вперемежку (именно об этих экспедициях вспоминал в своём историческом труде Н.А. Баландин), и снимки на стеклянных пластинках с берегов Золотого Рога (примеч. 1). В последних вообще трудно было разобраться: время съёмки, люди на них? На сохранившихся пометках – даты: 1924, –25, –26 годы. Советская власть уже укрепилась в Приморье и, как утверждала пропаганда, сразу приступила к восстановлению народного хозяйства. Снимки как бы служили иллюстрацией к данному факту. На одной запечатлено, как в центральной части бухты воздвигают мол, китайские, корейские рабочие на тачках подвозят грунт, они же добывают его в каменоломне на Чуркине; на других можно увидеть, как землечерпалки углубляют дно Золотого Рога (фото 1). Объём работ значителен, что даёт представление о масштабах проекта!

Фото 1. Землечерпалки углубляли бухту

На другом снимке – группа людей-инженеров. Они стоят на фоне пакгауза с надписью «Совторгфлот». На некоторых фотографиях над строительными площадками виден флаг. По воспоминаниям старожилов с приходом Советской власти на всех зданиях в центре города вывешивались красные флаги, транспаранты.

Другая коробка с датой 1929 г. В ней хранились негативы с бумажным листком «Бетонный парк» и перечнем его участков: изготовление бетонных коробов, армированных опор, строительных блоков. Судя по снимкам, это было механизированное предприятие с использованием электрических механизмов, ленточных транспортёров – передовой по тем временам техники. Не скрою, испытал чувство гордости за Советскую власть и её первые успехи в деле восстановления разрушенного в ходе гражданской войны хозяйства страны.

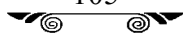
Правда, иногда закрадывались сомнения. На коробках с фотопластинами – рецепты химических растворов, рекомендованных для проявки, напечатаны с отменённой орфографией – «ъ», «і». Но я для себя объяснял это так: гражданская война, интервенция не позволили доставить из России на далёкую окраину свежие фотоматериалы, вот и пришлось фотографу работать на старых запасах. Ведь и я, помню, в 1958 году покупал ещё трофейную немецкую широкую плёнку «AGFA». Из тех же, старых запасов...

Неизвестный пока мне фотограф запечатлел нескольких руководителей работ. Все они были в форменной одежде инженера путей сообщения. И опять вопрос: шинели, фуражки со знаками ведомственной принадлежности после октября 1922 года уже не носили. Было опасно. Заполнившие Владивосток бойцы Народно-революционной армии, сотрудники губернского отдела ГПУ, милиции задерживали тех, кого лишь по внешним признакам можно было считать «слугами царского режима». Поэт Арсений Несмелов, бывший поручик, вспоминал, как он в первые дни после установления Советской власти, боясь, «что кто-нибудь вдогонку крикнет: «Гад!», предпочитал передвигаться по Владивостоку исключительно в тёмное время и по малолюдным тропам, пока не обменял свою шинель на гражданскую одежду. Ещё одна неожиданность: в коробке с пометой 1927 г. хранился снимок катера с Андреевским флагом, который было запрещено поднимать на судах советского флота.

Вот подобные «нестыковочки» и заставили меня более тщательно рассматривать увеличенные на компьютере изображения. Всмотрелся, и вот тебе очередная новость! Красный, как я думал флаг, при большом увеличении оказался вымпелом Министерства путей сообщения с эмблемой: скрещённые топор и якорь.

На другой пластинке – с ломкой камня на Чуркине заметил процарапанную дату съёмки 27/VI 1912. Отдельные негативы местами были закрашены полосками красной туши. Под ней угадывались приметные очертания сопки Орлиное гнездо, Крестовой, вершин острова Русский. Такое требование в целях секретности с началом Первой Мировой войны ввела на публикацию фотоизображений видов города и его стратегических объектов военная цензура. А просмотр владивостокских газет периода интервенции объяснил, как понимать надпись на складе – Совторгфлот. Оказывается, в 1919 г. из Механических мастерских военного порта выделилось несколько цехов для ремонта гражданских судов различных компаний и ведомств. Это предприятие получило название Совторгфлот, «вводящее в ступор» современных краеведов. Как же так? Какой такой Совторгфлот?! Ведь зачатки Советской власти в Приморье были разогнаны. Все становится на свои места, если знать расшифровку аббревиатуры: **Совместный Торговый Флот**. Оставшиеся в военном ведомстве цеха образовали Дальзавод.

Значит, часть негативов относится к более ранним событиям. Каким? Ни в местных музеях, ни в альбомах, посвящённых истории Владивостока, Приморья мне не встречались фотографии с подобной тематикой. Разгадку нашёл в архивах, в отделе редких изданий Приморской краевой публичной библиотеки им. А.М. Горького. И в книге, которую подарил мне в 1981 г. В.П. Бянкин, работавший тогда заместителем директора ДНИИМФ по науке. Называется она «В Дальневосточных морях». А ещё вспомнились рассказы, воспоминания краеведов, старожилов Владивостока. И всё это вместе со столетними картинками, обретшими первозданный облик, помогло восстановить малоизвестную страницу истории крупнейшего

российского порта на Тихом океане, восстановить роль Дальневосточного научно-исследовательского института морского флота в его развитии и становлении.

Отправной точкой нашего путешествия в прошлое стал труд Николая Александровича Баландина. В самом его начале он упоминает УПИТО – Управление портовых изысканий на Тихом океане. Оно было создано в 1911 году в Петербурге по ходатайству Министерства торговли и промышленности. Причиной послужили многочисленные прошения деловых людей Приморской области поспособствовать расширению торговли, развитию малозаселённых мест, богатых рудой, лесом, рыбой. После завершения Русско-Японской войны по программе председателя Совета министров П.А. Столыпина началось заселение Дальнего Востока рабочими, переселенцами восточной части России.

Из центра пошли большие деньги. Оживилось местное предпринимательство. Рыбопромышленники, торговые фирмы, правление Китайско-Восточной железной дороги начали обзаводиться собственным флотом. Увеличился поток грузов из Китая, Японии, Америки. Но во Владивостоке было всего 300 погонных сажен (640 м.) причала. Пароходы в навигацию неделями простаивали на рейде в ожидании своей очереди к причалу. А в Тетюхе, на Сахалине руду и уголь на суда грузили баржами на рейде. Доставка рыбы с Амура тоже была непростым делом: проходя низководный бар, пароходы нередко садились на мель.

В начале прошлого века появилось несколько проектов расширения Владивостокского коммерческого (торгового) порта, но из-за недостаточного финансирования работы проводились в незначительных объёмах. Только к 1913 году протяжённость причалов увеличилась почти в три раза благодаря деятельности частных обществ.

Создание УПИТО должно было стать началом масштабного строительства на русском тихоокеанском побережье. Возглавил Управление 30-летний инженер путей сообщения, титулярный советник Георгий Львович Фаерман (фото 2).

Фото 2. Экспедиции под руководством Фаермана Георгия Львовича с 1912 года начали изыскания на Тихом океане для строительства портов

Прибыв во Владивосток, он сразу же окунулся в бурную деятельность сообщества строителей и архитекторов, стал членом комиссии по строительству Коммерческого училища, принимал участие в общественных обсуждениях различных проектов и готовился к первой экспедиции. Она началась летом 1912 г. в Посъете. Затем каждый следующий год должны были исследоваться места, перспективные с точки зрения обустройства портов: Николаевск-на-Амуре, Александровск-на-Сахалине, Петропавловск-Камчатский, залив св. Ольги, Де-Кастри, Тетюхе.

Немногочисленный состав специалистов проводил бурение дна, ведя его с плотов. Замерял скорость течения, делал промеры глубин акватории, строил морские водомерные установки и грунтовые репера. В помощь Георгию Львовичу прикомандировали студентов Института инженеров путей сообщения им. Александра Первого Варкулова Александра и Асанова Николая. Они, получив дипломы, вернулись в Приморье и в дальнейшем приняли участие во многих изысканиях.

Возможно, активная деятельность УПИТО ограничилась лишь одними изысканиями и проектами, как это не однажды уже случалось в прошлом, если бы не Первая мировая война.

Года два назад в Приморской краевой публичной библиотеке им. А.М. Горького в рамках краеведческого проекта «Владивосток и его Гиляровские» выступил с лекцией, посвящённой 100-летию со дня окончания Первой мировой войны, доцент Дальневосточной пожарно-спасательной академии П.В. Виноградов. Многие факты о работе Владивостокского морского порта в 1914–1918 годы, которые он привёл, до недавнего времени оставались, что называется, «белым пятном» в местном краеведении. Познавательный и интересный рассказ Павла Валентиновича наметил направление дальнейших поисков, позволил систематизировать большинство фотографий, найденных в ДНИИМФе.

... К концу 1914 года правительство определило порты Архангельск и Владивосток основными для доставки грузов военно-оборонительного характера. В Приморской области под началом губернатора Н.Л. Гондатти создали межведомственный Совет, в который вошли представители торгового и военного портов, КВЖД, Владивостокской городской управы. Совет принимает решение экстренно построить 8 причалов на территории Министерской набережной, 2 пристани с понтонами в Амурском заливе и прочие сооружения, необходимые для приёмки и хранения грузов. Выделили 3 млн. 300 т. рублей. Было создано Управление работами Владивостокского порта, в которое вошли инженеры Е.Н. Гезехус и Б.В. Каразин, помощник Г.Л. Фаермана. Подрядчиками основных работ выступили известные предприниматели, инженеры Владимир Игнатьевич Пьянков и Фаддей Емельянович Никлевич. Городская Дума, в свою очередь, постановила оказывать всяческое содействие, создать в порту «вольные склады» и составила перечень сведений и изображений, касающихся военно-морской и сухопутной обороны. Вот почему ретушировались на фотонегативах известные очертания сопки, и какие-то районы города.

Намечался огромный объём самых разнообразных работ, который невозможно было выполнить при применяемых прежде механизмах и технологии. Как писал экономист, редактор владивостокской газеты «Голос Родины» К.К. Куртеев (Второй): «Порт обогатился значительными сооружениями и специальными судами. В Японии в срочном порядке закупили 4 плавучих паровых крана грузоподъёмностью 40–60 тонн, 29 на железнодорожной платформе, два портовых крана «Мицубиси», способных поднимать до 40 тонн. В Золотом Роге пришвартовались закупленные в Нью-Кастле и Шанхае ледоколы «Добрыня Никитич» и «Казак Поярков». На берегах бухты были устроены казённый механический и судостроительный заводы, в бухте Улисс динамитная пристань, водохранилище и плотина, строились плавучие пристани в Семеновской Каботажной гавани, на Первой речке, где принимали наливной груз и разобранные грузовые вагоны (фото 3). Оцифрованные негативы дают представление, в каких условиях работали слесари, кузнецы, бетонщики, плотники, как устанавливали бетонные короба под причалы, строили эстакады, пакгаузы. Фотограф, видимо, впечатляла работа всей этой строительной техники: экскаваторов, подъёмных кранов, травеллера.

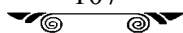

Фото 3. Строительство причалов на Эгершельде...

Запечатлел он работу и землечерпательного каравана «Инженер Сахаров». Он состоял из самой землечерпалки «Ренания» и 5 землеотвозных барж, построенных на верфи Торгового дома Бриннеров. Своё имя караван получил в память штабс-капитана, военного инженера В.В. Сахарова, заведовавшего постройкой Коммерческого порта во Владивостоке, обустроившего порт в Александровске-на-Сахалине. Последней его работой стало проектирование порта в Дальнем (Дайрене). Закончить её он не успел из-за Русско-Японской войны, жил в осаждённом Порт-Артуре, где и скончался в 1904 году.

Несмотря на то, что за 2,5 года было построено 1606 погонных сажён (3448 м.) глубоководной набережной, способной принимать одновременно 29 океанских пароходов, количество приходящих судов было значительное, и поэтому на Эгершельде так же соорудили насыпные причалы с деревянными понтонами и мостками. К ним подходили пароходы с лёгким генеральным грузом. Десятки человек на своём горбу переносили днём и ночью мешки, корзины в пакгаузы, расположенные в сотне метров от борта судна. С какой напряжённостью в военные годы работал порт, говорят такие цифры грузооборота: в 1913 на 1 погонную сажень причала приходилось 93000 пудов, а в 1916 – 160 млн – 438229 пудов. За строительством, переработкой грузов в порту постоянно следил Н.Л. Гондатти. Сохранился снимок одного из посещений губернатором причалов порта. Было это 16 февраля 1917 года. А через 11 дней в Петрограде началась, как её окрестили газеты, Великая Русская революция.

Летом порт стало лихорадить, работы в нём шли с перебоями. В сентябре Комитет служащих и представитель от Министерства торговли и промышленности Чернов выдвинул ряд требований к начальнику работ Гезехусу и подрядчикам, затем прошло совещание, на котором было принято решение о прекращении некоторых основных работ. Подрядчик Никлевич посчитал возможным закончить работы на южном берегу Золотого Рога, где складировали лес и уголь, и на Широком молу «при отсутствии каких-либо непредвиденных случайностей» (фото 4).

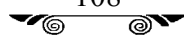

Фото 4. К Широкому молу, построенному в 1916 г. в центре Владивостока, до сих пор швартуются суда

А они произошли через полтора месяца. Исторические события 1917 года – Октябрьская Социалистическая революция в Петрограде, интервенция, борьба за власть Советов в Приморье надолго парализовали строительство Владивостокского порта. Этой же осенью, после завершения изысканий в Тетюхе и Мгачи на Сахалине УПИТО свернуло свою деятельность. Г.Л. Фаерман с женой уехали в Николаев. Здесь он встретил своего младшего брата Владимира, штабс-капитана корпуса корабельных инженеров. Вместе они покинули родину. Жили сначала в Константинополе, затем в Париже. Во Франции Георгий Львович вступил в Союз русских инженеров. И это обстоятельство стало причиной того, что имя человека, заложившего основу для строительства новых портов на Дальнем Востоке, до недавнего времени замалчивалось.

Вторая часть найденного фотоархива ДНИИМФа относится к советскому периоду и показывает, как и где проходили изыскания в 1920–1930 годах. Достаточно сказать, что ныне существующие торговые, рыбные порты, нефтяные и газовые терминалы возникли в местах, которые вместе с приложенными схемами и картами описали первопроходцы этого института.

Удалось установить и автора фотографий. Среди стеклянных пластин нашлось несколько бумажных отпечатков со знаком фотоателье. Оно принадлежало В. Мациевичу и располагалось на 1-й Морской, 32.

Примечание:

1. Все снимки В. Мациевича публикуются впервые.

Ирина Маринченко

Кандидат филологических наук,
доцент филиала ДВФУ
в г. Уссурийске (Школа педагогики),

Елена Васильева

сотрудник библиотеки филиала ДВФУ
в г. Уссурийске (Школа педагогики)
г. Уссурийск, Россия

Творцы дорог: о книге Е. Н. Гнатовской «Железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг.»

В 2020 году в издательстве «Уральский рабочий» вышла книга приморского историка, доцента кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин ПГСХА, кандидата исторических наук Елены Николаевны Гнатовской «Железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг.» [1]. Читателям, интересующимся краеведческой литературой, Елена Николаевна Гнатовская известна как автор статей, посвящённых событиям гражданской войны и индустриализации на Дальнем Востоке, и создатель монографии «Между трудом и политикой. Повседневная жизнь дальневосточных железнодорожников в 1930–1950-е гг.» (Уссурийск, 2011) [2].

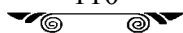
Новая книга, являясь вторым изданием монографии, переработанным и значительно дополненным, продолжает цикл исследований истории жизни работников железнодорожного транспорта Приморья, Приамурья и Хабаровского края. Открывая книгу, сразу понимаешь, что перед нами труд, базирующийся на внушительном количестве источников и продуманной работе автора, в которой сочетается всесторонний историографический анализ и мировоззренческая оценка.

Как известно, современная историческая наука проявляет повышенный интерес к истории повседневности. Если ранее фрагментарно разрабатываемая тема «рядового» человека лишь дополняла «большую» историю, то в центре внимания многих диссертаций, появившихся в начале XXI века, уже стоит человек «как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма» [3]. Это направление становится перспективным и успешно конкурирует с другими аспектами исторических исследований.

Елена Николаевна Гнатовская обратилась к изучению и реконструкции текущей жизни рядовых дальневосточников в 1930-е гг. В рецензируемой нами монографии предпринята попытка автора воссоздать производственную повседневность железнодорожников в довоенный период и трагическую хронику сталинских репрессий на примере периферийного региона форсированной индустриализации. Содержание книги позволяет глубже понять социально-экономические и политические процессы, происходившие в СССР в годы первых советских пятилеток.

Герои, о которых повествует автор монографии «Железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг.», – машинисты, кочегары, путевые обходчики, рабочие депо, связисты, инженеры, начальники станций и руководители крупных транспортных предприятий, а также члены их семей. Все они оказались свидетелями и участниками уникального партийного эксперимента ВКП(б), который по масштабам и влиянию на человеческие судьбы сопоставим с событиями мировых войн и революций. Творцы дорог, по образному выражению поэта Николая Заболоцкого [4], не только модернизировали железнодорожную отрасль края в условиях сурового дальневосточного климата, но стали творцами новой экономической и политической реальности 30-х годов XX века.

Рассказывая о замысле книги, Елена Николаевна Гнатовская отмечает: «Во втором издании мне было интересно рассмотреть мотивы партийных чисток и динамику репрессий;

определить инструменты формирования властными структурами нужной «повестки дня» (идеологические, административно-репрессивные, хозяйственно-трудовые); выявить причины высокого трудового энтузиазма и повышенной мобилизационной готовности значительной части рабочих; исследовать политические настроения железнодорожников, которые не вписывались в преобладающее общественное мнение» [1, с. 5].

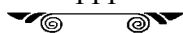
Рецензируемая книга относится к жанру научно-популярной монографии, для которого свойственно сочетание научности с простотой и образностью изложения. О стремлении к исторической достоверности говорит название книги, поскольку, как поясняет автор, «понятие “Дальневосточный край” включено в него неслучайно. Оно являлось официальным административным названием дальневосточного региона с 1926 по 1938 гг. – в период, когда происходили события, описанные в книге» [1, с. 7].

Композиция монографии отличается продуманностью и соответствует схеме классического научного произведения. В неё входят: *введение*, в котором изложена концепция книги, обозначен круг проблем, представлена методология исследования; *основная часть*, состоящая из трёх глав, разбитых на параграфы и пункты, посвящённые отдельным аспектам партийного и экономического регулирования жизни работников ДВЖД в 1930-е гг.; *заключение*, в котором отражены результаты работы; *приложения*, иллюстрирующие ход исследования; *список источников и литературы*. Такая организация материала, по нашему мнению, является удачной. Повествование, благодаря академической структурированности текста, воспринимается как стройный ансамбль, что позволяет автору системно и последовательно раскрыть тему, а читателю легко ориентироваться в содержании.

К числу авторских находок можно причислить и способ подачи материала, посредством которого в книге, «хотя и фрагментарно, прослеживается судьба трёх поколений железнодорожных рабочих: к первому (царистскому) поколению относятся кадровые рабочие (1870–1880-х гг. рождения), которым к окончанию первой трети нового века исполнилось 40–60 лет; второе поколение (1890–1910-х гг. рождения) – столыпинское, революционное, к 1930 году достигшее возраста 25–35 лет; третье поколение было советским, сталинским поколением 1915–1925 гг. рождения» [1, с. 5–6]. Проведённое исследование показывает, что «объектом политических репрессий стали первые два поколения» [Там же].

Используя протоколы партийных собраний железнодорожников и другие партийные и ведомственные документы, хранящиеся в Государственных архивах Хабаровского и Приморского краев и рассекреченные в недавнем прошлом, Е. Н. Гнатовская «буквально по дням» воссоздает «жизнь коллективов и даже отдельных работников ДВЖД на протяжении нескольких лет» [1, с. 6]. Чувствуется заинтересованность автора в судьбе своих героев, многим из которых в ходе партийных чисток и кампаний по борьбе с вредительством пришлось пережить моменты, достойные стать сюжетом отдельного рассказа. Такова описанная в главе «Политическое регулирование жизни трудовых коллективов железнодорожников» история потомственного железнодорожника Сергея Эдуардовича Пограницкого, обвинённого в создании контрреволюционной ячейки рабочих в депо Никольск-Уссурийского в 1933 г. Идеологическую устойчивость участников группы Пограницкого должна была выяснить районная партийная комиссия. «Сергей Эдуардович прошёл эту чистку, отстояв своё честное имя, и в 1936 г. был удостоен звания «Почётный железнодорожник». Однако уже в начале 1937 г. был арестован, осуждён по обвинению в антисоветской деятельности и расстрелян» [1, с. 18].

Не может оставить читателей равнодушными «дело Любаря». Своим драматическим накалом оно напоминает события известного перестроечного фильма «Защитник Седов», снятого по одноимённому произведению Ильи Зверева [5]. Токарь депо Облучье Михаил Алексеевич Любарь в 1935 г. был исключён из партии, уволен с работы и арестован за поддержку троцкизма и симпатии к «ленинградскому центру». Расследование, инициированное одним из пропагандистов местного политотдела, получило широкую огласку в печати и привело к целой цепочке отставок и репрессий членов железнодорожного парткома. Однако прокуратура дороги, признав обвинения необоснованными, восстановила членство М.А. Любаря в партии. И вот уже в прессе появилась статья, в которой «дело Любаря» квалифициро-

вали как «возмутительное зрелище глумления над лозунгом партии о бдительности» [1, с. 22].

Показательно, что спустя несколько лет автор статьи о фальшивой бдительности облучевцев Л.С. Решетов был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян. Трагическая участь постигла и прокурора М.К. Пелиха, отменившего решение партколлегии в 1935 году. Они были реабилитированы за отсутствием состава преступления в конце 1950-х гг. [Там же].

В первую главу книги включено около 30-ти биографий, восстановленных Е. Н. Гнатовской по документам партийного архива, а также списки репрессированных сотрудников крупных узлов и станций ДВЖД. Процесс внедрения сталинской модели государства, который сопровождался жестокими карательными мерами и судебным произволом, раскрывается в исследовании через факты биографий железнодорожников. Такая форма подачи исторического материала вызывает живой эмоциональный отклик у читателя, облегчая усвоение информации.

Глава «Железнодорожники участвуют в политической жизни» рассказывает о повседневной работе партийных ячеек и о том, как проходили праздники и массовые гуляния железнодорожников в 1930-е гг. В качестве иллюстраций автор использует диаграммы, характеризующие партийную организацию ДВЖД предвоенного периода; темы лекториев, программы курсов и кружков политпросвещения; популярные лозунги и призывы; статьи из газет того времени. Одним из эффективных приёмов исторической реконструкции являются тексты партийных протоколов, приведённые без исправлений и купюр.

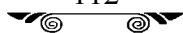
Так, из протокола партийного собрания железнодорожников ст. Владивосток, датированного 1937 г., читатели узнают: выяснив, что рабочий Яковчук присутствует на заседании без партбилета, собрание поручило члену парткома сходить к нему домой и проверить, как хранится главный документ коммуниста. О результатах проверки свидетельствует запись в протоколе: «Партбилет хранится в квартире в большом сундуке, запертым на висячий замок. Подтверждаю, что документы были разложены для просушивания» [1, с. 84]. На основе рассказанного в первой части книги без труда можно представить, как сложилась бы судьба железнодорожника, покажи проверка ненадлежащее обращение с партбилетом.

Гнатовская Е.Н. рассматривает механизмы коллективной психологии, объясняя, почему в условиях, когда большинство дальневосточников жили скромно, партийная организация тратила огромные средства на подготовку и проведение массовых мероприятий, несущих идеологическую нагрузку. Так, например, поражает торжественностью и размахом празднование Первомайского праздника и Сталинского дня железнодорожников в г. Ворошилове (г. Уссурийск) в 1939 г., описание которых приведено во второй главе.

Интересна, на наш взгляд, третья глава книги, рассказывающая о развитии стахановско-кривоносовского движения на ДВЖД, в которой читатель встречается с уже известными ему начальником дороги Л. Лембергом, начальником политотдела А. Рутенбургом и прокурором дороги М. Пелихом, на чьи плечи легла необходимость выполнить приказ партии о снижении аварийности на транспорте, а также знакомится с молодым поколением железнодорожников. Системное исследование «проблемы взаимосвязи стахановского движения с террором в сложной динамике производственных и политических процессов в специфических условиях Дальнего Востока» [1, с. 104] определяет оригинальность и новизну исследования. Автор приходит к выводу, что характерной чертой жизни железнодорожников Дальневосточного края в 1930-гг., несмотря на трагедию отдельной личности, был социальный оптимизм, и выявляет источники и способы его поддержания.

Гнатовская Е.Н. высказывает личный взгляд на события ненавязчиво, предлагая читателю самому оценить представленные документальные источники и сформировать собственное мнение. Подкупает доброжелательная, приглашающая к совместному размышлению и разговору авторская манера изложения материала.

Книгу отличает хорошо организованный библиографический аппарат, включающий сведения о различных видах источников, которые составляют базу исследования: списки не-

опубликованных источников из фондов Государственных архивов Хабаровского и Приморского краёв; список опубликованных источников (материалов партийных пленумов, постановлений СНК СССР и др.); список литературы, основной массив которого представлен работами дальневосточных историков. Широкий круг источников позволил всесторонне исследовать проблему трудовой и политической жизни железнодорожников в 1930 гг. Облегчают работу с монографией сноски и примечания, сгруппированные в соответствии со структурой текста. К числу достоинств издания можно отнести его полиграфическое исполнение: твёрдый переплёт, качественную бумагу и печать. Украшением книги является блок приложений, состоящий из двух разделов. Первый раздел, выполненный на мелованной глянцева бумаге, стилизован под старый фотоальбом. В нем собраны фотографии отдельных работников железной дороги и трудовых коллективов, сделанные в 1920–1950 гг., а также образцы служебных удостоверений и др. документов.

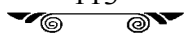
Второй раздел – книга памяти железнодорожников, ставших жертвами политических репрессий, – включает 490 фамилий, расположенных в алфавитном порядке и сгруппированных по отношению людей, носивших эти фамилии, к крупным предприятиям и узловым станциям ДВЖД. В этом приложении представлены сведения о месте рождения, национальности, образовании, профессии, дате ареста, обвинительной статье приговора и данные о реабилитации репрессированных.

Таким образом, научно-популярная монография Е.Н. Гнатовской «Железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг.» рассказывает о периоде ускоренной модернизации экономики и формирования тоталитарной политической системы в СССР, рассматривая его через призму биографий работников ДВЖД. Издание продолжает литературные традиции приморского краеведения. Его отличает стройная композиция, глубина погружения в материал, оригинальный метод интерпретации документальных источников, аргументированные выводы, простота и доступность изложения, прекрасное оформление. Эти содержательные, художественные и полиграфические достоинства книги «Железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг.» выделяют её среди новинок краеведческой литературы 2020 года.

Автор адресует свой труд широкому кругу читателей: историкам, архивным и музейным работникам, железнодорожникам и др. На наш взгляд, книгу можно рекомендовать как для использования на уроках истории, географии и краеведения в школе, так и для самостоятельного чтения студентам и школьникам, интересующимся историей железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке.

Литература

1. Гнатовская, Е.Н. Железнодорожники Дальневосточного края в 1930-е гг. – 2-е изд., перераб. и доп. – Владивосток: Уральский рабочий, 2020. – 304 с.
2. Гнатовская, Е.Н. Между трудом и политикой. Повседневная жизнь дальневосточных железнодорожников в 1930–1950-е гг. – Уссурийск: Изд-во ПГСХА, 2011. – 242 с.
3. Доронина, Т.В. Повседневность рабочего класса Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... к. ист. н. – Омск, 2006. – 21 с.
4. Заболоцкий, Н.А. Творцы дорог // Новый мир. – 1947. – №1. – С. 101–104.
5. Зверев, И.Ю. Защитник Седов. Повести, рассказы, публицистика. – М.: Советский писатель, 1990. – 478 с.

РАЗДЕЛ III.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

МОЁ ПРИМОРЬЕ

75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается...

1. ПОЭЗИЯ

Галина Николайчук

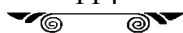
Член Союза писателей России 21 века,
член творческого объединения
«Литературный Альтаир» УГО
г. Уссурийск, Россия

Галина Николаевна Николайчук – член Союза писателей России 21 века, автор-исполнитель песен и романсов, участница Губернаторской программы «Мастера искусств – жителям Приморья». Автор шести литературно-музыкальных сборников: «Серебряные росы», «Сны», «Час до встречи», «Тихой улицы свет», «Высокое горение любви», «Купола над Уссурийском». Г. Николайчук выпустила в свет десять компакт-дисков с песнями и романсами о Приморье, а также видеофильм «Благословляю день грядущий». Она стала лауреатом, победителем и многократным дипломантом различных конкурсов и фестивалей Приморья: «Приморский берег», «И в песне сохрани природу», «Мелодии Приморья», «Приханкайская лира», «Уссурийск, ты песня и легенда» и др. Публиковалась в российских, региональных и приморских литературно-художественных и музыкальных изданиях: «Поэтическая Россия», «Я пишу стихи», «Поэтоград», «Литературные известия», «Дальний Восток», «Океан», «Лукоморье», «Под чутким небом Уссурийска», «Звезда в ладошке», «Литературный Альтаир», Приморском краеведческом альманахе «Дальняя Россия» и др. Подготовила более двадцати концертных программ и литературно-музыкальных композиций. Много сил и времени Г.Н. Николайчук отдаёт встречам с молодым поколением, знакомит со своим творчеством, прививая им чувства к прекрасному поэтическому слову, любовь к родному краю, России. В настоящее время является заместителем председателя творческого объединения «Литературный Альтаир» УГО и членом Уссурийского общества краеведов им. В.К. Арсеньева.

Час до войны

Стояла ночь, тиха и безмятежна,
Над крепко спавшей мирною страной,
И посылала добрые надежды
В июньский день, лучистый, молодой.

И даже травы полегли покорно,
К земле ласкаясь, матушке родной.
В лесу родник ещё звенел задорный,
Такой весёлый, и такой живой.

Ещё рассвета мягкие ресницы
Не прикоснулись к сонным деревьям,
И новый день не поменял страницы,
Оставив место ранним добрым снам.

Ещё весь мир был полон вдохновенья,
Средь звёзд луна лебедушкой плыла,
И в мирном утре не было сомненья,
Когда беда неожиданная пришла.

Земля оглохла и завывала волком,
Мир вздрогнул и от ужаса застыл.
Он взорван был на тысячу осколков,
На миллионы бед он взорван был.

Хрипели речка, и село, и город,
Был чёрным лес, и чёрным был рассвет,
Как будто плыл гигантский чёрный ворон
И застил чёрными крылами белый свет.

И летний день состарился от страха,
От слёз и горя, и гримас войны,
Ещё не веря в неизбежность краха
Растерзанной врагом больной страны.

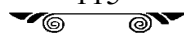
И только сердце наполнилось надеждой,
Любовь и Вера сберегли народ.
Ведь каждый верил: будет мир, как прежде,
И день победный обязательно придёт!

О чём грустишь, солдат?

*Посвящается светлой памяти моего отца
Николайчука Николая Степановича,
участника Великой Отечественной войны...*

Как хороша природа нынче в мае!
Цветёт черёмуха, и яблони цветут.
Кого солдат сегодня вспоминает?
О чём грустит на жизненном посту?

Быть может, грохот фронтовых сражений
Солдату сердце растревожил вновь,
В душе проснулось скорбное волненье,
И оттого к вискам прильнула кровь?

О, сколько было их, друзей безусых,
Чью жизнь отнял предательский снаряд,
Шатенов, смуглых, белокурых, русых...
Ты помнишь их улыбку, голос, взгляд.

Они ушли в бессмертье на рассвете,
Когда хотелось жить, любить, мечтать.
А ты остался, чтобы всем на свете
О подвиге их славном рассказать.

Как хороша природа нынче в мае!
Как дивно всюду груши расцвели!
Кого солдат сегодня вспоминает?
Фронтовиков, что в землю полегли.

Прадед

Малыш с ветераном гулял
По мирному тихому парку.
Черёмухой май расцветал,
А день был лучистым и жарким.

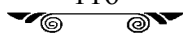
И птицы резвились кругом,
И звонко журчали фонтаны.
Медали сияли рядом
На славной груди ветерана.

Согнулась немного спина,
И стала неловкой походка.
Пробилась волос седина
Под старой армейской пилоткой.

Но смело шагал ветеран,
Когда-то бесстрашный зенитчик.
И гордо с ним шёл мальчуган:
Ведь прадед – герой и защитник.

За счастье, любовь и покой,
За мирную жизнь на планете
Он рвался решительно в бой,
На фронте, не раз на рассвете.

За день этот майский в цвету,
За праздник Великой Победы,
И светлую в сердце мечту
Малыш благодарен прадеду.

«Пожары, бомбёжки, взрывы...»

Детям войны Белоруссии посвящается...

Пожары, бомбёжки, взрывы...
Небо стального цвета...
Пропахшие гарью нивы
Венчают макушку лета.

В дубравах умолкли птицы,
И замер в бору ручей,
На хуторе ли, в станице
Не слышно живых речей.

Спасенье – в лесу болотном,
Где пища семье и кров,
Где звёздный июль охотно
Накинёт им свой покров.

Природы дары – в лукошке.
Здесь ужин и быт простой:
Лишь ягоды горсть в ладошке,
Да кружка воды сырой.

За лесом слышны раскаты
«Катюш», самолётов вой,
И где-то идут солдаты
В последний, тяжёлый бой.

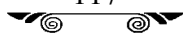
И девочка в платье светлом
Который уж час подряд
Свой взгляд устремляла в небо,
Живой, васильковый взгляд.

Во взгляде её лучистом
Тревога, укор, мольба:
«Пусть станет вновь небо чистым,
Закончится пусть стрельба.

Пусть вместо раскатов грозных
Овсянки в лугах поют,
И в травах высоких, росных
Птенцов желторотых ждут».

А где-то в родной сторонке
В пожарищах был рассвет.
Не знала ещё девчонка,
Что хатки отцовской нет.

Фашисты всё жгли, крушили
Кровавой своей рукой,
И судьбы людей вершили,
И горе текло рекой.

В лесах да в болотах топких
Коленки сбивая в кровь,
Ночами девчонка робко
Молитву читала вновь.

И верила сердцем чутким –
Врага победит страна!
И больше под небом чудным
Не будет греметь война!

Защитникам Отечества

Стоят защитники родной земли на страже,
Плечом к плечу – надёжный экипаж.
Вы не пропустите вовек колонны вражьи,
В боях показывая высший пилотаж.

Вам всё доступно: горные вершины,
Девятый вал бушующих морей,
Ведь, вы – опора наша, вы – мужчины,
Надежда жён, любимых, матерей.

Пока ещё земле не стать цветущей:
Кругом насилье, войны, грабежи.
Защитники, с отвагой им присущей,
Отчизны охраняют рубежи.

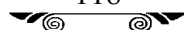
Пусть никогда не разрываются снаряды,
И пули не свистят над головой.
Пусть будет в мире радость и покой,
И самый дорогой мужчина рядом!

Нина Исакова

Член Союза писателей России 21 века
г. Уссурийск, Россия

Нина Ивановна Исакова – известная приморская поэтесса, член Союза писателей 21 века (г. Москва). Автор восьми сборников стихов: «Заповедный уголок», «Я странствий дочь», «Солнце в каждой капле», «Я к вам с любовью», «Встречный ветер», «Зори над Уссурийском», «В мир восторженно влюблённая», «Приходит в жизни час». Стихи пишет с одиннадцати лет. Участница четырнадцатого Международного поэтического конкурса «Пушкинская Лира» – 2004 г., проходившего в Америке (г. Нью-Йорк), награждена сертификатом Международного общества пушкинистов. Нина Исакова – член литературно-музыкального объединения «Звуки Лиры» им. С.В. Шевцовой. Народный музей истории УЛРЗ собрал и разместил в своих

стенах материал о поэтическом и трудовом пути Нины Исаковой. Главным своим долгом она считает проводить встречи с молодым поколением – студентами и школьниками города, чтобы привить им чувство любви к поэтическому слову, а так же к родному краю и Великой России. Н. Исакова публиковалась в местных и региональных изданиях: «Лукоморье», в местных – «Жемчужина Приморья», «Коммунар», а так же в московских изданиях: «Утро России», «Московский вестник ЗОЖ» и др.; в журнале «Предупреждение», в российском альманахе «Лири» и его приложении «Поэтическая Россия» (г. Любучаны, 2000–2016 гг.). Её стихи были опубликованы в сборнике «Под чутким небом Уссурийска» (ДВФУ 2014–2016 гг.), Приморском краеведческом альманахе «Дальняя Россия» (ДВФУ 2014–2019 гг.) В 2009 г. Н. Исакова стала лауреатом премии главы УГО и победителем поэтического конкурса за лучшее стихотворение об Уссурийске. На стихи Н. Исаковой приморскими и российскими композиторами написано более ста песен.

С победой, братцы !

На западе гремела канонада,
Четвёртый год шла лютая война.
А мне – шестой, но я сказала: «Надо
И мне на фронт, там медсестра нужна»

Отец в ответ: «Послушай Левитана,
На всех фронтах уж отзвуки побед,
А ты мала, тебе, дочурка, рано.
Управятся, поверь, сомнений нет!»

Однажды, в мае, словно гром небесный,
Стрельбы раскаты город услышал.
И замер он в тревоге неизвестной:
«Быть может, на Приморье враг напал?»

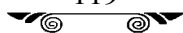
Вот ночь сменилась заревом рассвета,
А улица людьми полным полна!
Сосед вдруг крикнул: «Это же Победа!
С Победой, братцы! Кончилась война!»

И всколыхнулся целый мир в движении!
Предела счастью человеческому нет!
Слились и радость, и сердец биение,
Объятая, слезы, всполохи ракет!

Пал враг! Разбит! Какой бы ни был грозный!
И мы – войны босая детвора,
Как воробьи, сновали между взрослых...
Гармошка заливалась до утра.

Баллада о солдате

Старик приехал в гости к сыну,
А может быть и насовсем.
С подмогой вышел из машины,
И на скамью у дома сел.

Одышка мучила солдата,
Сожмёт тисками – не вздохнуть.
Тогда в Берлине, в сорок пятом,
Осколок вражий впился в грудь.

Он смело прошагал дороги
К Победе, а потом в тылу
Врачи поставили на ноги,
Вернули плотника селу.

С трудом расстался он с шинелью.
Здоровье отняла война,
Да чуб – был ворона чернее,
А стал белее полотна!

Ночами снится бой и взрывы,
Щетина вражеских штыков.
Земли бугристые нарывы
Измученной в огне боёв.

И жаль дружка, который знамя –
Войны кровавое крыло –
Взметнул и ... только слово «мама»
Сказать успел. Не повезло...

Вздохнул солдат, прогнав кручину.
Так будь же проклята война!
И зашагал тихонько к сыну,
Рукой поправив ордена.

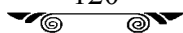
Память

Посвящается писателю А.А. Фадееву

Уходит время, память – остаётся,
Как от костра горячая зола.
Чуть шевельнёшь – и вновь огонь взметнётся,
Осветит позабытые дела.

И – имена. Их, как в лесу деревьев,
Как звёзд в полночный час над головой.
Среди созвездий – Александр Фадеев,
Писатель с удивительной судьбой.

А в ней – дорог, не мереных до срока!..
Огнём войны маршрут их опалён.
С долин Сучана, с Дальнего Востока
Ведут они в бесстрашный Краснодон.

По всей стране на переменах в школах,
Напоминаньем светлым о живых,
Резвятся Любы, Вани Земнуховы,
Тюленины и сотни Кошевых!

Не гаснут угольки воспоминаний!
И новой вехой памяти встаёт
Фадеев, полный доблестных дерзаний,
И по Приморским улицам идёт.

Цветёт багульник, день воспрял из мрака,
Бушует в скалах пенистый прибой.
А он, певец людских судеб, из праха
Встаёт пред нами вечно молодой.

В.С. Высоцкому посвящается

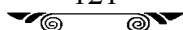
Жил поэт и актёр, непростой музыкант,
Его песни тревожили душу.
Хриплый голос из окон гремел, как набат.
Как из плена, он рвался наружу.

Пил? Да, пил, не скрывал. Ну и что, господа?
Разве вы так чисты и так святы?
Не по вашей ль вине он жестоко страдал,
Приближая день скорбной утраты?

И трусливая ложь, небылица-молва,
Козни недругов душу томили.
Не жалея себя, он рубил те слова,
Что, как пули, в десяточку били.

Его песням внимал переполненный зал.
Пел, не зная угоды и лести.
Сколько раз умирал! Сколько раз воскресал!
Рок судьбы оборвал его песни.

Унесли его кони в неведомый путь,
И гитара грустит бесконечно.
Из забвенья его в этот мир не вернуть,
Но в сердцах он остался навечно.

Нина Громыко

Председатель городского общества
краеведов им. В.К. Арсеньева
г. Уссурийск, Россия

Нина Васильевна Громыко – председатель Уссурийского городского общества краеведов им. В.К. Арсеньева, поэтесса, прозаик, путешественник и фотограф-любитель. Она является призёром Всероссийского конкурса журналистов, лауреатом городских фотоконкурсов, была членом литературно-музыкального объединения «Звуки лиры» им. С.В. Шевцовой, в её стихах звучат разные мотивы: любовь к родным и близким, любимому краю, природе, России. Активно занимается общественной и краеведческой работой, направленной на патриотическое воспитание подрастающего поколения. Н.В. Громыко – равнодушный человек к болям и страданиям других людей, сопереживает вместе с ними трагические события Великой Отечественной войны, посвящая им свои произведения. Ярко, образно пишет рассказы и очерки, публицистические статьи, издаёт литературно-краеведческие работы в различных изданиях, публикуется в региональных и приморских журналах и литературном альманахе «Дальняя Россия» (с 2015 г.), «Литературный Альтаир», «Под чутким небом Уссурийска», «Служу Отечеству» и др. С 2016 года вошла в состав творческого объединения «Литературный Альтаир» УГО.

Отзвуки победы

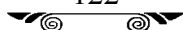
Давно закончилась война,
В земле покоятся солдаты,
И вновь на улице весна,
Как в том победном, сорок пятом.

Где ликовала вся страна,
В слезах от радости, печали.
И вражьи флаги у Кремля
На землю русскую бросали.

Отцы вернулись, сыновья
Под свод родного дома.
Отныне радость бытия
И мирный труд всем уготован.

Мы не забудем тех бойцов,
Что пали в битве правой,
Отважных русских храбрецов.
Да будет им почёт и слава!

Для них красуется сирень.
Блестит роса на травах низких.
Для них в погожий майский день
Несут букеты к обелискам.

Бессмертный полк

Сегодня день особенный такой:
Сады в цветах, как в белой пене,
По майским улицам текут рекой
Героев призрачные тени.

Бессмертный полк на площадях страны.
Застыли на портретах лица.
Солдаты той безжалостной войны,
И как нам вами не гордиться!

Вы жизнями закрыли, как щитом,
Свою страну, родных и близких.
Вас назовут героями потом,
Цветы возложат к обелискам...

Достану мамин старенький портрет,
Где юной девушке семнадцать,
И выйду с ним на праздничный проспект,
Чтоб мирной жизнью наслаждаться.

Немало её досталось от войны –
Жестокой, злой и ненавистной.
Те годы болью, горечью полны,
И скорбью от потери близких.

Идём. Весна душиста и терпка,
Деревья в зелени листочков...
И слышу лёгкий шелест ветерка:
«Живи спокойно, моя дочка!»

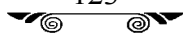
«Сыночек, вернись!»

*Моему дяде, Борису Романовичу Арсеньеву,
умершему от ран в госпитале г. Елгава, в 1944 году*

В тревожном бреду метался боец,
Цеплялась за жизнь молодая душа.
«Сестрёнка, – стонал он, – мама, отец...»
Сознание терял и плохо дышал.

В больничной палате тихо, светло,
Но мучает жажда, он просит воды.
Солдату сегодня ещё повезло –
Убитых друзей не пополнил ряды.

Привиделся парню маленький дом,
Берёза, скамья у старых ворот.
Сестрёнка играет с серым котом,
И жёлтых подсолнухов хоровод.

Старушка в платке и дед с бородой,
Хлопочет мамаша у жаркой плиты.
И с этой картиной, такой дорогой,
Стоит наш Борис у последней черты...

Метался боец в тревожном бреду...
С молитвою женщина падала ниц,
Почувствовав сердцем боль и беду,
Шептала с мольбою: «Сыночек, вернись!»

Ванечка - мамин браток

*Брату моей мамы, Ивану Арсеньеву,
подорвавшемуся на mine под Новороссийском в 1942 году*

Крепко сжимая винтовку,
В свой последний бросок
Бежал, молодой и ловкий,
Ванечка – мамин браток.

«Ванька, Ванюша, сыночек» –
Кликали дома его.
Парню двадцатый годочек –
Это ж совсем ничего.

Дома подруга Ульянка
Ждёт, надежды полна.
Если б не эта полянка,
И не злодейка-война...

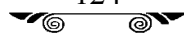
Не было б минного поля –
Счастье вернулось бы в дом.
Свадьбу сыграли бы вскоре
Шумным большим селом.

Миг лишь один – и не стало
Брата у мамы моей.
Бабушка тяжело рыдала,
Дед поседел до корней.

Нет жениха у Ульяны.
Горе и слёзы тоски...
А на злосчастной поляне
Снова растут цветы...

Фото в семейном альбоме,
Время, застывшее враз.
Парень в военной форме
Смотрит прямо на вас.

Взглядом из поднебесья –
Словно зашёл на часок...
Наша неспетая песня –
Ванечка – мамин браток.

Людмила Зенкова

Член творческого объединения
«Литературный Альтаир» УГО.
г. Уссурийск, Россия

Людмила Петровна Зенкова – преподаватель-психолог, имеет высшее педагогическое образование по специальности «Педагогика и психология дошкольная». Работала методистом, заведующей в детском саду г. Уссурийска. С 1991 г. стала занималась преподавательской деятельностью на кафедре психологии в УГПИ, а с 2011 года – в Школе педагогики ДВФУ. Поэзией Л.П. Зенкова увлекалась ещё в юности, а признание пришло в 2015 году. Её стихи печатались в сборнике «Под чутким небом Уссурийска», посвящённом 150-летию города, в Приморском краеведческом альманахе «Дальняя Россия» (2016 г.), в газетах «Служу Отечеству», «Литературный Альтаир», «Уссурийск поэтический» (приложение к газете «Коммунар»).

В настоящее время Людмила Петровна находится на заслуженном отдыхе, продолжает активно заниматься творческой деятельностью, является членом творческого объединения «Литературный Альтаир» УГО.

День победы

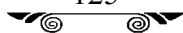
К нам Победа пришла в день весенний:
Крики радости, смех на устах.
С ароматом цветущей сирени,
Со слезами от счастья в глазах.

Тишина непривычно ложится
Шлейфом лёгким, окутав сады.
Мир настал, и паря, словно птица,
Гонит прочь отголоски войны.

В дом родной возвращались солдаты,
Но не все, кто на фронт уходил.
Они жили, любили когда-то.
По погибшим наш плач у могил.

И в округе становится тише,
Вспоминая войны горький дым.
Память вечная! Слава погибшим!
Слава вечная! Слава живым!

И Господь, уводя наши беды,
Над землёй зажигает восход.
Будем Праздник Великой Победы
Мы салютом встречать каждый год!

У вечного огня

*Моему отцу Брыкину Петру Ефимовичу,
участнику Великой Отечественной войны посвящается...*

У вечного огня герой солдат
Гранитных стен безмолвие хранит.
Здесь имена без званий и наград,
Как сотни глаз глядят с холодных плит.

А вот, с однополчанами в строю,
Шаг ускоряет ветеран-солдат.
Склоняя голову к священному огню,
Он слушает, как павшие молчат.

И память удушающей слезой
Сдавила вдруг израненную грудь.
Так хочется под сенью голубой
В бессмертные глаза ещё взглянуть.

Оберегая славных воинов покой,
Страны потерю скрыла тишина.
Над пламенем, горящего свечой,
Застыли их в граните имена...

У вечного огня седой солдат
Войны былое свято он хранит.
И, не смолкая, его памяти набат
Слезой скорби бьётся о гранит.

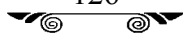
Воину победы

С тех пор прошло немало лет,
Когда война огнём пылала.
Вставал под свист «катюш» рассвет,
От взрыва бомб земля стонала.

Вокруг клубился дым густой,
Бойцы к орудиям спешили,
И, закрывая дзот собой,
Врага безжалостно громили.

В живых осталось с тех боёв
Теперь лишь взвод, а может, рота?
И рюмкой, полной до краёв,
Здесь поминают вновь кого-то.

От нас уходят не спеша
Войны священной ветераны.
В бессилье ноет так душа,
Как у солдата его раны.

Их невозможно залечить,
Они незримо кровоточат.
Та боль встревоженно кричит,
Утихнуть надо бы – не хочет.

Склоняем голову пред ним,
Пред Славным воином Победы!
Пред павшим в битве и живым,
Сейчас, герой, не важно, где ты?

В какой стране обрёл свой кров,
Где с болью раны заживают.
Багрянца юных зорь покров
На мирном небе расцветают.

Под ним течёт судьбы река,
А рядом тихо плачут ивы.
Их взгляд зовёт издалека,
И просит: «Будьте только живы!»

Славные сыны России

Солдат от рожденья до тризны
Защитником Родины стал.
Он служит любимой Отчизне!
На верность лишь ей присягал.

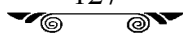
О ней его думы простые
Пылают сильнее огня.
Оплот у страны – рядовые,
Как грозной «Арматы» броня.

Закроют собой амбразуру,
Не пустят врага в дом родной.
Ты наш, паренёк белокурый,
Великой России герой!

Ты помнишь, как деды когда-то
Сражались за землю свою.
История памяти свято
Хранит имена, кто в строю.

В военные страшные годы
Стоял на посту рубежей.
От вражьих смертельных походов
Теряла страна сыновей.

Никто не забыл и традиций,
Потомки их помнят и чтят.
И славной эпохи страницы
Вовек не забудет солдат.

Когда молодым и безусым
Армейские будни встречал,
Ты не был предателем, трусом,
А с честью страну защищал!

Путь тяжкий солдата и долгий,
До ратных Побед и Свобод!
Дух предков вызывает Вас к долгу,
И славный российский народ!

Екатерина Епураш

Член творческого объединения
«Литературный Альтаир» УГО.
г. Уссурийск, Россия

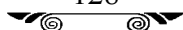
Епураш Екатерина Астафьевна родилась в Иркутской области. После окончания педучилища работала учителем начальных классов, заочно окончила Уссурийский государственный педагогический институт. Более 30 лет проработала в школе. Выпустила пять поэтических сборников, в том числе сборник стихов «Добрая книжка для детей» (2010 г.), «Дорога жизни» (2015). Екатерина Астафьевна является активным участником творческого объединения «Литературный Альтаир» Уссурийского городского округа. Публиковалась в местных литературных изданиях: «А лира всё звучит», «Под чутким небом Уссурийска», «Литературный Альтаир» и др.

Воин - победитель

Юнец в семнадцать стал солдатом
В военном огненном году.
Землянки строил он с накатом,
Познав и холод, и беду.

Пришлось и кровь смывать с шинелей,
Друзей погибших хоронить,
Привыкнуть к рокоту шрапнелей,
Из топких весей выходить.

Сражаться храбро за Отчизну,
Держать гадюку-смерть в руках,
Бросаться в бой во имя жизни,
Давить предательство и страх.

И с тяжкой ношею в заплечье
Шагать дорогами войны.
Да гнать врага, чтобы навечно
Тот понял суть своей вины.

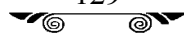
Хлебнул он голода и стужи
Из общей чаши горя, слёз.
Но был на фронте очень нужен,
Дарил Победу вместо роз.

В родных местах ждала работа.
И здесь ковались совесть, честь.
Медали есть на разворотах,
И ленты с орденами есть.

Трудам солдата нет предела:
Он славный путь прошёл, друзья.
Героев Родина воспела,
И славит их в веках ЗЕМЛЯ!

Неизвестному солдату

Война не прибавила счастья,
И радости нам не дала.
Лишь бурю, невзгоды, ненастья
Да горе и боль принесла.
Солдаты сражались, как звери
За землю родную свою,
За родину, дом и за веру
Они погибали в бою.
Бесстрашных война уносила,
Не всех удалось схоронить.
Взрывная волна их прикрыла,
Но память должны мы хранить.
Могила твоя неизвестна,
Наш храбрый советский солдат.
Но люди у нас повсеместно
О воинах память хранят.
Поставили всем обелиски,
Чтоб знали старик и малец:
Возможно, здесь родственник близкий,
А может быть, чей-то отец.
А кто-то надгробие вытрет,
И память героя почтит.
Душа его факелом вспыхнет
И в небо стрелой полетит.
А сколько таких безымянных
Родная земля хранит!
И нежных цветов первозданных
На этих могилах растит.
Поклонимся низко солдатам,
Что гибли за Нас и за Вас,
Отважным советским ребятам
Повсюду в веках и сейчас!

За колосками

По весне закрома опустели,
И в подполье картошки на грош,
Без солений бачки оскудели,
Чёрствой корки нигде не найдёшь.

И у матери в мыслях нет лада –
От хозяйства нельзя отойти.
Колоски собирать – это надо
Километров за сорок идти.

Мама дочку свою отправляет –
Ей неполных одиннадцать лет.
Пред иконой молитвы читает,
Грустно машет девчонке вослед.

Тяжела эта длинная стёжка,
И не греет истёртый платок.
А в котомке – в «мундире» картошка,
Хлеба в ней – стограммовый кусок.

С гор спускаются вешние воды
И ручьи в распадки бегут.
Стынут к вечеру мокрые ноги,
А девчонка с подружкой бредут.

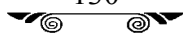
Приютили их добрые люди,
Обогрели, как только могли.
И картошку в «мундире» на блюде
Для случайных людей сберегли.

Колоски целый день собирали,
Спину гнули, в кровь руки секли,
По колено в грязи увязали,
На ночлег все измокшие шли.

Две недели грязь в поле месили,
Вечерами сушили зерно,
После мельника слёзно просили,
Чтоб в муку превратилось оно.

Выгоняли собаки их с поля,
Бригадир настигал их верхом.
Унизительно – горькая доля...
Дети плакали молча, тайком.

Путь обратный был весел и ярок,
Хоть котомки тянули к земле –
Ведь несли драгоценный подарок
Отощавшей без хлеба семье.

Напекла мать семье своей пышек,
Самовар на столе – наш кумир.
Заблестели глаза у братишек,
Долгожданный наметился пир.

Елена Якимова

Член творческого объединения
«Литературный Альтаир» УГО.
г. Уссурийск, Россия

Елена Павловна Якимова родилась в с. Дубки Михайловского района, Приморского края. Проживала в селе Кондратенковка Уссурийского городского округа. Победитель литературного конкурса МВД России «Доброе слово», призёр литературного конкурса «Золотая строка» городского информационного портала «Золото Уссурийска». Является участником творческого объединения «Литературный Альтаир» Уссурийского городского округа. Публиковалась в региональных, местных газетах и литературных изданиях: «Коммунар», «Новая пресса», «Уссурийские новости», «Поэтическая нива», «Былина», «Под чутким небом Уссурийска», «Звуки Лиры» (вып. 5), литературный сборник «70-летие Великой Победы глазами уссурийцев» и др. Является членом творческого объединения «Литературный Альтаир» УГО.

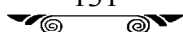
Чтобы помнили

Бессмертный полк – история в тебе –
Расскажет нам о страшной той войне.
О сколько лиц, о сколько глаз –
Из глубины десятилетий
Шагают вместе по Планете
В день майский, радуясь за нас!
И лозунг им в ответ гласит:
«Ничто не забыто, никто не забыт!»
Бессмертный полк – история в тебе –
Расскажет нам о страшной той войне.

Памятник

*Посвящается погибшим и воевавшим
в локальных войнах
и военных конфликтах...*

Цветы живые – красные гвоздики,
Как капли крови алой на граните.
На том граните чёрных два тюльпана,
Что проросли в земле Афганистана.

И смотрят ивы в мраморные плиты,
Читают люди каменные строки.
Герои в Уссурийске не забыты,
В родной стране они неодинок.

На глобусе земля черна от горя,
Слезой омыто каменное море.
Застыла в мраморе рука солдата –
Неотделима жизнь от автомата.

Цветы живые – красные гвоздики,
Как капли крови алой на граните.
На том граните чёрных два тюльпана,
Что проросли в земле Афганистана.

Я с гордостью смотрю на фотоснимок

Я с гордостью смотрю на фотоснимок,
Бессмертный полк его мне подарил.
На лица падал свет, – и тень грустинок
Во взоры милых женщин обронил.

Они стояли рядом в звоне мая,
Цвела природа, придавая сил.
Весь Уссурийск, победно напевая,
Своих героев на руках носил.

Вот в рамках: Плотников, боец Кислицын, –
В ряды бессмертия вошли они.
Нам День Победы преподносит в лицах
Историю той памятной войны.

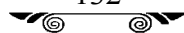
Я с гордостью смотрю на фотоснимок,
Бессмертный полк его мне подарил.
Весенний падал свет, и тень грустинок
Во взоры милых женщин обронил.

Голубь мира

В небесах свои крылья расправив,
Голубь мира парит над землёй –
Так держать, дорогая Держава!
Мать-Россия, мы вместе с тобой!

Всё приемлет царица порядка,
Дух небесный пронзает сердца,
Хоть живётся порою несладко,
Но характер рождает бойца.

Потому небеса голубые
Улыбаются ей не впервой –
Равновесие держит Россия,
Принимая стандарт мировой.

В небесах свои крылья расправив,
Голубь мира парит над землёй –
Так держать, дорогая Держава!
Мать-Россия, мы вместе с тобой!

Подвиг атаманки

*Посвящается памяти Алены Ходченко,
погибшей 19.02.2015 г. в Дебальцевском котле,
позывной – «Атаманка»*

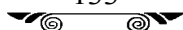
Ах, война, ты война. Стынут слёзы солдата,
На трескучем морозе раны встать не дают.
Где же ты, Атаманка?! Снега алые смяты,
Храбрецы чуть живые твоей помощи ждут.

Кто же им объяснит, кто же им правду скажет,
Что на помощь Алена никогда не придёт.
Раны кто-то другой тем бойцам перевяжет.
Атаманка погибла, защищая народ.

Косы дивной красы прикрывали гранату,
Десять дней до весны. Жизнь замкнута в кольцо.
Гулко взрыв прогремел. Под осколочным градом
Застонала земля – позывной налицо.

Её подвиг бессмертен, и врагу он напомнит,
Что бандеровцам рано славить сущность свою.
Ведь фашизм никогда мир собой не заполнит,
Это знают солдаты, когда насмерть идут.

И не спится бандитам, и не даст спать им сила –
Сила духа и воли малороссов в строю.
За свободу отчизны сила братьев сплотила,
И не будет пощады вражьей стае в бою!

Геннадий Унжаков

Член творческого объединения
«Литературный Альтаир» УГО.
г. Уссурийск, Россия

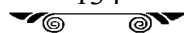
Унжаков Геннадий Михайлович родился на Ура-

ле. В 1970 году окончил Военное зенитно-ракетное училище. Тридцать лет прослужил в Вооружённых Силах страны. В 1994 году вышел в отставку на заслуженный отдых в чине подполковника. Является активным участником творческого объединения «Литературный Альтаир» Уссурийского городского округа. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в газетах «Южный Урал», «Новая», «Уссурийские новости», в местных литературных изданиях: «70-летие Великой Победы глазами уссурийцев», «Под чутким небом Уссурийска», «Литературный Альтаир» и др.

Г. Унжаков – художник-любитель. Увлекается акварелью.

Последний бой

Вокруг рвались снаряды и тела!
Земля, как конь, вставала на дыбы!
А с темнотой настала тишина,
Как будто вовсе не было войны;
Как будто вовсе не было атак;
Как будто не звенел предсмертный крик;
Как будто не бесился лютый враг,
И жизнь не отделял от смерти миг!
Как будто командир не вёл вперёд
Уставших и израненных солдат.
Но не остыл ещё и руки жжёт
Мой, раскалённый боем, автомат!
И жив, как прежде, в памяти моей
Ничком упавший, мёртвый политрук;
И молодой ещё совсем солдат,
Принявший знамя из остывших рук!
Последний бой! Рывок, и вот – конец!
Нет больше мук, страданий и смертей!
Салют Победы! Вот – всему венец!
Итог с боями пройденных путей!
Прошла война, но жертв её не счесть!
Седых голов и ран не сосчитать!
А где, скажи, места такие есть,
Чтоб над могилой не рыдала мать?
Никто не нарушает тишины,
С ней на планету долгий мир пришёл,
Но помнить все из века в век должны:
С каким трудом народ его нашёл!

Ко дню победы

Давно минули роковые годы
«Великой битвы» с вражеской ордой,
Но до сих пор мы пожинаем всходы
«Посеянного горя» той войной...

Нет города такого иль селенья,
Семьи нет ни в одной стране,
Где бы царило прошлого забвенье,
Где б ни осталась память о войне!

О, сколько горя принесла та битва –
Смертей людских вовек не сосчитать.
И нет семьи, где не слышна молитва,
Где б ни скорбела о погибшем мать!

Большой ценой досталась та победа –
Сожжённых городов и сёл не счесть.
Все в бой пошли: от юноши до деда,
Чтоб сохранить достоинство и честь!

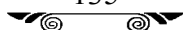
И женщинам нашлась, увы, работа,
О, сколько пало их в неравных тех боях.
Медчасти помнят их, и помнит их пехота,
И авиация – ночной фашистов страх!

В тылу врага вели бой партизаны;
Боялись их фашисты, как чумы.
Зализывали немцы долго раны,
Когда крушили их средь дня и тьмы!

В стране ж ковали славную Победу
Все те, кто мог руками шевелить;
Ведь чай без сахара и хлеб ржаной к обеду
Не могут сил людских восстановить!

Закончилась война в цветущем мае,
И нашим знаменем украшен был Рейхстаг!
И каждый раз, Победу прославляя,
Мы с гордостью проносим этот стяг!

И славим тех, кто землю защищая,
Погиб, живым – мы почесть воздаём!
О победителях народ стихи слагает.
Мы памятью их жили и живём!

Сергей Прохоров

Участник творческого объединения
«Литературный Альтаир» УГО
Большой Камень Приморского края, Россия

Сергей Михайлович Прохоров родился в посёлке

Шкотово Приморского края. Служил в частях морской авиации Тихоокеанского флота. Окончил Дальневосточный политехнический институт по специальности «Инженер-механик». Много лет отработал на заводе «Звезда» в г. Большой Камень, на ремонте атомных подлодок. Стихи начал писать после сорока лет. Печатался в газетах «Комсомольская правда», «Боевая вахта», «Арсеньевские вести» и др. изданиях. Автор книги-загадки для детей: «Весёлый зоопарк». Является призёром и победителем литературных конкурсов «Поздравь любимую», «Ява золотая» и др. и участником творческого объединения «Литературный Альтаир» УГО. На стихи С. Прохорова приморскими композиторами Н. Губиным и А. Тихоновым написаны песни: «Шкотовский вальс», «Песня о

Новонежино», «Три кортика» и др.

Солдатский медальон

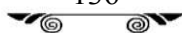
Души павших стучатся набатом!
Всех сыскать, что в болотах лежат!
Найден дед мой с пустым автоматом
Среди груды фашистских солдат.

Этот бой был, конечно, жестоким.
Перегрелся от пуль автомат.
Знаем мы, что Победы истоки
В силе духа советских солдат.

Всюду слышались раненых стоны,
Почернел от смертей белый свет.
Когда кончились в дисках патроны,
В рукопашную ринулся дед.

Он своими стальными руками
Рвал фашистов за Родину-мать.
Этот подвиг рождался веками
За Отчизну, чтоб насмерть стоять.

Нелегко нам досталась победа:
До земли ветеранам поклон.
Мне остался на память от деда
Лишь солдатский стальной медальон.

Хасанский вальс

Посвящается Хасанским событиям 1938 года

Святыня Приморья, святыня России,
Над озером Славы – тяжёлый туман.
Твой подвиг, Отчизна, всегда возносима,
Великий и древний, священный Хасан.

Сегодня ребята, мы можем поверить,
Что сопки Хасана – наш первый рейхстаг.
Здесь наши границы пытался проверить
На прочность и смелость коварнейший враг.

Начало России у нас на востоке,
От синего моря до башни Кремля.
Здесь нашей Великой победы истоки,
Политая кровью родная земля.

Но годы летят и стираются даты,
Над озером нашим опять тишина.
Мы помним, как бились героически солдаты,
И в сердце живёт та война.

Три кортика

Внуку Владимиру посвящается...

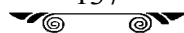
Заря встаёт через туман с востока,
От пароходов слышен рёв гудков.
На сопках города Владивостока
Живу в семье военных моряков.

Я слышу, как корабль идёт из дока,
И, выбегая утром на балкон,
Любуюсь бухтой Золотого Рога,
Себя считая флотским знатоком.

Мои родные стали мне примером,
Когда я их историю узнал.
Служил морским мой прадед офицером,
И дед на флоте юнгой начинал.

Всех восхищает флотская осанка,
Гордится ей российский наш моряк.
Мой папа – капитан второго ранга,
И служит он на крейсере «Варяг».

Мне с детских лет морские дали сняты,
В них, как отец, я Родине служу.
В моей семье три кортика хранятся,
И я четвёртый, верю, заслужу!

Забытая война

*Моему отцу, Прохорову Михаилу Ивановичу,
участнику войны с милитаристской Японией посвящается...*

В тот год были сжаты все сроки,
К победе стремилась страна.
Закончилась здесь на востоке
Забытая эта война.

Чтоб Родину нашу в трясины
Не сбросил коварнейший враг,
Припомнили мы им Цусиму,
И гордый наш крейсер «Варяг».

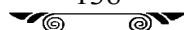
Наследники русского флота
Десантом срывались с баржи,
Брала там морская пехота
Один за другим рубежи.

Для нас имена эти святы,
Им вечные свечи горят.
Советские наши солдаты
На сопках Маньчжурии спят.

Хватило отваги и силы,
Восстал наш народ-исполин.
Мы освободили Курилы,
И остров родной – Сахалин.

Беду испила полной чашей
Любимая наша страна.
Останется в памяти нашей
Забытая эта война.

Она принесла много горя,
Мы вынесли страшный тот час.
Пусть будет Японское море
Хранителем мира для нас.

Рудик Арутюнян

Профессиональный военный, поэт
Уссурийск – Ростов, Россия

Рудик Рафикович Арутюнян – профессиональный

военный, служебную деятельность начал в 1982 году рядовым. В 1988 окончил Горьковское высшее военное училище Тыла имени маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна, в 2000 году – юридический факультет Дальневосточного государственного университета. Более 20 лет отдал службе в Приморье, а в настоящее время служит офицером в Ростовской области. Прошёл путь от лейтенанта до полковника. Первый поэтический сборник вышел в феврале 2014 года, второй – в августе этого же года. Третий и четвёртый сборники стихов («Взгляд на жизнь» и «Палитра строф») вышли в 2015 и 2016 гг. Стихи Р. Арутюняна периодически появлялись в дальневосточных СМИ (газеты «Новая», «Коммунар», «Уссурийские новости»), позже – в изданиях «Ново-

черкасские ведомости», «Кавказская здравница», альманахе «Вередарц Возвращение». В 2015 году он был одним из авторов поэтического раздела Приморского краеведческого альманаха «Дальняя Россия», став постоянным его участником. Весной 2018 года вышел в свет новый сборник стихов Р. Арутюняна «От Приморья до Дона», а в 2020 году – шестая книга «Простые истины», в которых проявилась любовь автора и к родному Приморью, и родной стороне – Придонию, высказаны самые его сокровенные мысли о любви к родным и близким.

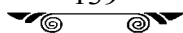
Памяти героев Сталинградской битвы

Издалеку два путника идут,
Один с трудом передвигает ноги.
Он каждую тропинку знает тут
И помнит командира голос строгий.

– Постой, сынок, присядем, не спеши,
Мне болью снова раны отозвались.
Хочу немного посидеть в тиши,
Там, где друзья мои навек остались.

Здесь шли кровопролитные бои,
И город был семь месяцев в осаде.
Погибло много сверстников твоих,
Они отдали жизнь Отчизны ради.

Вот видишь ров, что травами зарос,
Там танк горел, подорванный гранатой,
С собой в могилу «Тигр» тот унёс
Бесстрашного советского солдата.

Десятки тысяч пуль со всех сторон –
Земля давно насытилась металлом.
Огромный нанесён войскам урон,
Но битва всё равно не затихала.

Пропитан кровью был тогда курган,
Защитников тела лежали всюду.
Приказ из ставки командирам дан:
«Врагу мы Сталинград сдавать не будем!»

И в крепость превратился каждый дом,
От бомб кругом пожары полыхали.
Но, наконец, случился перелом,
Которого все очень долго ждали.

Решающий удар был нанесён,
Повержен враг, пленён, обескуражен.
Очищен Сталинград со всех сторон –
Тот бой был для победы очень важен!

Прислушайся, как плачет тишина,
И в травы слёзы капаят росой.
Лишь только ветер знает имена
Отдавших жизнь, чтоб жили мы с тобою.

Вставай, сынок, нам уходить пора,
Расскажешь моим внукам через годы.
Пусть навеки запомнит детвора,
Как предки отстаивали им свободу!

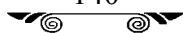
Сапун-гора

Мне кажется, что слышу взрывы, стоны,
Когда к Сапун-горе я подхожу.
Вот будто кто-то требует патроны...
Но взглядом никого не нахожу.

Не могут правду рассказать окопы,
Здесь столько душ осталось навсегда.
Под пулями солдаты шли по тропам,
Их всех сплотила общая беда.

Разорвана земля, кругом осколки,
Прикрытые пожухлою листвою,
В сырой земле они навеки умолкли,
Бойцов в могилу унеся с собой.

Ребят осталось меньше половины,
Кто чудом вышел из огня живой.
Враг наконец-то выбит был с вершины –
Досталась высота большой ценой.

Прошло с тех пор немало зим и вёсен,
Тот подвиг в полотне запечатлён,
Воздвигнута часовня между сосен,
Там льётся скорбно колокольный звон.

Саур-Могила

Истории страницы вновь листаю,
Чтоб подвиги народов воскресить.
О битвах на Донбассе я читаю:
О тех боях преступно позабыть.

В далёком сорок третьем это было,
Горело всё от взрывов, канонад,
Бойцов немало головы сложили,
Когда обрушился из стали град.

Тогда, на подступах к Саур-Могиле,
Фашисты штурмовали высоту.
Враги не раз к окопам подходили –
Не дрогнули солдаты на посту.

Здесь танками агрессоров давили,
Металл стонал от лобовых атак,
Пехота врукопашную сходилась,
Всё в дело шло: штык-нож, приклад, кулак.

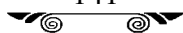
Миусский фронт торжествовал победу,
Очищена Донецкая земля.
Спасибо и поклон отцам и дедам,
Они отдали жизнь свою не зря.

Прошли года, и на Саур-Могиле
Потомки в память стелу возвели,
А позже обелиск установили,
Солдата в девять метров от земли.

И на восток смотрел бесстрашный воин,
В руках сжимая крепко автомат,
Как часовой, десятки лет он, стоя,
На страже был, не требуя наград.

Не внешний враг ступил на земли эти:
Власть захватил бандеровец-фашист.
Сейчас в цене предателей портреты
И символ, что использовал нацист.

Крушат теперь бывшие обелиски,
И памятники прежних лет долой.
Так воин оказался в чёрном списке,
И вновь пришлось принять неравный бой.

Разрушен пьедестал до основания,
Вернулась, будто, прежняя война.
Саур-Могилы, как в воспоминаньях,
Нацистами опять осквернена.

Пусть временно проиграно сраженье,
Но память канонадой не убить.
И новое родится поколение,
Чтоб памятники все восстановить.

Лётчикам

На земле приветливой Донской
Лётчиков-героев не забыли:
Стелу, истребитель боевой,
Всем погибшим здесь установили.

Сколько вылетов за всю войну
Совершили соколы бесстрашно,
Сколько, разрывая тишину,
Падали подбитыми на пашни.

Сколько эшелонов и колонн
Уничтожили в боях ребята,
Чтоб захватчики убрались вон,
От фельдмаршала и до солдата.

Цель была одна – прогнать врага
И очистить небо от фашистов,
Чтоб на нашу землю свысока
Не летели бомбы вниз со свистом.

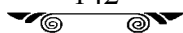
С патриотов надо брать пример –
Безгранична их любовь к Отчизне,
Без сомнения, они, поверь,
Ради мира жертвовали жизнью!

Девятое мая

Хмурое небо на землю роняет
Слёзы по павшим солдатам в боях.
Сколько убито – оно только знает –
Сколько замучено в концлагерях.

Время парада. Салютом гром грянул,
К площади строем шагают полки.
Перед трибуной колоннами встали,
Ленты по ветру – идут моряки.

«Смирно» – команда и, статуи словно,
Замерли воины, слушая речь.
Все присягнули они поголовно,
Родину чтоб от врагов убересть.

Речь завершилась. Раскатисто вместе,
Громко в ответ прокричали «Урррааа!».
Взмах дирижёра, военный оркестр
Тут же начнёт марш Славянки играть.

Шагом торжественным в форме парадной
Рядом с трибуной проходят полки.
Жаль, но один полк, бессмертный, обратно
В часть не вернётся мечтам вопреки...

Разные чувства царят в атмосфере:
Радость и гордость за нашу страну,
Что, несмотря на большие потери,
Выиграли вместе народы войну.

Новому поколению

Каждая советская семья
За войну немало натерпелась.
Люди гибли, жизни не щадя,
За Отчизну, проявляя смелость.

Всё смешалось, будто жернова
Порох, землю, сталь перемололи,
Инвалид, младенец и вдова,
Голод страшный, выжженное поле...

Выдержал измученный народ,
Тяжесть на плечах такую вынес.
Цель поставил двигаться вперёд,
Чтоб мечты о мирной жизни сбылись.

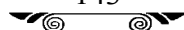
Поколение новое теперь,
Небо чистое над головою.
Но чтоб не проснулся снова зверь,
Быть должны мы начеку с тобою.

И историю нельзя забыть,
Не имеем мы такого права.
Кто без прошлого стремится жить,
Значит, потерял он смысл здравый.

Защитник

Он о войне не вычитал из книжек,
Про страшный ад не кто-то рассказал:
Он был одним из смелых тех парнишек,
Кто за свою Отчизну воевал.

Окопы, грязь и леденящий холод,
Ночей бессонных уж не сосчитать,
Тяжёлые бои, усталость, голод,
Приказ: «Любой ценой не отступать!»

В который раз отбросили фашистов,
Стволы не успевали остывать,
И тысячи убитых в поле чистом:
Солдаты, что не смогут больше встать.

Нависла ночь, но взрывы не умолкли,
Внезапно просвистев, упал снаряд,
Доносятся проклятья, крики, вопли,
Потом всё заглушает камнепад.

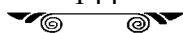
И тишина на несколько мгновений,
Чужая речь, и смех чужой, а он
Всё слышал, но лежал в оцепенении,
Казалось, это был последний сон.

Нет, не погиб, но тяжело был ранен,
Лечение полгода, снова в бой,
И каждый раз сражение на грани,
Защитник в гуще – на передовой.

Прошёл весь путь и выжил в пекле этом,
Сражаясь вовсе не за ордена.
Он выполнил родителей заветы,
И дань присяге отдана сполна!

Неизвестный солдат

Останки неизвестного солдата,
Осколками пробитый шлем стальной,
Вся ржавая сапёрная лопата –
Уж сколько лет лежат в земле сырой.
Отсутствуют жетон и документы,
Но есть фрагмент винтовки и штыка,
Ещё куски от пулемётной ленты
И от гранаты взорванной чека.
Все поиски не дали результатов,
Зачислен в списки безымянных был,
В могиле неизвестного солдата
Теперь герой без имени почил.
И не узнать, кто этот павший воин,
Кто пулями врага здесь был сражён?
Он с почестями похорон достоин –
Защитнику Отечества поклон.
Погибшего на фронте за свободу
Обязаны народы свято чтить,
Чтоб в памяти потомков через годы
Солдат отважный оставался жить!

Никто не забыт...

На плите огромной из гранита
Высечены в списках имена.
Значит, что герои не забыты –
Для потомков доблесть их важна.
Эти люди, жертвуя собою,
Подарили мир земле родной.
Стало небо чистым над страной,
И народы обрели покой.
В каждом уголке большой державы
Дань героям люди отдают.
И года не умалят их славу,
Временем победу не сотрут.

2. ПРОЗА

Рассказы

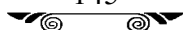
Анатолий Мелькевич

Член Союза писателей 21 века,
журналист, прозаик, поэт,
участник творческого объединения
«Литературный Альтаир» УГО

Анатолий Иванович Мелькевич родился в 1949 году в деревне Васильевка Приморского края. Закончил рабфак, отделение журналистики Дальневосточного государственного университета. Работал пастухом, трактористом, механиком рефрижераторных секций, затем – 30 лет в журналистике. Был редактором детской и многотиражной газет. Публиковался в периодической печати, в краевом альманахе «Живое облако», антологии «Разноцветье приморских талантов», в литературных сборниках, журнале «Дальний Восток». Анатолий Иванович работал в центральных, региональных, краевых и районных газетах, был участником всероссийского конкурса среди журналистов «Слово лечит, слово ранит» (Москва, 2014 год). Пишет стихи и рассказы, автор нескольких книг прозы. Член союза журналистов СССР и РФ, член Союза писателей 21 века, является

активным участником творческого объединения «Литературный Альтаир» Уссурийского городского округа. Живёт в Уссурийске.

Заместитель гендиректора

Рассказ

Кто формирует характер ребёнка – школа, семья или улица – извечный вопрос во все времена.

Я не берусь на него найти ответ, проанализировав жизнь моего знакомого, перешагнувшего уже 40-летний рубеж, только сейчас обнаружил изюминку, которая, как показалось, дала мне право изложить эту историю письменно.

Итак, начнём со школьной скамьи.

Коля в школе подавал надежды: в начальных классах за учёбу регулярно получал почётные грамоты, и, надо сказать, весьма гордился этим. Но в пятом классе учёба стала хромать, грамоты он тоже получал, но уже за общественную работу в школе.

– Откуда у тебя столько денег?! – задала как-то ему вопрос мать, обнаружив в карманах сына изрядную сумму монет.

– ??!

Всё оказалось гениально просто. Колька, веснушчатый подвижный паренёк, оказался достойным учеником своего папаши.

– Мой предок не какой-нибудь там работяга, он – заместитель генерального директора – хвастался паренёк.

Что сынок там подслушал из разговоров родителей, – не знаю, но только к пятому классу у него уже сформировалась стойкая собственная жизненная позиция: он, как и его папаша, решил разбогатеть.

В первый раз, насмотревшись телефильмов про карманных воришек, он похитил из кармана одинокой старушки почему-то всю в чернильных пятнах измятую пятирублёвую купюру – в конце восьмидесятых годов целое состояние.

– Мальчик, а что это там у вас торчит вместо язычка? – задала ему вопрос та же самая старушка, когда он, совершив первое в своей жизни преступление, сунул впопыхах добычу в правую кеду (тогда еще не кроссовки!), язычок которой съехал внутрь, и бабкина купюра, меченная чернилами, нагло, словно насмехаясь над прежней хозяйкой, торчала у всех на виду.

Только после этого неожиданного вопроса Колька от испуга перестал вить круги возле жертвы, он кинулся прочь от места первой кражи, он мчался какими-то незнакомыми ему дворами, потом убегал от незнакомых пацанов, которые завидев чужака, громко свистели ему вслед. Он видел и слышал, как те, засунув пальцы в рот, азартно кричали: «Держи его, держи!».

После пережитого стресса, проанализировав, Колька уже не воровал деньги из карманов прохожих. Сделать это проще простого дома – у мамы, сестрёнок, или у тётушек и дядюшек в гостях: все они после его лихих набегов, оказывались без своих сбережений. Конечно, виновник был обнаружен, но... ему за это ничего не было.

– Не пойман – не вор! – ответил загадочно отец на слова жены.

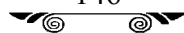
То ли себя он имел в виду, то ли говорил об инциденте с сыном – тайна. Но только после этого скандала у Кольки родилась новая идея, ставшая причиной плохих отметок в школьном дневнике и периодом первоначального накопления капитала.

Нет, не зря Колька получал грамоты за общественную работу в школе. Тогдашний волонтер принимал деятельное участие в выпуске школьной стенгазеты, в пятом классе шефствовал над первоклашками. Особенно ему нравилось дежурить в школьной раздевалке.

– Коль, присмотри-ка на минутку, – просила тётя Клава, техничка, и она же при необходимости присматривала за верхней одеждой школяров.

Коля никогда не конфликтовал со школьной администрацией, старался избегать их и с одноклассниками. Но тут не иначе вмешалась нечистая сила.

– Ты, ты... На мою территорию, на мою территорию влез!

В очередной раз заболела учительница математики, и каждый занялся своими делами... Надо же было им встретиться с Васькой, одноклассником, упитанным, но шустрым тяжеловесом!

Не за горами были незабываемые 90-е, и пацанва уже тихо вооружалась: в 9–10 лет у каждого имелись «барашки» вентиляй (на пальцы одевались вместо кастета) или что-то подобное, из свинца. «Ты за своё держись, не упускай», наставлял его отец, заместитель гендиректора. Он-то, видимо, уже тогда не раз употреблял свой чёрный пистолет (Коля его уже держал в руках) – папашка защищал первоначальные капиталы.

Тогда, безмолвно договорившись, Колька и Васька продолжили начатое: деловито проверяли наличность внутренних и внешних карманов верхней одежды. Колька даже похвалил себя: у него, как он прикинул, получалось лучше. Школьники после уроков уходили домой, отстающие оставались, с ними тогда совершенно бесплатно учителя повторно проходили пройденный материал. Вот их карманы Колька и потрошил – не зазря же он общественной работой занимался! Ему доверяли...

Это сейчас, в 21 веке, есть штатные гардеробщицы, выдаются специальные номерки, ведётся видеонаблюдение, а тогда гардероб или раздевалка закрывались лишь палочкой или маленьким замочком. Такими раньше закрывали почтовые ящики. Пацаны договорились и грабили школьников по очереди: один наблюдал, другой добывал.

Наконец в 6-м классе их афера была раскрыта, и подельники были разоблачены.

– Ну, Колька, – только покачал головой (то ли удивился, то ли восхитился) папаша, к тому времени уже ставший полновластным хозяином – генеральным директором. Он договорился – мальчиков перевели в другие школы.

Прошли годы. Бывшие подельники – так уж получилось – при встрече даже не разговаривали друг с другом.

– На днях я встретил Ваську, решил поговорить с ним, но он не захотел – пожаловался Коля мне.

Коля и раньше мне обо всём рассказывал, а тут его словно заклинило – не желал говорить о том, почему только сейчас решил с бывшим подельником помириться.

– Васька, мелкий бандит, стал заместителем генерального директора, – наконец-то нехотя признался мой собеседник.

Я долго размышлял и, наконец, догадался. Последние слова Коля произнёс уважительно, как-то растерянно – и дальше молчок: он, видимо, тоже мечтал стать заместителем генерального директора...

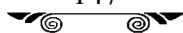
Отличница Виолетта - мой компас земной

Рассказ

1959 год. Я, третьеклассник, иду в школу. Дорога-то неблизкая: если идти напрямик, то, пожалуй, один километр можно со счёта сбросить, а так – все шесть. Но ведь 10-летний мальчуган – настоящий самолет-вертолёт: я высоко подпрыгиваю, взмахиваю руками, подобно лопастям воздушного судна, и бегу-бегу так по поляне, сплошь покрытой полевыми цветами, впитывая их запахи, ощущая стрёкот кузнечиков, шарахающихся от меня разноцветных бабочек.

В тот раз решил добраться официальной дорогой. Впрочем, таковой в то время и не существовало: техники в деревне было мало, а потому были лишь пешеходные узенькие тропинки, а на выходе из деревни и таковые исчезали.

Вот и военный городок. Стоит миновать овраг, крепко держась за перила деревянного шатающегося подвесного моста, пробраться по нему, при этом школяры старались расшатать сильнее это сооружение, и вот метрах в пятистах – наша начальная школа: приземистое одноэтажное строение барачного типа. На крыше – несколько недействующих полузакопчённых кирпичных труб, а чуть поодаль – кочегарка, отапливающая нашу школу. Ещё дальше –

десяток-другой двухэтажных капитальных и деревянных – из шпал – жилых домов, казармы, да продовольственный магазин, в народе – военторг.

По правде говоря, пыл мой погас ещё на подходе к школе: сегодня не стоило торопиться – это было необходимо, чтобы списать домашнее задание у отличников, которые никогда не опаздывали на уроки и, в отличие от двоечников, пребывавших на «камчатке», всегда сидели на передних партах. Там пребывала и она, мечта моей никчемной (об этом я позже узнал) жизни.

Сегодня же всем должны были выдать табеля успеваемости. Ничего хорошего мне это не сулило, но я, худенький, стройный, высокий мальчуган, по привычке, чтобы сбросить с плеч надоевший обтянутый дермантином фанерный ранец, стал усиленно раскачиваться и вдруг – бац, от моего форменного школьного костюма отлетели сразу две пуговицы.

– Ну, тебя сегодня Зоя Ивановна точно домой отправит.

Володя Баринов, такой же двоечник, всегда старался выделиться, верховодить. «Вот, – думаю, – училка сделала бы это прямо сейчас, пока не зашёл разговор об учёбе, вернее, её итогах». А сам уставился на неё, соседку с толстой косой за спиной, стройную, черноглазую блондинку. Впрочем, в те годы мысленно я называл её по-другому: моя беляночка, солнышко, радость моя» – откуда только такие слова нашлись у деревенского пацана, да ещё и двоечника!?! А они ведь были: чрез 60 лет их я обнаружил в записках, пылившихся в моём архиве: старом чемодане в виде дипломат-кейса.

А она, кинув на меня равнодушный взгляд, раскладывала весь школьный реквизит: чернильницу, перьевые ручки, стиральную резинку (настоящую!) и прочее. Когда Виолетта нагнулась, чтобы спрятать в портфель продолговатый самодельный мешочек для ношения чернильницы и пенал, вдруг вздрогнула, заметив мой пристальный взгляд. И всё. Лишь недоуменно слегка пожала плечами, да что-то прошептала. Мне подумалось что-то вроде «... дурак чумазый».

А я, действительно, вечно попадал в чернильные истории: мешочек у меня постоянно куда-то пропадал, и содержимое чернильницы оказывалось в моём ранце. Лицо и, конечно же, пальцы рук тоже были цветными. После её слов я как-то скукожился, казалось, стал ниже, ощутил горечь внутри и снаружи, а лицо залила краска стыда.

И решил изменить тактику. Теперь уже избегал смотреть на аккуратную девочку, хотя очень хотелось глядеть и глядеть на её накрахмаленные манжеты, покоящиеся на изящных запястьях, дышать сладковатым запахом и ароматом, свойственными первой любви... Тогда я ещё не знал таких слов, ещё многое не чувствовал, но ведь в дальнейшем в школьные годы ничего подобного не приходилось испытывать.

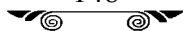
Когда думаю о школе, Виолетта – моё единственное светлое воспоминание. И общее фото до сих пор храню. Она там есть.

Теперь уже Виолетта нет-нет да и глянет на меня скольльзящим взглядом, а я – ноль внимания... Только в её портфеле стали регулярно появляться мои записочки, уже не помню их содержимое, но, вероятно, на их поверхности – как, как зачастую и на моём школьном костюме, были следы моей вечно протекающей чернильницы.

– Вы бы руки чаще мыли, да поменьше ошибок в моём имени делали – на переменке сразила меня девочка-отличница и обращением на вы, и замечанием. А я молча стоял и задумчиво жевал лист какого-то растения из цветочной кадушки.

Она выставила вперёд, чуть притопнув, левую ножку в лакированной туфельке, махнула левой рукой, мелькнув белым манжетом (этот жест почему-то держится в моей памяти до сих пор), и выронила мою записку на пол, так я стоял, замерев, как вкопанный. Язык мой как-то сразу онемел и вовсе не потому, что, как и мои руки, тоже был в чернилах. Я ничего не ответил девочке: сразу три ошибки в её имени были подчеркнуты красным карандашом.

Что ещё? Конечно же, остался на второй год. И это меня здорово задело: я закусил удила, в аттестате успеваемости у меня стали появляться только отличные оценки. И в следующем классе – тоже, пока моя Виолетта не уехала: её отца, военного, перевели в другой

гарнизон. Стимул пропал, и в пятом классе появились тройки, а в седьмом остался на осень по алгебре. «Может учиться «на отлично», но ленив – вот в чём казус» – примерно такую характеристику я получил по окончании 8 класса.

Леонид Галаюда

Член Уссурийского общества краеведов
имени В.К. Арсеньева,
с. Корсаковка Уссурийского
городского округа, Россия

Леонид Петрович Галаюда (Из-за ошибочной за-

писи в моём свидетельстве о рождении я получил фамилию ГАЛАЮДА. Делал несколько попыток исправить её на родительскую ГОЛЮЮДА, но в итоге так и остался на всю жизнь Галаюда Леонид Петрович) родился в селе Корсаковка Приморского края. Пожизненно сельский житель. Учился, служил, работал. Около 30 лет был сельским кинемехаником, около 15 лет – сельским библиотекарем, с 2016 года – на заслуженном отдыхе.

Будучи библиотекарем, стал активно писать стихи и увлёкся краеведением. На сегодняшний день им опубликовано несколько сот стихотворений и прозаических произведений в интернет-порталах «Стихи.ру», «Проза.ру»,

«Изба-Читальня» и в социальной сети «ОК». Вышли книги его стихов в издательстве УГПИ (Уссурийск) и в издательстве «Авторская книга» (Москва). Публиковался в журнале «Библиополе», в уссурийских альманахах и сборниках, в конкурсных сборниках «Поэт года» (2012, 2013, 2014, 2015), в международном альманахе «Чувства без границ» (выпуски №№ 22–28). Материалы краеведческого характера, кроме портала «Проза.ру», были опубликованы в альманахе «Дальняя Россия» (выпуск III, 2016), в сборнике «Краеведение в Приморском крае: Проблемы и перспективы развития» (2016), в краеведческих сборниках нашего общества краеведов им. В.К. Арсеньева (выпуски 1–3). Леонид Петрович является членом литературно-музыкального объединения «Звуки лиры» им. С.В. Шевцовой, членом Уссурийского общества краеведов имени В.К. Арсеньева. Главный его краеведческий труд – книга «Моя Корсаковка», посвящённая 150-летию села, в настоящее время готовится к изданию.

Дом родной

Очерк

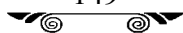
Ручьи впадают в реки, реки впадают в моря.

Жизнь отдельного человека вливается в жизнь семьи.

Жизни семей сливаются с жизнью целого народа.

Человек начинает познавать окружающий мир с самого рождения. В первые месяцы жизни весь окружающий мир для ребёнка – это колыбель, а всё человечество для него – это родители, братья, сёстры. В годы взросления – человечество будет прирастать для ребёнка соседями, друзьями, одноклассниками, коллегами, партнёрами. Представления юного человека о мире постепенно расширятся до масштабов всей планеты.

А в начале каждой отдельной человеческой биографии – родной дом и родители. Вот поэтому рассказ о своём селе будет справедливым начать с рассказа о своём доме, о своих родителях, о мире своего детства.

Мои родные дедушки и бабушки, по отцу и по матери, приехали в Приморье в 1907 году, по железной дороге, с партией переселенцев, которых столыпинская реформа согнала с земель на юго-западе России. Поселились они в долине реки Казачки, в селе, которое было названо Богатыркой. Рядом с Богатыркой, в нескольких верстах от неё, уже существовало более тридцати лет корейское селение Пуциловка. Земли, нарезанные для богатырцев, уже были частично, самовольно, распаханы корейскими крестьянами.

В дальнейшем Богатырка так и не стала крупным богатым селом. Для этого ей недоставало земельных ресурсов. Самые удобные земли в долине были уже заняты. Основной массив земельных угодий Богатырки располагался по склонам сопок, где почвы не обладали плодородием долинных, удобренных речным илом. Селу попросту некуда было расширяться, не на чем процветать.

Мой отец, Пётр Потапович, родился в 1905 году, ещё до основания Богатырки, до приезда сюда его родителей-крестьян, Потапа и Натальи Голоюда. О своём детстве отец рассказывал мне мало. Знаю только, что он рано выучился грамоте и слыл «книгочеем», хотя найти в те времена книги для чтения было проблемой. Несколько раз я слышал от него отзыв о повести П. Замойского «Подпасок». Отец считал, что судьба деревенского мальчишки, героя повести, чем-то напоминает его собственную. Эта книга с 50-х годов прошлого века хранилась в нашей домашней библиотечке. Я и сейчас храню этот томик, перечитываю время от времени и вспоминаю слова отца о том, что автор правдиво описывает деревенскую жизнь и обычаи дореволюционной деревни. Он сам в детстве был очевидцем и участником подобных событий.

Зимой 1920 года, когда гарнизон японских интервентов размещался в селе Пуциловка, всего в нескольких километрах от Богатырки, власть в сёлах Борисовской волости осуществляла белогвардейская милиция, которая бывала в сёлах наездами, постоянно же базировалась в Никольск-Уссурийском. Отцу было тогда 14 лет. Он, естественно, не принимал активного участия в происходящих вокруг событиях. Но из его рассказов знаю об участии в них наших родственников из Никольска.

Один из них, участник партизанского движения, как-то зимним днём навещал своих родственников в Богатырке. Кто-то из односельчан «заложил» его белым милиционером. Те явились арестовывать гостя. Однако, вовремя предупреждённый, он успел уйти из села и пешком, по зимним дорогам, пробирался в сторону Корсаковки, чтобы оттуда попасть через Борисовку в Никольск. Беглеца преследовал конный разъезд, и партизану пришлось прятаться в стоге соломы на заснеженном поле. Каратели не утруждали себя поисками в каждом стогу. Они попросту поджигали стог за стогом и выжидали, не выберется ли из горящей соломы беглец. Чудом, в не прогоревшей до земли соломе, партизану удалось уцелеть и через несколько часов выбраться на свет.

Я слышал этот рассказ в 60-е годы от самого участника, в застолье, где среди нашей корсаковской родни сидели родственники из Уссурийска, приехавшие погостить на праздники. Как я понял, тот спасительный стог соломы стоял на поле по склону сопки, в двух-трёх километрах северо-западнее Корсаковки. Ныне там, по краю аэродрома, проходит полевая дорога из нашего села в Богатырку и Пуциловку.

Этот рассказ надолго запомнился мне. Я даже написал через несколько лет стихотворение, которое назвал «Большевик и Смерть».

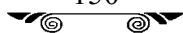
«Он выпрямился медленно и замер.

Ни зверя, ни погони рядом нет.

И плыл туман перед его глазами,

Окрашивая землю в алый цвет...»

Мама моя родилась в Богатырке, в крестьянской семье, в 1912 году. Когда окончилась гражданская война и интервенция, маме не было ещё и одиннадцати лет. С детства она батрачила на зажиточного односельчанина-кулака, вместе с другими крестьянскими девочками. Эти годы она вспоминать не любила. В 1929 году, в семнадцать лет, она вышла замуж за

моего отца. Свидетельство о браке под номером 4 было выдано молодожёнам Пуциловским сельсоветом Суйфунской волости 21 февраля 1929 года (см. примеч. 1, фото 1).

Фото 1. Супруги П.П. и А.О. Голоюда. 1929 год

Оно засвидетельствовало вступление в брак Голоюда Петра Потаповича и Дидук Анастасии Онуфриевны и принятие мамой в браке фамилии мужа – Голоюда.

В трудовой книжке отца есть запись о том, что с 1929 года по 1934 год он работал в селе Богатырка. Справка, выданная Богатырским Сельским Советом Ворошиловского района, сообщает, что в 1928–1929 гг. он был председателем сельсовета, а с 1930 года по 1 августа 1934 года – секретарём сельсовета. Видимо поэтому вступление в брак он оформлял в соседнем, Пуциловском сельсовете.

Осенью 1934 года отец был направлен на учёбу в город Ворошилов. В ноябре 1934 года он получил свидетельство о том, что «прослушал Счётно-бухгалтерские курсы Никольск-Уссурийского Райбюро ВОСУ (бывшее ОРУ)» и «оказал отличные успехи» в Счетоводстве и в Налогах и сборах, и хорошие успехи в Политграмоте. Свидетельство это было выписано 5 ноября, а уже 20 ноября отец был принят на должность счетовода в Корсаковскую МТС. В дальнейшем, в течение всей трудовой жизни, он специализировался и совершенствовался в бухгалтерском деле.

Фото 2. Отец (слева) и дядя (брат матери) на военных сборах (30-е годы)

Корсаковская МТС, где он начинал свою профессиональную деятельность, была крупнейшей в крае корейской МТС. Русские специалисты, работавшие здесь, прикомандировывались сюда районными властями или набирались из жителей соседних сёл, так как национальных, корейских кадров в селе не хватало. МТС – это механизированная армия работников земледелия, и главным отрядом этой армии были трактористы и комбайнёры. Отряд механизаторов формировался из жителей окрестных сёл, тех самых колхозов, которые предстояло обслуживать МТС – корейских и русских. Приезжие жили в общежитии, а жители близких окрестных сёл добирались в МТС на попутном транспорте или даже пешком. В период полевых работ механизаторы обитали на полевых станах, на колхозных полях, а в период зимнего ремонта техники на базе МТС – селились в общежитии. Отец мой добирался на работу в Корсаковку пешком из Богатырки, по кратчайшей тогда дороге через сопку, километров в 6–7.

Мама в это время с семьёй жила в Богатырке, работала в колхозе «Просвещенец», одном из колхозов в зоне обслуживания МТС. В мастерских МТС работали, среди прочих, друзья и родственники моих родителей, которые были «технарями» – трактористами, водителями, механиками. Это Дидук Пётр Онуфриевич, брат моей мамы, долгие годы проработавший водителем, дважды в годы войны горевший с бензовозом, но уцелевший и награждённый боевыми наградами. Это Саинсус Семён Иванович, водитель и механик в МТС, чья жена, Мария Потаповна, была сестрой моего отца и подругой моей матери. Они вместе работали в колхозном овощеводческом звене и были там на хорошем счету. Я с детства слышал в застолье их ностальгические воспоминания о том, как они были колхозницами-ударницами.

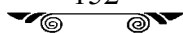
С 1 октября 1937 года, после переселения корейского населения в Среднюю Азию, отец был переведён на должность бухгалтера МТС. Штаты МТС в этот период заполнялись работниками и служащими из окрестных сёл. Русское население Корсаковки постепенно увеличивалось, сюда перебирались семьями люди из Богатырки, Яконовки, Улитовки, Борисовки, других сёл. Наша семья – мама с двумя девочками, моими старшими сёстрами, переехала сюда в 1939 году, после появления на свет третьей моей сестрёнки, и поселилась в крохотной квартирке напротив общежития МТС. С этого года начиная и в дальнейшем, мама работала в МТС на разных должностях – в подсобном хозяйстве, на складах, в общежитии и в конторе.

16 июня 1939 года отец окончил курсы «Союзоргучёта» по бухгалтерскому профилю МТС в городе Ворошилове Приморского края. При этом *«показал хорошие успехи»* по большинству дисциплин, среди которых, помимо специальных, были такие дисциплины, как русский язык, история ВКП(б), Конституция СССР. С 20 июня 1939 года его перевели на должность главного бухгалтера МТС, в которой он работал до августа 1942 года, и после войны – до 1960 года.

24 августа 1942 года отец был уволен из МТС в связи с призывом в ряды Красной Армии. В звании рядового красноармейца служил в 5-й Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии (ОКДВА). В 1945 году в её рядах воевал в Маньчжурии, до победы над империалистической Японией. Тогда принято было официально подчёркивать – победа не над японским народом, а над его военной машиной (империалистической Японией), победа не над немецким народом, а над его политическим строем (фашистской Германией).

После Победы отец был демобилизован и в ноябре 1945 года вновь зачислен на работу в Корсаковскую МТС главным бухгалтером.

Однажды мы с ним косили сено в одном из распадков среди окружающих сопки. В минуты передышки он показал мне синеющие на западе сопки и рассказал, как в этих местах одна из армейских колонн 5-й армии переходила границу на территорию Маньчжурии и штурмовала японский укрепрайон. Отец привёз с войны общую тетрадь с рукописными дневниковыми заметками. Тетрадь эта бережно хранилась в комодке, под стопкой белья. Я несколько раз листал её, но по юному возрасту не мог оценить содержания записей. К сожалению, впоследствии, в 50-х годах, тетрадь эта была утрачена, о чём я жалею до сих пор, как

жалел и сам отец. Но от тех времён осталось в семейном архиве несколько фотографий. На снимках – отец со своими армейскими товарищами в Маньчжурии (фото 3).

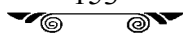
Фото 3. Отец (слева) с товарищами в Маньчжурии, год 1945

Осталась и медаль за участие в боевых действиях против японских империалистов, «За победу над Японией» – награда по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года.

Маме в годы войны пришлось, как и другим труженицам тыла, выполнять в МТС работы, которые в мирное время традиционно выполняли мужчины, а также работать на строительстве укреплений в приграничных сопках, за которыми стояла на взводе японская армия, и заготавливать лес в тайге. Её, как труженицу тыла, после войны наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В домашнем архиве хранится ещё одна медаль, полученная мамой по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 декабря 1947 г. – «Медаль материнства II степени», за рождение и воспитание пятерых детей. Я был в семье пятым ребёнком, мальчишкой при четырёх старших сёстрах. Меня было кому «воспитывать» в детские годы...

В годы существования Корсаковского совхоза мама несколько лет работала в овощеводческом звене – и до выхода на пенсию, и, будучи уже пенсионеркой, когда овощеводство в совхозе развивалось стремительно, и требовались рабочие руки – на парниках и в поле. Вместе с другими женщинами-овощеводами её не раз отмечали за хорошую работу.

В послевоенные годы государство получило возможность направить часть ресурсов на восстановление и строительство нового жилья, в том числе на селе. В конце сороковых – начале пятидесятых годов активно начала строиться и Корсаковка, старые бараки постепенно сносились, освобождая место под индивидуальные усадьбы и дома. Построил свой дом и отец – на улице Новой (ныне – Гагарина), там, где сегодня территория детского сада. К дому прилегал участок в несколько соток, занятых овощными грядками и садовыми деревьями и ягодниками.

С нашей усадьбой граничила территория конного двора, где были постройки для лошадей и фуража, а на дворе и под навесом – телеги и сани, лёгкие конные коляски, конные сельхозорудия (сенокосилки, грабли и т.д.). За постройками – площадка для складирования сена в стогах, зимнего запаса. Напротив конюшни, через улицу, среди тополей стояло здание фельдшерского пункта, с помещениями для приёма пациентов и с квартирой для семьи фельдшера. Рядом имелся колодец, которым пользовались жители ближайших домов, и мы в том числе. Вода из этого колодца казалась мне очень вкусной.

В должности главного бухгалтера Корсаковской МТС отец проработал с 1945 по 1959 год. Приказом по КрайУСХ от 4 марта 1959 года за № 86-3, «в связи с реорганизацией Корсаковской МТС от должности главного бухгалтера МТС освобождён и направлен в порядке перевода в Управление Птицеводства и ИПС». Тем же приказом он назначен старшим бухгалтером Корсаковской ИПС. ИПС – это инкубаторно-птицеводческая станция. Она была организована в Корсаковке после расформирования МТС, до создания в 1960 году совхоза в Корсаковке.

21 июля 1959 года приказом по Управлению птицеводства и ИПС отец был освобождён от должности старшего бухгалтера Корсаковской ИПС, а через несколько дней его направляют главным бухгалтером в Камчатскую МТС. Размещалась эта МТС в селе Хутор Елизовского района Камчатской области. Уезжая работать на Камчатку, отец взял с собой мою маму и меня (фото 4).

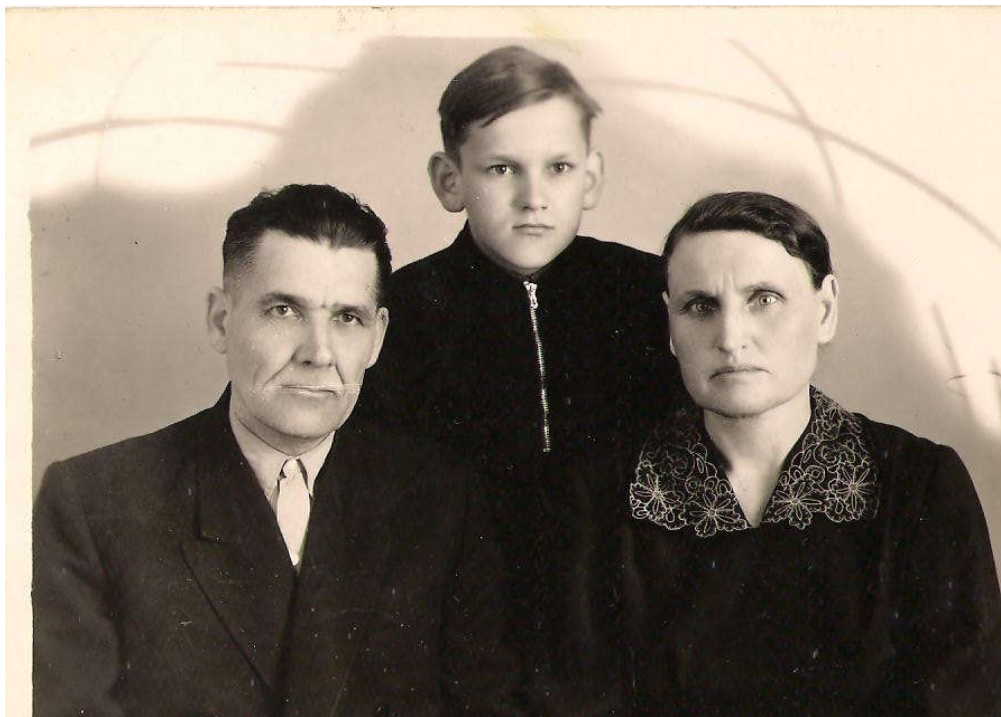
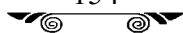

Фото 4. Леонид с родителями на Камчатке. 1960 г.

Мы провели на Камчатке год, и этот год я проучился в Хуторской семилетней школе, в седьмом классе. Отец работал в Хуторе вплоть до реорганизации МТС на Камчатке в апреле 1960 года, оттуда был переведён в Октябрьский совхоз Приморского края, а в августе 1960 года был уволен в связи с уходом на пенсию.

Будучи пенсионером, он с 1962 по 1969 гг. работал в войсковой части – стрелком в/охраны, старшим стрелком, бухгалтером в/части, бухгалтером комендатуры.

Так сложилась его профессиональная биография. Однако каждый человек, помимо труда на благо общества, часть своей жизни тратит на свою семью, свой дом, содержание домашнего скота. У нас была корова, для переработки молока имелся сепаратор и ручная маслобойка. В сараюшке держали несколько кур, выращивали поросёнка. Давним домашним

увлечением отца было садоводство. У нас дома имелось несколько книг, посвящённых выращиванию плодовых и ягодных культур в Приморье. После войны, когда у нас появился собственный дом, на приусадебном участке, помимо овощных и картофельных грядок, отец стал культивировать сад. Особенно увлечённо выращивал он виноград – районированные в Приморье сорта. В 60-х годах особая комиссия, оценивавшая участки, предназначенные на снос, зафиксировала в акте, что на нашем участке произрастало в 1967 году: 7 яблонь, 14 яблонь-полукультурок, 13 ранеток, 3 груши, 6 кустов вишни, 56 кустов винограда.

Помимо приусадебного хозяйства наша семья, как и большинство корсаковских семей, имела участок в несколько соток за селом, где обычно выращивались картофель, помидоры, кормовая тыква и т.п. Каждое лето по несколько дней мы проводили за селом – пололи и окучивали грядки. Осенью выписывали в хозяйстве лошадь с телегой, для перевозки урожая домой. На зимнее хранение овощи закладывались в подполье, в кладовке хранились соленья в бочках. Таёжные и садовые сборы (виноград, боярка, лимонник, шиповник, яблочки-дички) выносились для сушки на чердак, под них расстилались старые покрывала, клеёнки, газеты и т.п.

На чердаке проводили лето младшие дети. Особенно любили они ночевать дружескими компаниями друг у друга на чердаках, по очереди – то на одном чердаке, то на другом. Для этого здесь всегда имелись старенькие одеяла, подушки, разное тряпье. То-то разговоров бывало переговорено в темноте! Нагретые в жаркий летний день крыши отдавали по ночам своё тепло. Многие новые дома в селе были под крышами из гофрированного цинка, распространённого тогда материала. Достаточно сказать, что многие постройки в МТС были выполнены с применением гофрированного цинка – старые корпуса мехмастерских, ангары для техники, складские помещения. Только позднее для этого стал применяться шифер.

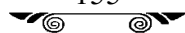
В детстве мы проводили большую часть времени вне дома – не только в школе, но и на речке, в полях, в сопках.

В центре села, на площадке перед школой, между клубом и старым зданием церкви, молодёжь организовала своего рода «стадион»: здесь была волейбольная площадка, здесь играли в лапту и городки, здесь многие дети проводили своё свободное время. Здесь же позднее, уже в 60-х, разворачивался передвижной широкоэкранный кинотеатр, чтобы отрабатывать здесь три-четыре вечера (фильмы демонстрировались под открытым небом). Для нас, пацанов, все улочки и закоулки села были так же близки, как комнаты родного дома.

Можно сказать, детство у нас было коллективным. Так же коллективно, как трудились наши родители, и мы, дети, осваивали и познавали окружающий нас мир. Есть такие расхожие слова – об одной на всех друзей радости и беде. Мы, дети и взрослые, были не просто односельчанами – мы были друзьями, жили одной на всех жизнью. А начинался путь в эту жизнь – в родительском доме, в семье.

Примечание:

1. Фото из семейного архива автора.

Дина Рычкова

Учитель русского языка и литературы,
Почётный работник общего образования РФ,
Писательница.
Йошкар-Ола, Республика Марий Эл.

Дина Михайловна Рычкова родилась 21 мая

1959 года в деревне Йошкар-Памаш Сернурского района Республики Марий Эл. После окончания Марисолинской средней школы с 1976 по 1981 год училась на филологическом факультете Марийского государственного педагогического института имени Н.К.Крупской в городе Йошкар-Ола. С 1981 по 2010 год работала учителем русского языка и литературы, марийского языка и литературы, заместителем директора по учебной работе в Марисолинской средней школе Сернурского района. Получила звание – «Почётный работник общего образования Российской Федерации» (2006 г.), «Лучший учитель России» (2006 г.), награждена многочисленными грамотами Министерства образования Российской Федерации, Республики Марий Эл, Министерства культуры Республики Марий Эл, Государственного Собрания РМЭ, а также грамотами Союза писателей РМЭ, ГТРК, Республиканских печатных изданий, отделов образования и культуры Сернурского района, Музейного Ведомства Финляндии; награждена медалью имени Ыйвана Кырли. Пишет рассказы. Вышло уже несколько книг о Приморье, ставшего ей родным. Жила несколько лет в г. Уссурийске, где живёт её дочь. А в настоящее время Дина Михайловна проживает на своей родине, в Йошкар-Оле.

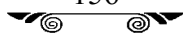
Министерства культуры Республики Марий Эл, Государственного Собрания РМЭ, а также грамотами Союза писателей РМЭ, ГТРК, Республиканских печатных изданий, отделов образования и культуры Сернурского района, Музейного Ведомства Финляндии; награждена медалью имени Ыйвана Кырли. Пишет рассказы. Вышло уже несколько книг о Приморье, ставшего ей родным. Жила несколько лет в г. Уссурийске, где живёт её дочь. А в настоящее время Дина Михайловна проживает на своей родине, в Йошкар-Оле.

И такое бывает...

Рассказ

Ночная мгла опустилась над городом. Улицы засверкали огнями. На главной площади зажглись разноцветные иллюминации. Свежевыпавший белый снежок тоже заискрился радужными цветами. Показалось, что ёлочки возле тротуаров в белых, а теперь уж в разноцветных нарядах, закружились в праздничном хороводе. Люблю я этот город! Вот влюбилась в него без ума... и всё! Люблю цветочные клумбы... люблю фонтаны... люблю площадь... люблю бульвар с сакурами... люблю церкви... люблю всё! За что – сама не знаю... Наверное, за красоту! Наверное, за то, что живут в этом городе мои дети и внуки! Наверное, за творческий воздух, который витает над городом! Меня восхищают хоровые и танцевальные коллективы, которые каждый год выступают перед народом на площади... Я вдохновляюсь и окрыляюсь в обществе поэтов и писателей, которые так восхищённо воспевают свой родной край! Художники на века оставляют образ города на своих прекрасных полотнах! С огромным интересом и большой любовью краеведы изучают историю родной земли! А ещё меня восхищает то, что очень дружно живут в городе десятки разных национальностей! И каждый год проводится в городе Фестиваль Дружбы народов! Все народности чтут и берегут традиции своей нации, воспитывают молодёжь в духе любви и уважения к окружающему миру! Да, нравится мне всё это! Может, именно поэтому я так сильно полюбила этот милый, уютный и зелёный город дальневосточной земли!

Вот так я забылась в своих мечтах и размышлениях, стоя у окна своей квартиры многоэтажного дома у самой главной площади города. Мой покой неожиданно нарушил теле-

фонный звонок. Это звонил мой друг с Сахалина: «Привет, землячка. Открой свою электронную почту и прочти моё письмо. Я прислал тебе прекрасный сюжет для твоего нового рассказа. Напишешь – потом пришлешь мне прочитать. Я уверен, ты будешь рада!»

Я открыла почту, просмотрела. Это были отсканированные на компьютере дневниковые записи старого полковника, который всю жизнь был на службе, защищал Родину, а на старости лет решил, видимо, все свои воспоминания запечатлеть на бумаге, чтобы дети и внуки знали свои корни..., чтобы они тоже умели защищать родную землю и сильно любить свою Родину.

Я обрадовалась несказанно... Я очень обрадовалась..., может быть потому, что очень сильно хотела, чтобы мои внуки тоже умели любить Родину. Я начала читать... Сначала служака писал о своём отце, который, видимо, во время Гражданской войны был командиром партизанского отряда на Сучане.

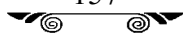
По прошествии многих лет бумага вся пожелтела..., написанное простым химическим карандашом местами полностью расплылось... Поняла только то, что отец храбро сражался с интервентами, был знаком и с Сибирцевым, и с Банивуром. А после окончания войны он отдал своего сына в военное училище, чтобы сын тоже стал храбрым бойцом.

Затем полковник пишет уже о себе. Из училища он вышел военным инженером строительных войск. В 30-х годах прошлого века строил на Русском острове оборонительные укрепления. Перед началом Великой Отечественной войны были построены защитные батареи и вокруг Владивостока. А когда началась война, его перебросили на Западный фронт. Там он тоже руководил строительством разных оборонительных рубежей. В конце войны дошёл даже до Германии. Но его сильно ранило в ногу. Победу встретил в госпитале. Далее он пишет о том, что его комиссовали из армии – он не мог даже ходить, еле передвигался лишь на костылях. Сопровождать его из Германии до Владивостока дали раненую медсестру, тоже комиссованную по болезни..., но она ходила и даже ставила уколы и перевязывала раны. Медсестра родом была с окраины Бреста. Когда началась война, её мужа и пятилетнего сына на её глазах разорвала немецкая бомба. Сама она потеряла сознание. Очнулась от сильных толчков жены сослуживца мужа. Нужно было срочно убежать из города – рёв немецких танков был уже очень близок. Чудом они смогли выбраться из города, затем присоединились к частям нашей армии, перевязывали раненых, и на всю войну остались в медсанчасти... И вот дошла даже до логова врага. А теперь решила: после того, как выполнит задание командования, то есть доведёт полковника до Владивостока, уйдёт, куда глаза глядят – возвращаться в Брест не хотела.

Далее дневник был написан чернилами, и читать стало легче. Привожу теперь слова полковника полностью, сохраняя авторский стиль: «В моей памяти не сохранились подробности того, как мы добрались из Германии до Москвы... Помню только лошадиные подводы, случайные наши грузовики, поезда... Иногда я терял даже сознание от боли в ногах... Медсестра перевязывала мои раны, ставила какие-то уколы... даже кормила из рук... В Москве она всё таки сумела посадить меня в поезд, шедший до Владивостока... В вагоне были солдаты, возвращающиеся домой, почти все раненые, искалеченные войной. Кто стонал, кто-то радостно разговаривал, кто-то успокаивал соседа... но в воздухе витала радость – радость Победы над врагом!

Вдруг в вагоне мы услышали детский голосок: «Пусть он зе-е-емлю бережёт родную, а любовь Катюша сбережёт-ё-ёт...» Все насторожились... Откуда в военном вагоне дети?... Взглянули в ту сторону, откуда доносились слова... Взглянули... и все потеряли дар речи... остолбенели... По проходу шли два мальчика: один выше, второй чуть пониже... годков им было лет десять-двенадцать... Оба были в кровоподтёках, с синяками на всё лицо... одежду нельзя назвать одеждой... просто лохмотья... В руках держали наподобие картуза, где валялись кусочки хлеба, картофелинки... Видимо, они пели и этим зарабатывали на пропитание...

Я взглянул на них... и сердце моё ушло в пропасть – ведь у меня тоже во Владивостоке остались дети! Когда я уходил, моим сыновьям было шесть и восемь лет... Они оставались с их мамой, с моей любимой жёнушкой... Где мои дети... что с ними... – я ведь ничего

не знаю, потому что всю войну был на секретных объектах, и у меня не было возможности дать им даже весточку... Надеюсь, что они все ждут меня в нашей уютной квартире в центре города... Я возвращаюсь к ним живой!..

Пока они приближались к середине вагона, где я сидел, я всё следил за ними... Кто-то клал в их картузики кусочек хлебушка... кто-то кусочек сахара... кто что мог... Но было похоже, что им совершенно не важно, что кладут им... Они очень пристально вглядывались в лица людей, будто кого-то искали... того, кто им очень нужен... Не находя нужное лицо, они становились ещё грустнее...

Вот дошли до меня... На меня взглянули глаза ребёнка, измученного до последней стадии измождённости... беспредельно печальные... но всё же с искоркой надежды... Меня ударило будто током! Я заметил в них что-то знакомое до боли... мысли завертелись вихрем... но никак не мог вспомнить, чьи это глаза... За долгие военные годы, где я прошёл все ужасы ада, я забыл даже глаза своих детей... Мальчик тоже взглянул на меня как-то особому... даже чуть улыбнулся... какая-то искорка радости вспыхнула в этих потухших глазах... он даже пошатнулся, будто хотел кинуться мне в объятия... Но, встретившись, видимо, с моим испуганным взглядом, он остановился... грустно опустил лицо и медленно пошёл дальше...

Второй ребёнок тоже остановился передо мной... Они были очень похожи друг на друга... В глазах этого мальчика тоже промелькнула искринка радости... Но он тихо поплёлся за братом... И снова – «Пусть он зе-е-е-млю бережёт родную...»

Я сидел как на иголках... Кто они?! Почему остановились передо мной?! «Нет-нет!.. Мои дети с мамой... они дома...» Больше у меня не хватило сил усидеть на месте! Я, хромая, почти пополз за ними. Вот они остановились в конце вагона – дальше идти некуда. Младший сел на грязный пол и сильно закашлял... изо рта брызнула кровь... он размазывал её по лицу... зарыдал не детским плачем... Старший присел рядом... обнял его... «Мы найдём... мы обязательно найдём его... Видишь, чужие папы возвращаются домой... Наш папа тоже едет к нам...» – был слышен успокаивающий шёпот. А младший всё плакал и плакал... теперь заплакал и старший... Было похоже, что они искали отца... не нашли... и теперь горе захлестнуло их...

Я присел к ним на пол, обнял за худые плечи и начал шептать: «Да-да, ваш папа тоже едет к вам! Видите, война кончилась! Все папы возвращаются к своим детям!» Они доверчиво прикинули ко мне... Я чувствовал каждое рёбрышко их захудалых телец. Мне было очень жалко их. Я обнимал и обнимал их... целовал их грязные волосы... и какое-то тепло изливалось по всему моему телу...

– Как вас зовут? Сколько вам лет?

– Меня Володей, а он Ваня... Мне двенадцать лет, а ему – десять... («Чу! Моих детей тоже так зовут! И годов им столько же!»)

– А фамилия! – громче спросил я.

– Решетников... («Так это же моя фамилия!»)

– А отец кто?! – ещё громче выдохнул я.

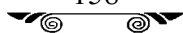
– Командир... Он ушёл на фронт в самом начале войны... Валентиновичи мы...

– А маму как зовут? Где она?! – тут уж мои нервы не выдержали – я схватил старшего за плечи и пристально посмотрел ему в глаза. («Да это же глаза моей жены!»)

От неожиданности он оторопел, но всё же произнёс:

– Маму звали Валентина... Она умерла ещё в начале войны... Нас отдали в детдом, но через два года мы сбежали оттуда искать отца. Нас поймали в дороге и снова отдали в детдом. Мы снова сбежали... и вот теперь ищем отца во всех поездах... Мы ездили даже домой, думали: может он дома нас ждёт... Но в нашей квартире жили чужие люди, и они не пустили нас домой...

– Сынишки! Это ж мои сынишки!!! Володенька! Ванюшка ты мой!!! – крикнул я что есть сил. Начал их тискать в своих объятиях... целовал... и заплакал самыми горячими слезами... – Дети мои, родненькие! Кровиночки мои!!!

Детишки сначала от неожиданности онемели... но потом, очнувшись, оба кинулись мне на шею: «Папа!.. Папочка!.. Мы нашли тебя!..» Оба ревели навзрыд... навзрыд ревел и я... Все присутствующие в вагоне удивлённо смотрели на нас... Вдруг младший бесчувственно завис у меня на руке... «Нервный шок... – услышал за собой тревожный голос своей медсестры Нины. – Надо его положить на сиденье!»

Я не чувствовал своей боли на ногах... Как можно быстрее я поднял беспомощное тельце на руки и почти побежал на своё место.

– Командир, сюда... сюда ... – вскочил со своего места мой сосед.

Нина быстро убрала рукава рубашки (если можно это лохмотье назвать рубашкой) и так же ловко поставила в руку укол. Через какое-то время – второй. Вскоре Ваня открыл глаза... узнал меня... и со всей своей детской измождённой силой снова прильнул ко мне. Не веря своему счастью, посмотрел мне в глаза и спросил:

– Папа, а ты... действительно наш папа?.. Ты больше не оставишь нас?..

– Ваш папа, ваш... сыночки мои... дорогие мои... – я никак не мог успокоиться... всё ревел и ревел... Солдаты, глядя на меня, тоже всхлипывали... Чего они только не навидались в грозные годы ада... И каждый ещё точно не знал, что там с их детьми... Чтобы успокоить сыновей, я начал вспоминать довоенные годы.

– Володенька, а помнишь, до войны мы всей семьёй ходили на аэродром, где наши самолёты показывали в небе своё мастерство. Ты прыгал и прыгал... и говорил, что когда вырастешь, обязательно будешь лётчиком...

– Да-а! А Ваня на самолёты и не смотрел...

– А я буду танкистом...

– А помните, после этого праздника я подарил тебе белый самолёт с красной звездой, а тебе, Ванюша, танк...

– Только этот самолёт в детдоме отобрали старшие ребята...

– И мой танк тоже...

– Ничего... ничего, мои детушки... Тогда были сложные времена... Теперь я вам куплю новые игрушки...

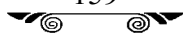
– А я всё равно буду лётчиком!

– А я – танкистом!..

– Ну, конечно, танкистом! Непременно танкистом! Ванечка, а ты знаешь, как мы на своих тридцатичетвёрках гнали фашистов?.. Вплоть до Берлина они убежали, не оглядываясь... – улыбнулся солдат в чёрном обгорелом танкистском шлеме.

Эта шутка разрядила обстановку... Все заулыбались... начали шутить... рассказывать разные истории... Казалось, весь вагон радовался моему неожиданному счастью! Дети мои ни на шаг не отходили от меня, сидели на коленях и крепко обнимали... Затем, видимо, окончательно убедившись, что наконец-то нашли отца, прямо в моих объятиях крепко заснули... наверное, первый раз так спокойно за многие мучительные годы поисков... А я всё смотрел на их грязные избитые лица, и слёзы ручьём лились из моих глаз... Сколько горя и бед натерпелись мои дети на дорогах жестокой и страшной войны!

Через несколько дней мы доехали до Владивостока. Солдаты прощались... жали мне руки... трепали за волосы моих сыновей... Кто-то клал им в руки хлебушек, кто-то ещё что-то... «Не надо... не надо... везите домой...» – говорил я им. Они называли свои адреса: «Командир, если нужна будет помощь – приходи ко мне на эту улицу...». Бывалый пожилой танкист при прощании надел на голову Вани свой шлем и сказал: «Носи, Ванечка, мой шлем в память обо мне... Я вёз его себе на память... но дома меня никто не ждёт: мои дети – трое сыновей – остались там... на Курской дуге... Мать их не выдержала горя... Носи и всегда помни, что не сломить нас врагам! Теперь твоя очередь – защищать свою страну. Мы уж отвоевали своё... Ты будешь ездить на других танках... более сильных, чем наш Т-34. Но всегда помни: это мы защитили Отчизну в этой войне!» Сказал и горько заплакал... затем добавил: «Будем жить, командир!»

Моя медсестра Нина тоже засуеуилась. Одеда на спину свой солдатский вещмешок, встала по стойке «Смирно» и вымолвила:

– Товарищ полковник, разрешите идти. Я своё задание выполнила – довезла Вас до родного города. Теперь пойду.

Дети оторопели. Я тоже... Я всю дорогу никогда не задумывался о дальнейшей судьбе этой чудесной медсестры... «А ведь если б не она, вряд ли я доехал бы сюда... Рана моя гноилась... и если б не её каждодневные перевязки, что бы случилось со мной?! И куда она теперь пойдёт в незнакомом ей городе... пусть и говорила, что не хочет возвращаться на родину, что пойдёт куда глаза глядят... Как она будет жить?..»

Дети мои очнулись первыми, схватили её за руки с обеих сторон, обняли и начали наперебой говорить:

– Тётя Нина... тётя Нина... не уходите никуда... ну, пожалуйста... останьтесь с нами... Пойдём с нами...

Она посмотрела мне в глаза... Я тоже очнулся: «А что, если она, действительно, пойдёт с нами?.. Жены, оказывается, у меня нет уже четыре года... Детям, как никак, мать нужна... А... может... согласится?..» И я очень нерешительно молвил:

– Нина... а может... будешь им матерью?.. Если... конечно... ты... не против...

Она долго смотрела мне в глаза... Наверное, вспоминала свою семью... ребёнка своего... Потом как-то разом обняла моих детей и всхлипнула:

– Сыночек мой, родненький...

Первым делом мы направились в военкомат, ведь наша квартира уже не наша. Там выделили нам место жительства. Устроили и на работу: меня преподавателем в своё же училище, которое я когда-то закончил... А Нина стала работать в госпитале. Первым делом она принялась за лечение Ванечки, у которого было уже воспаление лёгких. Вылечила, поставила на ноги. И меня вылечила. Вылечила израненные души моих сыновей. Я был ей очень благодарен, старался всеми силами согреть и её израненную душу.

Прошли времена. Старший мой сын стал лётчиком, как того хотел с самого детства. Ванечка стал танкистом. Чёрный обгоревший шлем того бывалого танкиста носил всегда с собой. Я до старости своей работал в училище – учил молодых ребят защищать Родину. Жизнь я прожил славную! Только об одном молю Бога: чтобы мои дети и внуки никогда не видели настоящих сражений!»

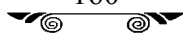
Больше на листочках не было никаких записей. Поражённая прочитанным, я отложила свой мокрый носовой платок, выключила компьютер и снова подошла к окну. Полная луна освещала землю. Сияли на небе звёзды. Сверкали на земле снежинки. Город тихо спал. Сопели носиками и мои внучата. И мне так сильно захотелось, чтобы дети всегда спали под тихим звёздным небом, чтобы на Земле никогда не терялись дети, и чтобы на Земле всегда был мир!

Да – и такое бывает!

Умка

Рассказ

Владивостокский аэропорт встретил меня сиянием утренних солнечных лучей. Весь воздух был пропитан весенним ароматом... ощущением радости... счастья... Ну, да – я же спешила домой!!! Прекрасна дальневосточная земля, ка-а-а-а-к она прекрасна, величава, таинственна!!! Но я прожила всю жизнь среди высоких и стройных берёз с ромашковыми и земляничными полянками, среди богатых хлебных полей с васильковыми улыбками, среди чистых целебных родничков и спокойных марийских рек... И поэтому весной меня тянуло домой... к себе на Малую Родину!!! Нет на свете места милее и краше родимой земли!!!

Пройдя все процедуры перед дальним полётом, я села на своё место в самолёте – у иллюминатора. Я очень люблю смотреть на землю с высоты... а когда летишь над облаками, душа замирает от небесной красоты!

Командир корабля приветствует пассажиров, желает приятного полёта. А мне хочется скорее взлететь... скорее... ну, скорее... домой! «Айда вашкерак чонештена!» – не выдерживаю я и тороплю его на своём языке.

– Куш тыге вашкет? – вдруг слышу марийскую речь. С распахнутыми глазами оборачиваюсь к соседу.

– Да-да, я тоже мариец... Куда так спешишь? – добродушно улыбается мне мужчина в возрасте... с бездонными синими глазами.

– О Боже, марийцев встречаю даже на небе... Неужели они живут по всему миру? – восклицаю от удивления... И утопаю в этих мужественных красивых глазах, добрых... добрых...

– На Камчатке по-марийски поют, на Сахалине по-марийски танцуют... а в Приморье как? – улыбается шутник.

– А в Приморье у нас даже свой Союз имеется... – поддерживаю его тон.

– Я – Валентин Иванович, лечу в Москву к другу детства, сослуживцу... Хочу Москву проведать, молодые годы вспомнить. Теперь я пенсионер, так сказать, полковник без полка. Вся жизнь прошла на границе, а теперь хочу на цивилизацию посмотреть... – протянул руку сосед.

Я очень обрадовалась... Крепко пожала руку и с мольбой посмотрела в его глаза:

– Какая радость для меня! Понимаете, я приезжаю сюда уж десятый год. Как ездила на поезде, каких людей встречала – об этом уж написала несколько очерков... очерков о судьбах разных людей. А вот как на самолёте летала и с какими людьми – об этом почему-то не писала. Расскажите мне, пожалуйста, о своей судьбе, о службе, может быть, было в вашей жизни что-то очень интересное, запоминающееся. И вообще, если вы мариец, то как сюда попали, где живёте?

– Ах, сразу сто вопросов... – улыбается сосед. – Ну, ладно – лететь нам целых восемь часов, времени достаточно. Если так хочешь слушать, так слушай: отец мой с Морков, окончил в Йошкар-Оле лесотехнический институт, мать – Сернурская, окончила Йошкар-Олинское медучилище.

– И я Сернурская... значит, мы с Вами вдвойне земляки! – воскликнула я.

– Сестрёнка мне, значит, – улыбнулся он и продолжил свой рассказ:

– Так вот, молодые романтики откликнулись на призыв Компартии об освоении новых неизведанных земель и поехали на Сахалин совершать трудовые подвиги. Там и родился я. Отец работал лесничим. Когда я чуть подрос, он начал меня таскать с собой в лес, так сказать, начал учить, как выживать в природе. Так научил, что потом сам не мог меня находить в своём лесном участке – я превратился в «Маугли». Отец радовался.

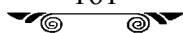
Когда пришла пора идти в армию, никакого выбора за мной не вставало – я смело пошёл в пограничники, о чём мечтал с детства. После трёх лет службы командир порекомендовал мне поступить в Хабаровское высшее пограничное училище. Я согласился. После службы направили в родной Сахалин. Так началась моя офицерская служба на границах Дальнего Востока. Время шло, я рос и в чинах... успел стать майором.

Романтика звала меня в неизведанные дали. Я попросился на Север. Попал в очень важный стратегический район, на один из северных островов, где хозяйничали метели да белые медведи. Природа удивляла и восхищала. Полярные ночи, северные сияния очень радовали мою романтическую натуру.

Застава наша была небольшая. Продукты и всё необходимое доставляли на вертолётах раз в неделю. Жили и не тужили. Среди пограничников были ребята и из северных национальностей. В свободное время эвенки и чукчи учили нас строить избы-иглы. Нам очень нравилось. Мы озорничали, как малые дети.

– Ну, медведи-то... с ними-то хоть встречались? – не выдерживаю я.

– Вот к этому и веду разговор, – улыбается сосед. – Кстати, скажи – а ты веришь в дружбу человека и диких зверей?

– Я много читала об этом. Писали и в газетах, и в книгах как-то приходилось читать рассказы, и земляки, которые служили на Севере, тоже что-то рассказывали об этом... Но я, честно говоря, в такую дружбу не очень-то верю. Как это дикий зверь может полюбить и подружиться с человеком? Фантастика! – задумалась я.

– Вот и не верят мне люди... Вообще-то к нам на заставу приезжал даже корреспондент из Москвы – из редакции военной газеты «Красная звезда». Он своими глазами решил увидеть, проверить. Потом в газете напечатал было большую статью о дружбе медведя и человека, аж до сердца подхватывало... А вот я тебе скажу: может быть такая дружба! Может! – задумчивые глаза улетели куда-то далеко в прошлое. Лицо человека стало очень грустным. – Только, понимаешь, человек должен быть хоть чуточку добрее к ним, милосерднее что-ли...

Мне стало соседа даже жалко. Видимо, таит он в душе что-то очень важное, волнующее его душу, и кажется, даже не дающее покоя его совести... В этот момент мне показалось, что потухли даже его красивые голубые глаза...

– Не веришь, значит... А хочешь, я всё же расскажу тебе о такой дружбе? – грустно произнёс человек с очень мужественным лицом, так сказать – человек с военной выправкой. Я кивнула головой. – Ну вот, слушай...

Однажды я со своими пограничниками пошёл в наряд-дозор. Погода выдалась ясная, время шло к лету. Идём, значит, мы по своему маршруту, в бинокль смотрим – наблюдаем. Вдруг со стороны большой ледовой глыбы послышался какой-то непонятный звук... то ли рычит... то ли кто-то плачет... Мы мигом растянулись на снежной пустыне... Бинокль шарит вокруг белой бесконечности до горизонта. Начали ползти в сторону звука. Доползли до глыбы, тихонечко присмотрелись, и вдруг... заметили: белый комочек бегаёт на самом краю глубокой ледовой расщелины, лёд ярко блестит под лучами солнца. Да это же белый медвежонок... маленький-ма-а-а-ленький! Он бегаёт, суетится, и как будто бы плачет. Что такое? Теперь без опаски все встали и направились в его сторону. А он как бы и не замечает людей... такое ощущение, что он хочет прыгнуть вниз. Мы посмотрели вниз, а там – почти бездонная ледяная пропасть, а на самом дне на острой глыбе тихо шевелится белая медведица! Вокруг неё лёд весь красный – видимо, её кровь.

– Ой, надо спасать медведицу! Она же умрёт там! Как же тогда медвежонок? – воскликнул мой солдат-эвенк. Он быстро достал свою канатную верёвку, начал разматывать и один конец прикреплять к большой ледяной глыбе. Сам собрался спуститься туда... вниз...

Я опомнился. Нам говорили о повадках северных зверей. Медведица долго не выводит медвежонок из ледяной берлоги, сама приносит еду. Но, видимо, эта медведица сильно проголодалась за долгую зиму, наверное, не осталось вблизи той еды, что ей надо, и решила собраться в путь. Когда переходила эту ледяную гору, у голодного зверя, видимо, не хватило сил быстро пройти преграду... ноги поскользнулись, и она не удержалась на гладком льду. Наверное, так... как же иначе?

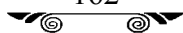
Ещё раз посмотрел вниз и от страха поневоле пошатнулся – такая узкая глубина!

– Стой! – кричу солдату. – Как будем доставать оттуда – весит она полтонны, не меньше. К тому же ранена... и с медвежонком... Она мигом тебя разорвёт!

Пока мы стояли, раздумывали, медведица перестала и шевелиться: голова беспомощно зависла вниз. «О-ох-х...» – раздался её последний вздох. Мы не смеем посмотреть друг другу и в глаза – нам показалось, что только что совершили что-то ужасное, подлое. В горле застрял комок, сердце разрывалось от боли...

Солдат-эвенк встал на колени, поднял руки кверху и начал что-то шептать на своём языке. «Просил прощения у Бога природы», – говорил потом. Он бросил свой канат другу и быстро кинулся на медвежонок, успел схватить его за лапу, быстро сунул в свой вещмешок и затянул шнурок. Малыш рычит, ворочается в мешке. Мы быстро пошли по своей дороге, вернулись на заставу, сдали смену, и все побежали на кухню.

Повару кричу: «Снимай скорее свой унт!» Он ничего не понимает. Эвенк силой посадил его на стул, снял с него нагретый у горячей плиты унт и сунул туда кусающегося зверёнка. «Скорей тёплого молока!» – снова кричу повару. Он принёс молочко в кружке. «А как

кормить?» – ужаснулся я. Эвенк дал мне подержать унт с медвежонок, сам оторвал откуда-то тряпочку, быстро накрошил туда хлеб, намочил тёплым молочком и протянул мне: «А вот и соска! Так мы кормим иногда маленьких телят-оленят». Кое-как мы сумели засунуть в пасть малышу нашу самодельную соску. Сначала он бунтовал, но потом, видимо, понял вкус молока... затих... начал сосать... а мы всё подливаем молочко... Насосался... Успокоился... Очень уставший медвежонок задремал в тёплом унте. Я машу повару пальцем: « Не шуми – новую обувь дам тебе...»

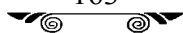
Так мы начали ухаживать за младенцем. Он был совсем крохотный. По ночам тоже просил соску. На ночь я брал его к себе в кровать, чтобы не будить остальных ребят. Так он привык ко мне, видимо, как к своей кормилице. Всю свою порцию молока и мяса я давал ему. Сам ходил, можно сказать, полуголодный, но в первую очередь кормил его. За лето он подрос, начал бегать за мной по заставе. В то время на экраны вышел мультфильм «Умка». Нам тоже он понравился, и мы стали звать его Умка. Хотя медвежонок был девочкой, но имя, похоже, ей тоже понравилось.

Солдаты играют с ним, учат разным штучкам. Начинают в футбол играть, а малыш берёт в лапки мяч и бежит к так называемым воротам и бросает туда. Не зря, оказывается, в цирке учат медведей всяким премудростям – наш медвежонок смог бы работать в любом цирке. Доигрались до того, что к осени медвежонок научился вставать в одну шеренгу с ребятами. Я команду: «Строиться-я-я!» В шеренгу за последним солдатом встаёт Умка. «Смирно-о-о!» И он стоит смирно, не шелохнётся даже. Сначала мы все хохотали, а потом без него не проходила ни одна строевая ходьба. Чуть позже его стали брать и в дозор. Такая жизнь ему очень понравилась. Он не пытался даже куда-нибудь отходить...

К зиме он подрос. Еды стало не хватать. Тогда я попросил у командования дополнительное довольствие. Начальник штаба удивляется: «Так, у тебя в заставе столько человек... Кому ещё просишь?» «Надо», – мямлю. «Слушай, ты чего это в секретной заставе мутишь? Сам приеду – всё проверю!» – слышу грозный голос своего командира.

И приехал! Спускается с вертолётa. А у нас как раз время идти в наряд. «Строиться!» – кричу. Все встают в шеренгу. «Смир-р-но-о!» Медведь на задних лапах, смотрит в одну точку. «К охране Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик приступить!» Шеренга солдат парадным шагом проходит мимо полковника штаба. За ними так же смирно семенит медведь. Вижу: командир весь вспотел, испуганные глаза бегают, наверное, ищут место спасения. Глядя на него, мне становится очень смешно... Когда все прошли, командир спотыкающимся языком еле произнёс: «Д-д-да... я т-т-е-бя... я т-т-тебя...» Я смеюсь: «Вот кому нужно дополнительное довольствие! Он тоже охраняет границу!»

Он выругался на чём свет стоит, вздохнул и потрепал меня по-мужски. Но дополнительный паёк всё же выделил. Жизнь наша северная с полярными ночами, сияниями пошла ещё веселее. Прошло два года. Питался медведь заслуженным пайком – честно «служил» Родине. Жил в избе-игле. Солдаты менялись, «стариками» увольнялись, увозя с собой добрую память о северном друге, прибывали новобранцы, которые быстро привыкали к удивительному другу, и было всё хорошо.

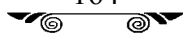

Если бы... вот если не если бы... Звонит мне однажды начальник штаба и говорит: «Слушай, Валентин, может пора тебе звание повышать? Езжай-ка ты, брат, в Москву в Академию. До пенсии тебе далеко, семьи нет, служишь давно – все азы армейской жизни знаешь. Может, на полковника доучишься?..» «Ой, нет! – сразу же возразил я в ответ. – Кому я свою Умку оставлю?!» «Да ты что – из-за какого-то дикого зверя хочешь отказаться от карьеры? Ты дурак?»

И вот что меня дёрнуло? Ну, что? Видишь ли – вдруг захотел стать полковником, о чём никогда даже не задумывался. И что думаешь: согласился ведь я на свою беду! Дурак! Ну, конечно, великий дурак! И поехал в Москву!

А мой северный друг заскучал! Перестал ходить даже в дозор – всё ждал вертолёта, который увёз меня от него! А как только слышал шум приближающейся железной машины, бежал ему навстречу, у самого трапа ждал, кто выйдет оттуда... И так всегда! Друзья из заставы звонили мне часто, когда я разговаривал, надевали на уши медведя наушники, и он слушал меня, слушал... иногда что-то рычал на своём языке, будто рассказывал что-то. Друзья даже фотоснимок прислали, как он сидит рядом с рацией в наушниках, а мордочка довольная такая... Во все отпуска я приезжал к нему, и тогда нашей радости не было предела! Вот так все три года моей учёбы! Мы очень сильно любили друг друга!

К концу моей учёбы дома на Сахалине заболел отец и вскоре оставил маму одну. От горя легла и она. Не поехать к ней у меня не хватило совести. Мама... Скрипя сердце, пришлось мне сменить место службы – не повезу же больную маму на северную заставу. Она стала просить внуков. В надежде, что хоть, может быть, так станет ей лучше, мне пришлось жениться, о чём тоже никогда не задумывался – на первом месте для меня всегда была служба. Потом пошли свои дети... Большой чин требовал большей отдачи на работе. Конечно, часто звонил на свою прежнюю заставу, разговаривал с другом, слушал его мычание-урчание, чуть успокаивался, но друзья говорили о том, как сильно всё же скучает друг.

Однажды не стерпел – попросил командировочную и полетел на свою северную заставу. Чем ближе приближался вертолёт к месту, тем сильнее стучала у меня кровь в висках. Сердце колотилось бешено. Вдруг из иллюминатора вижу: бежит во всю прыть к вертолёту моя Умка! Как вышел из кабины, медведь узнал меня, обнял передними лапами, начал лизать, рычать, что-то происходило тут невероятное... Я даже испугался: сила теперь была у него настоящая, медвежья!

Три дня и ночи не отходил он от меня ни на секунду! Мы с ним бегали, играли, вместе ели и даже спали вместе. Представляешь? Ты веришь или нет? Ну, скажи – ты веришь такому? *(Я молчала... Я сидела и молчала... У меня не было слов... А он снова продолжил рассказ.)*

В последний день я обнимал Умку сильнее, целовал в нос и рассказывал о своей семье, о детях, о том, что, наверное, больше не смогу приехать к ней, потому что очень много дел...

Когда вертолёт уже отлетал, я видел, как Умка сидела всё на одном и том же месте и с тоской смотрела мне вслед. Потом друзья говорили, что по её щекам текли слёзы.

Очень скоро после этого с заставы пришла ко мне горькая весть: после моего отъезда Умка перестала есть, не выходила из иглы, всё время тихо лежала, а щёки её всегда были мокрые... А однажды утром её нигде не нашли. Пошли в поиск по её следам, пришли к той самой расщелине, где её нашли. К этому времени расщелина стала ещё глубже. Посмотрели вниз и все ахнули: на самом дне на остром ледяном выступе лежала Умка и не шевелилась. Без любимого друга она не захотела больше жить! Она перестала верить!

После этого известия я заболел. Я считал себя самым страшнейшим предателем. У меня зашалило сердце. Я лёг. Меня не радовали ни дети, ни служба. Подал рапорт об отставке. Стыдно было перед женой, хотя причину своей болезни ей не говорил, но ничего не мог с собой сделать. Начали отправлять меня в санаторий за санаторием. Чтобы как-то отвлечься, я соглашался...

Потом я устроился лесником в бывшее папино же лесничество, вернулся к знакомым мне с детства местам. В лесу начал чуть-чуть отходить от своего горя, вообще-то не столько от горя, сколько от ощущения своего предательства, от своего ничтожества.

А теперь вот на пенсии, уж состарился совсем, годков-то мне ух, сколько! Вот и решил перед смертью ещё раз на Москву посмотреть, с другом детства пообщаться. Ещё хочу слетать на старую свою северную заставу, сходить на место гибели Умки, попросить у её духа прощения, покаяться. Вот... Вот и рассказал я тебе что-то интересное, как ты и просила. Ну, что скажешь?..

Сказать что-то у меня не было сил. У меня не было сил признать его ошибку, и у меня не было сил оправдать его поступок. Я просто молчала. Я думала о том, как много раз предавали меня мои друзья, которые клялись в вечной дружбе... И чувства медведицы мне были очень знакомы! А с другой стороны – был ли иной выход у офицера? Что он мог сделать в той ситуации? Но в то же время у разумного человека всегда должна быть такая мысль: «Мы всегда в ответе за тех, кого приручили!»

Я не нашла никаких слов, чтобы что-то сказать человеку. Я не знала, что сказать! Лишь в глубину своего ума и сердца отложила мысль: «Доброта – великая сила! Доброта, помноженная на любовь, – ещё сильнее! Поэтому в жизни нужно совершать только добро и любить... любить от всего чистого сердца... даже диких зверей!»

Вскоре наш огромный «Боинг» приземлился в аэропорту Шереметьева. Пассажиры растворились в огромном людском мире. И очень хотелось бы, чтобы в этом огромном мире люди находили хоть малое место для Добра.

Мы тоже попрощались, даже обменялись телефонными номерами, просто так... Да, просто так, ведь совсем скоро в этом огромном мире в суете своих забот мы просто забудем друг друга...

Но вот Умка уже никогда не забудется! Никогда! Она будет вечно находиться в самом дальнем уголке моего сердца, и всегда будет напоминать о доброте... и верности...

2020 год
Владивосток – Йошкар-Ола

